

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ

КОНАН

ПРОТИВ
ЗВЕЗДНОГО
БРАТСТВА

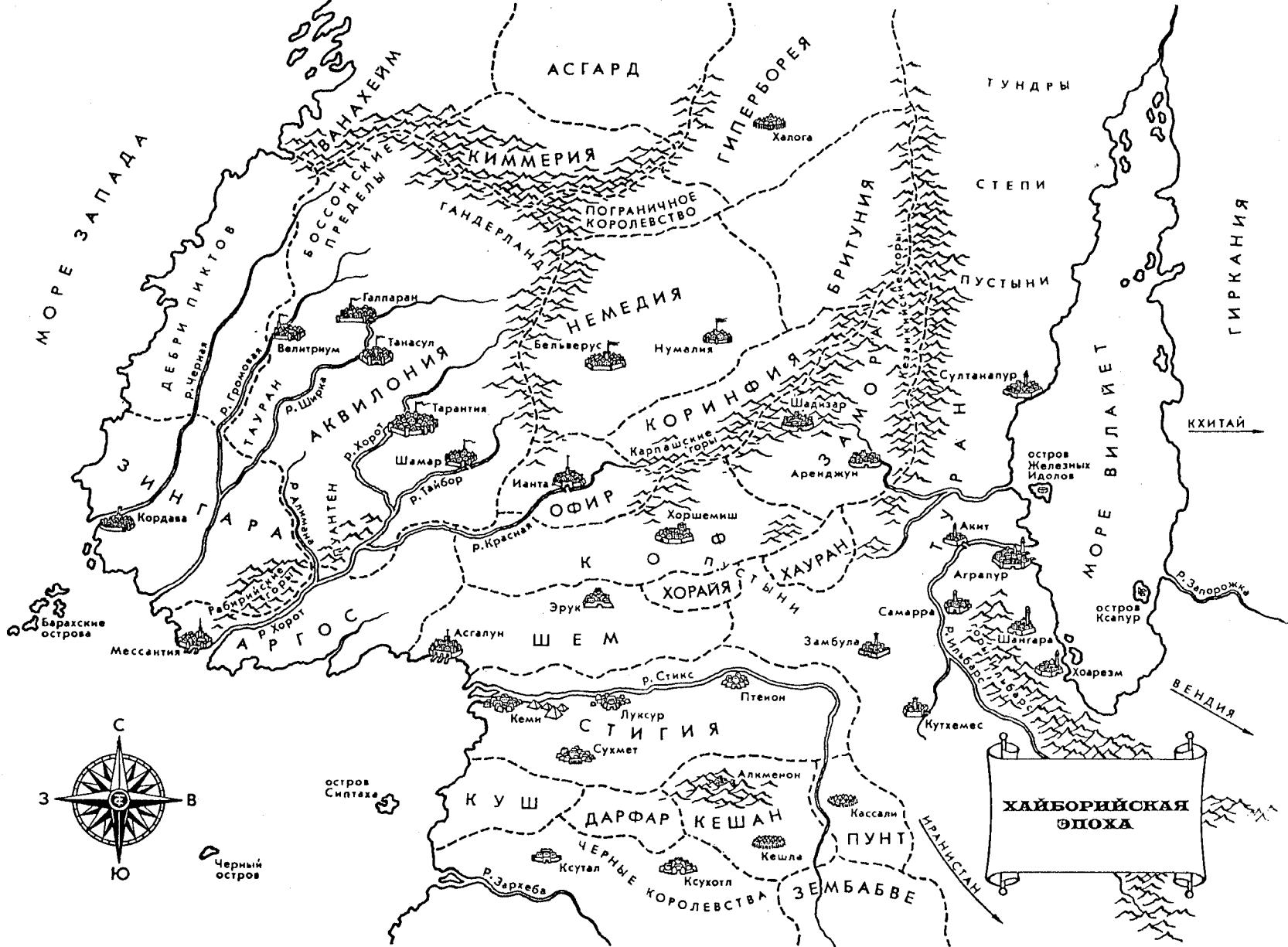
Роланд
Грин

"Как всегда у Грина -
красочное приключение
высокой пробы."

*- Science Fiction
chronicle*

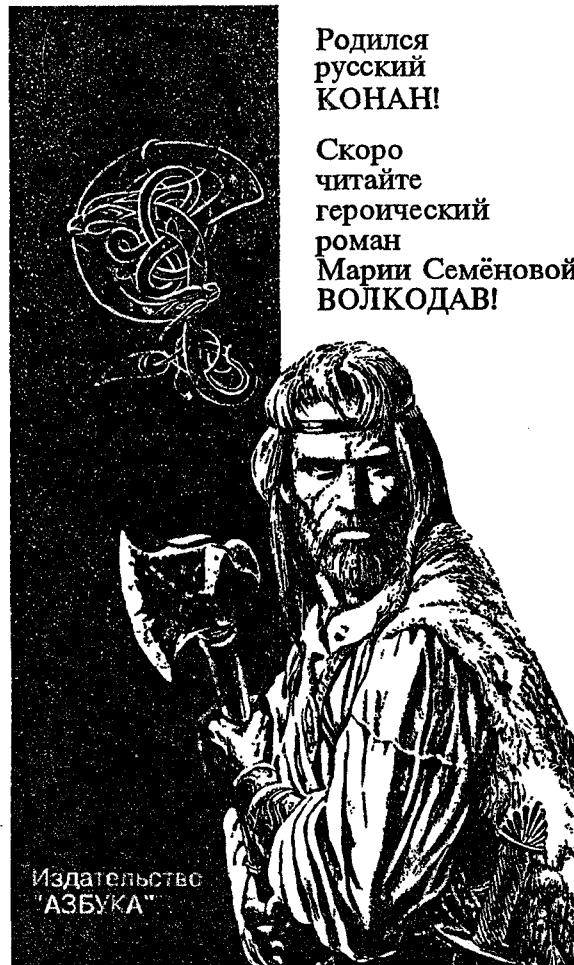


АЗБУКА
fantasy



Родился
русский
КОНАН!

Скоро
читайте
героический
роман
Марии Семёновой
ВОЛКОДАВ!



Стань Частью Легенды!

Издательство "Азбука"
начинает почтовую игру

ХАЙБОРИЙСКАЯ ВИКТОРИНА.

Для участия в викторине Вам необходимо ответить на пять нижеперечисленных вопросов и выслать ответы по адресу издательства не позднее 1 сентября.

Для победителей мы приготовили призы с хайборийской символикой: майки, плакаты, значки.

Абсолютный чемпион викторины будет получать бесплатно в течение года все сигнальные экземпляры сериала о Конане-варваре.

Вопросы викторины:

1. Как звали отца и мать Конана?
2. Назовите первое произведение, где появляется Конан. Кто автор этого произведения?
3. Какая часть Хайбории связана с Россией?
4. Назовите главную магическую книгу хайборийской эпохи.
5. Где Конан добыл свой меч? Назовите две версии.

Желаем удачи!

Ответы присылайте по адресу:
198147, Санкт-Петербург, ул.Бронницкая,17.
Издательство "Азбука"

Авторы сериала КОНАН

Роберт Говард создал Конана киммерийца и весь Хайборийский мир. После смерти Говарда нашлись другие писатели, которые продолжили сагу о Конане.

Вот их имена:
Пол Андерсон
Кэтрин де Камп
Леон Спрэг де Камп
Леонард Карпентер
Лин Картер
Роланд Грин
Бьёрн Ниберг
Эндрю Оффут
Стив Перри
Джон Маддокс Робертс
Карл Эдвард Вагнер.

Вы встретитесь с каждым из них в сериале, который издает "АЗБУКА".

Роланд Грин

КОНАН

ПРОТИВ
ЗВЕЗДНОГО
БРАТСТВА



Издательство "Азбука"
Издательский центр "Терра"
Санкт-Петербург
1995

Roland Green. Conan the Relentless.

Copyright © 1992 by Conan Properties, Inc.

Конан™, Conan™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

Перевод Владимира Правосудова.

© 1995 "Терра" "Азбука", русское издание.

ISBN 5-300-00086-6

Ночь в глухом уголке Пограничного Королевства была не просто отсутствием света. Темнота присутствовала здесь как нечто осозаемое, самостоятельно существующее, стремящееся поглотить человека навсегда, заставив его забыть о том, что в мире есть свет.

И вот в такой кромешной тьме человек, называвший себя лордом Айбасом, медленно и неохотно просыпался. В другой своей жизни, нося другое имя, он привык пить вино и шляться по женщинам до первых лучей рассвета, а затем приниматься за дневную работу.

Теперь он стал старше. Его звали другим именем. Хозяин, которому он служил сейчас, тоже не был похож на остальных. По крайней мере, грубостью и жестокостью он превосходил всех тех, кому Айбас служил в Аквилонии. Кроме того, никогда раньше Айбасу так часто не приходилось спать на неудобном ложе из наломанных ветвей, сваленного в кучу камыша или просто охапки листьев, брошенных прямо на голые камни.

Сейчас Айбаса разбудила отнюдь не жесткая постель. До него долетел на крыльях ночного ветра шум, нарастающий, усиливающийся, как усиливается грохот копыт кавалерийского эскадрона, входящего в мощеный двор замка. Если бы он мог уснуть! Уснуть и не слышать этого звука, не давать воспоминаниям, связанным с ним, беспокоить его сон.

Звук становился все громче. Это был не рев, не рычание, не шипение и не грохот, подобный шуму огромных жерновов за работой.

В нем было что-то, что не могло принадлежать естественному, земному звуку или иметь отношение к добруму божеству. Если бы Айбаса заставили как-то назвать эти внеземные звуки, он, пожалуй, определил бы их как чавканье или чмоканье.

Еще он молился бы о том, чтобы больше его ни о чем не спрашивали. Он не смог бы сказать ничего больше, не показав, что знаком с источником этих звуков. Это знание было проклято и людьми и богами, которые, похоже, не особо заботились о том, что творилось на этой окраине мира.

Наконец Айбас отбросил одеяло из овчины и встал. Сегодня уже не уснуть, если только не утихнет жуткая какофония. Колдуны должны будут снова усыпить обладателя столь дикого голоса или, по крайней мере, заставить замолчать до рассвета. Они будут поддерживать его в

бодрствовании и заставят работать на себя до того момента, когда взошедшее солнце проникнет во все уголки долины и озера.

Даже если бы и удалось уснуть, невзирая на этот отвратительный вой, сон не был бы спокойным. Айбас слишком часто видел, что означает этот звук, чтобы забыть об этом. Его воспоминания о том, что он увидел, живя среди племени Пруджой, умрут лишь вместе с ним самим.

Но даже если смерть и могла бы очистить его разум и память, Айбас вовсе не стремился приблизить ее. Чтобы избежать преждевременной гибели, он покинул родную Аквилонию, сменил имя, продал меч, честь — все, на что только нашел покупателя, и пока что оказался здесь — в Пограничном Королевстве.

В сказках, которые рассказывали аквилонским детям, Пограничное Королевство было следующим за Стигией местом, где может случиться все что угодно, и, скорее всего, оно не будет добрым или хотя бы законным. Айбас уже давно знал, что всё, что рассказывали про Стигию, — чистая правда. Теперь он узнавал то же самое о Пограничном Королевстве.

Айбас по скрипучим доскам подошел к двери своего дома. Как и большинство домов в этой деревне, его лачуга стояла на склоне настолько крутом, что под одну из ее стен были подсунуты целые бревна в обхват толщиной. И все равно, оставить что-либо более или менее круглое на

полу — значило найти этот предмет скатившимся к нижней стене. В один прекрасный день (или ночь) вся эта развалюха и сама съедет по склону, чтобы внизу рассыпаться окончательно.

Дверь на кожаных петлях тоже заскрипела, когда Айбас открыл ее, чтобы выйти на главную улицу деревни. Улица представляла собой скопье подобие лестницы: часть ступеней была вырублена в самой скале, часть выложена из грубо обработанных каменных глыб. В долине было ровное место, но племя считало непозволительной роскошью ставить дома и сараи на тех клочках земли, где можно было сеять и выращивать что-либо.

Айбас давно уже заметил для себя с мрачным юмором, что останься он среди племени Поуджой подольше — и у него отрастет хвост для большего удобства лазания по камням и деревьям. Тогда, если выберется живым со службы у своего нынешнего хозяина, он может зарабатывать на жизнь, нанявшись к кому-нибудь в роли ученой обезьяны — вроде тех, которых кушитские купцы показывают на ярмарках.

Деревня освещалась только коптящими факелами, торчащими у дверей некоторых домов. Пока Айбас спал, тучи скрыли луну. Колдуны, называвшие себя Звездными Братьями, делали свои дела в темноте, кроме тех случаев, когда хотели нагнать страху на тех, кто видел, чем они занимались.

У Айбаса перехватило дыхание, когда он увидел открывавшуюся в соседнем доме дверь. В проеме показалась молодая девушка. За нею неясно маячил в тени силуэт мужчины. На девушке не было ничего, кроме кожаной юбки от гибкой талии до круглых колен. Факел у дверей ее дома отбрасывал резкие, контрастные блики на ее медные волосы, на высокую молодую грудь и на сильные крепкие ноги, которые Айбас столько раз уже видел во сне обивавшимися вокруг него...

Девушка обернулась, как будто нескромные мысли Айбаса стали осозаемым нежеланным прикосновением. Зеленые глаза встретились с карими. И, ничего не поделаешь, первым опустил глаза аквилонец. Не успел он вновь взглянуть на девушку, как услышал грубый мужской голос:

— Иди в дом, Вилла. Еще не хватало торчать тут, чтоб все, кому не лень, пялились на тебя.

— Я ведь не поэтому вышла, отец. Я просто подумала... мне кажется, что людям, которые сейчас там... там, внизу... что им нужно знать, что кто-то переживает за них; быть может, им станет чуть легче.

— Тихо ты! Нечего молоть тут всякую чепуху, особенно если ОН может услышать.

Это «он» было так же красноречиво, как если бы он ткнул пальцем в сторону Айбаса.

Аквилонец подождал, пока за Виллой закроется дверь, и тяжело вздохнул. Значит, Вилла настолько потеряла страх перед Звездными

Братьями, что не боится показать жалость к их жертвам?

Это было обычным делом среди племени Пoudжой. Вряд ли бы сами колдуны признались в этом. Да и в самом деле, если бы каждого, усомнившегося в добродетели, если уж не в могуществе, Звездных Братьев, отправлять на смерть — то долина Пoudжой стала бы куда менее населенной.

Может, настало время для очередной показательной казни? Если выбор падет на Виллу, сможет ли Айбас заступиться за нее, попросить о помиловании, обещая, конечно, всячески ходатайствовать перед своим хозяином...

Неожиданно холодный ночной воздух гор потепел. Айбас почувствовал, как лоб покрылся испариной, и вытер его мозолистой ладонью. По улице пронесся порыв ветра, далеко в темноте разнося искры от факелов в стенах домов.

Словно воспламененный этими искрами, над другим концом долины зажегся свет. Сначала — маленькая светящаяся точка, растущая, превращающаяся в голубое зарево, вытесняющее, выдавливающее темноту за хребты, отделяющие долину от остального мира.

Свет шел из-за высокой дамбы-стены, сложенной из камней, бревен и утрамбованной земли. Дамба перекрывала устье долины от края до края и прятала за собой глубокое озеро. По одну сторону озера вздымались высокие скалы, обра-

зая устрашающий гребень, заканчивающийся огромным валуном в форме головы дракона.

На этом камне стояли два человека: один высокий, другой пониже. Голубой колдовской свет плясал на их смазанных маслом телах и отражался от цепей, сковывавших их. Сковывавших и притягивавших к тому, что вскоре должно было вскарабкаться сюда из озера, чтобы проглотить их по команде Звездных Братьев.

Айбас счел за благо вернуться в дом. Он все еще не мог привыкнуть к зрелищу кормежки любимчика Братьев. А проявленная слабость могла быть расценена ими как враждебность.

В таком случае вряд ли его хозяин сможет потратить столько золота, сколько понадобится для возвращения благорасположения Звездных Братьев. Тогда, не имея друзей, окруженный врагами в этой чужой стране, Айбас снова будет вынужден бежать. Или же — он тоже кончит свою жизнь на скале в форме драконьей головы, видя, как тянутся усеянные страшными челюстями щупальца, чтобы добраться до его тела, напиться его крови...

Айбас содрогнулся от этой мысли. Его чуть было не вырвало. Он вбежал в дом и рухнул на постель, даже не закрыв дверь. Ему был слышен плеск волн, пока чудовище Звездных Братьев вылезало из воды, слышно чавканье или чмоканье, издаваемое готовящимся получить свою пищу чудовищем.

Айбас вставил в уши паклю, натянул кожаные наушники и уже не услышал раздавшийся вдали призыв волшебной флейты.

Зато его услышали стоявшие на вершине драконьей скалы рыбак и его сын. Флейта произвела на них странное, возбуждающее, приободряющее воздействие, словно боевая труба, призывающая кавалерию выступить в поход.

Рыбак понял, что обычная флейта не может так звучать. Марр-Флейтист наверняка тоже пользовался магией, как и колдуны долины Пoudжой.

Это ничуть не удивило рыбака. Он знал, что очень рискует, отправляясь с сыном за Холм Трех Дубов — туда, где рыскали охотники за людьми из племени Пoudжой. Но он знал и то, что в их землях много озер и рек, в которых полно полно отличной рыбы: лосося, форели, щуки. Попадались здесь и пресноводные осетры.

Что поделаешь, приходилось идти на риск, чтобы заработать на кусок хлеба. Значит, так было угодно богам. И чем большей победы хочет добиться человек, тем большей опасности он подвергается. Рыбак не так уж переживал, что сам себе сократил век. Но он казнил себя за то, что уступил просьбам сына и взял его с собой в этот раз.

Теперь мальчишка, дни которого оказались сочтены, а ведь ему не исполнилось еще и четырнадцати лет, стоял рядом с отцом, закованный в цепи. Он держался как настоящий мужчина, стоя прямо, несмотря на тяжесть кандалов и саднящую боль в спине от ударов кнутом.

Он слишком прямо и достойно говорил с Братьями, что им вовсе не нравилось. А может быть, они решили запугать, сломить отца, истязая на его глазах сына.

Теперь это уже было не важно. Этот и многие другие вопросы останутся навеки без ответа, как только то, что сейчас карабкалось на валуны, доберется до своих жертв.

Трудно было рассмотреть ЭТО. Волшебный свет превратил воду озера в голубой огонь, над которым, словно синий дым, клубился туман. Существо было гораздо больше любой лодки. Столько щупальец могло быть только у создания, рожденного в кошмарном сне, при этом у чудовища не наблюдалось ни лап, ни глаз.

По цвету оно напоминало рыбу, гниющую в прибрежном песке на солнцепеке. Доносившиеся звуки точно бы вывернули желудок наизнанку, но у рыбака давно уже не было во рту ни крошки.

В этот миг магия флейты вступила в борьбу против заклинания Звездных Братьев. Цепи, сковывавшие отца с сыном, вдруг начали извиваться как змеи, а затем порвались посредине, оставив обрывки на запястьях и щиколотках пленников.

Флейта, похоже, заставила задержаться и чудовище. Оно приостановилось на полпути. Его рев сменился шипением, а щупальца бешено закрутились.

Рыбак оглянулся. Спуститься по отвесной скале было невозможно; от склона горы ее отделяла широкая трещина. Воины Поуджой привели пленников на скалу по мосту из жердей и веток, который они убрали за собой, а теперь стояли на другой стороне расщелины с луками и копьями наготове.

Отцу и сыну оставался лишь один путь — вниз, и лишь одна судьба — смерть — ждала их. Рыбак лишь молил богов своего народа, чтобы они благословили Марра-Флейтиста. Его чары дали им право на достойную смерть.

— Сын мой, скоро оно доберется до нас. Согласен ли ты пойти со мной?

Сын видел свою судьбу в глазах отца. А в его глазах отражались понимание, послушание и сыновья любовь.

— Куда ты — туда и я.

— Я знал, что мы с твоей матерью вырастили настоящего мужчину.

Рыбак и его сын, взявшись за руки, повернулись лицом к долине. Два коротких шага, один длинный — и прыжок с обрыва.

В ушах рыбака засвистел ветер. Ему показалось, что это речные духи приветствуют и приглашают его с сыном в свой дом. Еще он услышал

крики колдунов. Видимо, оставил их чудовище без пищи, он изрядно досадил им.

А затем острые камни на дне обрыва вырвали его из этого мира, и больше он ничего не слышал.

В оставшиеся часы ночи Айбас почувствовал, что в долине творится нечто невообразимое. Он даже не пытался заснуть. Казалось, что этот гвалт и грохот перебудит всех младенцев и спугнет всех любовников даже в далеком Иранистане. Завывания голодного чудовища, ругань Звездных Братьев, ропот и шушукание жителей деревни, да еще и рев всех домашних животных, от коров до кошек, — все это эхом перекатывалось по долине до самого рассвета.

И лишь тот звук, которого Айбас и многие другие ждали, так и не появился. Наверное, флейтист закончил свое дело на эту ночь и отправился в освояси.

Это совсем не удивило Айбаса. Марр-Флейтист уже на протяжении жизни целого поколения был легендой Пограничного Королевства. Рассказы о нем ходили задолго до того, как Айбас покинул свою родину. И лишь недавно Марр решил вступить в борьбу со Звездными Братьями долины Поуджой. Магия его отнюдь не всесильна. Но Айбас даже не пытался представить себя тем, кто получит награду, очертив пределы его власти.

Когда взошло солнце, жители деревни вернулись домой в свои постели или принялись за обычную дневную работу. Старший из Братьев, человек, которого Айбас называл Вилобородым, поднялся по ступеням улицы, чтобы обратиться к Айбасу.

— Уже в третий раз Марр оскверняет наш ритуал, — сказал колдун.

— Видимо, два предыдущих раза — до того, как я здесь появился, — ответил Айбас.

— Ты сомневаешься в моих словах? — переспросил Вилобородый.

— Ты сам вкладывашь слова в мои уста, — Айбас пытался говорить с достоинством и в то же время почтительно. — Я только хотел напомнить, что лишь недавно пришел в долину Поуджой. Обо всем, что произошло раньше, чем три месяца назад, я могу узнать только с твоих слов или со слов твоих братьев.

— Люди в деревне до сих пор не общаются с тобой?

Айбас покачал головой:

— Что касается обычных вещей: охоты, хорошей выпивки, тут они — сама гостеприимность. А что до ваших дел, — Айбас кивнул в сторону дамбы и озера, — здесь они куда менее приветливы.

Айбас ждал, моля, чтобы следующим вопросом стало: «А что, у этих молчунов, наверное, есть зачинщики?» Но вместо этого Звездный

Брат замолчал и лишь крутил медные проволочки, вплетенные в бороду и разделявшие ее наподобие трезубца или вилки.

Колдун казался очень утомленным, как физически, так и морально. Марр-Флейтист, очевидно, изрядно досаждал им. Разумеется, Айбас понимал, что сейчас не время, чтобы беспокоить Вилобородого по поводу Виллы. Но все же Айбас не переставал молиться, чтобы этот момент начался раньше, чем он забудет, что делают с женщиной в постели.

Когда Вилобородый снова заговорил, его слова оказались полной неожиданностью для Айбаса:

— Надо прочесать и осмотреть все холмы и леса вокруг долины, чтобы найти этого дудочника или его берлогу.

— Для этого потребуется много людей.

— Надеюсь, у тебя есть голова на плечах и ты сможешь когда-нибудь постичь законы нашей страны. А пока — если твой господин сможет прислать солдат, в первую очередь с луками, он нас этим премного обяжет.

Удивление и страх — вот что почувствовал Айбас при этих словах. Удивление — оттого, что одно из горных племен добровольно собирается пригласить вооруженных чужаков в свои земли. А страх — из-за того, что скажет или (что еще хуже) сделает Вилобородый, если Айбас признается, что, скорее всего, никого сюда не пришлют.

У его господина было достаточно бойцов. Но все они должны были быть под рукой, все до единого. И он совершенно точно не согласится послать ни одного солдата, чтобы мотаться вверх-вниз по горам в поисках какого-то там флейтиста.

Неожиданно вдохновение осенило Айбаса. Стارаясь придать своим словам больше значительности, он, не торопясь, произнес:

— Мой господин с радостью пришлет всех свободных бойцов. Но что толку даже от лучших воинов, если они не знают вашей территории. Я здесь провел уже три месяца, и при этом любой мальчишка знает все вокруг деревни лучше меня.

— В том, что ты говоришь, есть доля истины. Но наши люди, знающие эту страну как свои пять пальцев, заняты другими делами. И если им придется оставить свою работу... — Вилобородый задумался. — Слушай, твой господин мог бы прислать золото. Тогда мы решили бы свои задачи другим путем, освободив молодых воинов для охоты на флейтиста.

Тогда их можно будет объединить с людьми хозяина Айбаса, когда тому будет не хватать бойцов для реализации своих планов. Что ж, такой обмен мог бы распахнуть немало золотых сундуков, если, конечно, в них еще что-то осталось.

Если же сундуки его господина окажутся пустыми, то время пребывания Айбаса в Погранич-

ном Королевстве сокращалось до минимума. Ему уже доводилось служить господам, которые обещали золотые горы, а потом жаловали лишь скучные крохи.

Если такое будущее ждало его и на этот раз, то Айбас останется в Поуджой лишь до тех пор, пока изрядная часть какой-либо посланной сюда суммы не осядет в его кошельке. Этого золота должно хватить на то, чтобы откупиться от всех, кто решит задержать его в Пограничном Королевстве.

— Мой повелитель с радостью пришлет сюда золото и другие ценные товары, — сказал Айбас. — Вам нужно только сообщить, что именно вам требуется, и мое послание будет отправлено немедленно.

— Вряд ли кто-нибудь мог бы сделать больше, чем ты.

Айбас в этом никогда не сомневался. Звездные Братья должны благодарить своих богов за то, что граф Сизамбри прислал сюда человека, для которого оказались закрытыми границы слишком многих стран.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первые лучи рассвета коснулись водной глади холодного чистого озера на краю непроходимого леса Пограничного Королевства. Вода сначала порозовела, а затем приобрела сапфировый оттенок.

Из сумрака леса выскользнул человек и полз к кромке воды. Он двигался, производя не больше шума, чем кошка, подкрадывающаяся к мыши. Его глаза напряженно всматривались в окружавшую его чащу. В этих глазах было больше холодной синевы, чем в воде озера. Сочетание синих глаз с черными как смоль волосами могло бы показаться странным тому, кто не знал, как выглядят жители Киммерии.

Человека звали Конан. Никогда, ни в одном из своих бесчисленных путешествий он не пользовался другими именами. В его суровой, холодной Киммерии, где жизнь и смерть всегда рядом, имя значило очень много. Сыну кузнеца, который ближе к богам, чем большинство людей, было важно не предавать своего имени.

Конану довелось побродить по свету. В разных странах он познал жизнь раба, разбойника,

воина и мореплавателя. Но на этот раз, после нескольких лихих переделок, он отправился из родной страны на юг, чтобы снова окунуться в цивилизованный мир. Свободные, веселые женщины, вино, золото, — это было редкостью в Киммерии. Продав свой меч на юге, в Немедии, он получит всего этого столько, сколько захочет.

Но тот, кто решил бы добраться из Киммерии в Немедию, оказался бы перед выбором: либо идти в обход через Британию, либо рискнуть и бросить вызов горам и воинственным племенам Пограничного Королевства. Конан, родившийся в горах и уж точно никогда не отличавшийся трусостью, естественно, выбрал прямой, короткий путь на юг.

Это был уже четвертый рассвет, который он встречал в пределах Пограничного Королевства. Мало что из виденного им за эти дни могло бы навести на мысль побывать здесь подольше. А то, что он увидел прошлой ночью, и вовсе укрепило его решимость двигаться своей дорогой чем быстрее, тем лучше. Это было не что иное, как колдовской огонь, мерцавший на вершинах холмов. Конечно, это было довольно далеко, но, на взгляд Конана, зажгись этот огонь даже в далеком Кхитае, расстояние будет все равно маловато, чтобы чувствовать себя в безопасности. Он испытывал сильнейшее отвращение и ненависть к любому колдовству.

На берегу озера Конан встал на колени, чтобы наполнить водой кожаный мешок: несколько пузырьков воздуха поднялись на поверхность воды. Затем он снова привязал мешок к ремню и вернулся в лес, причем не тем путем, по которому подкрадся к озеру.

Только скрывшись среди теней огромных деревьев, он встал во весь рост — побольше шести футов, с соответствующей такому росту мускулатурой. Разумный человек предпочел бы уступить Конану дорогу, даже если у Киммерийца и не было бы с собой меча (по виду которого можно было догадаться, что без дела он не валялся).

Его наряд состоял из медвежьей шкуры, кожаных штанов и сапог, а также кольчуги, столь же часто бывшей в деле, как и меч. На одном боку висел кинжал, на другом — здорово замусоленный мешок с солью, орехами и остатками кролика, пойманного прошлой ночью.

Конан всегда придерживался правила, что лучше плохо ехать, чем хорошо идти. Естественно, в путь на юг он отправился верхом. Но лошадь он потерял (и был близок к тому, чтобы потерять и жизнь) в отчаянной схватке с ЯКХМАР, чудовищным ледяным червем, которого он всегда считал лишь персонажем легенд.

Оказалось, что это совсем не так. Останки лошади Конана могли бы подтвердить это. Кроме того, по крайней мере одно из этих чудовищ

теперь покоилось у подножия Ледника Снежного Дьявола, куда его толкнули горячие угли, брошенные сильной рукой Киммерийца. Конан обычно не беспокоил беспечных богов мольбами о помощи, но в глубине души он очень надеялся, что в их планы не входит еще одна его встреча с ЯКХМАР.

Хорошо подготовившись и настроившись на долгую дорогу, он продолжил путь на юг пешком. Он рассчитывал на возможность сторговать лошадь в какой-нибудь деревне в северной части Пограничного Королевства. Но дело оказалось сложнее, чем он думал. Лошадей в тех местах было мало, да и не нашлось бы коня под вес Конана.

Шансов купить лошадь оставалось все меньше. Украсть? Но местные жители стерегли их так, будто их животные ценились на вес золота. Кроме того, эти люди по крови были очень близки киммерийцам. Конану не очень-то хотелось воровать у своего же народа. Еще меньше он хотел сделать что-либо, что могло принести ему дурную славу среди своих.

Чем дальше он углублялся в Пограничное Королевство, тем сильнее ему не хватало коня. Казалось, в этой стране просто не было ровного места. Разве три он видел открытое пространство, достаточное, чтобы действовать с эскадроном всадников типа того, которым он одно время командовал в Туране. Вся остальная территория

представляла собой вздымающиеся горные пики и сбегавшие к долинам склоны. В долинах неслись шумные реки, кое-где успокаивавшиеся в небольших заводях, а их берега и склоны были покрыты дремучими бесконечными лесами.

В такой стране человек, родившийся в горах, как Киммериец, мог быстрее передвигаться пешком. А кроме того, пеший меньше привлекал внимания в этой вовсе не безлюдной, но явно живущей безо всякого закона стране. Он дважды натыкался на следы нападений разбойников. Первый раз это были уже почти скелеты, во второй — еще не остывшие тела. Среди множества трупов лежали два еще живых человека, истекавших кровью. Изувеченные страшными ранами, эти несчастные молили Конана о смерти, глядя на его кинжал. Он исполнил последнюю волю умирающих.

Конан посмотрел сквозь кроны деревьев на солнце. Еще добрых полдня можно было идти, не задумываясь о еде. Конечно, в такой чащобе очень быстро не походишь, но худо-бедно он продвигался вперед, ориентируясь по солнцу. Чем дальше он находился в Пограничном Королевстве, тем больше ему хотелось выбраться оттуда.

Ближе к полудню Конан обнаружил, что лес, по которому он пробирался, вовсе не был таким бесконечным и таким необитаемым, каким он ему показался вначале. Дважды он пересекал свежие

цепочки человеческих следов, а один раз обошел группу стоящих близко друг к другу хижин, не заслуживающую даже названия деревни. Огород и грубые коптильни для мяса давали представление о том, как добывали свой хлеб наущный здешние обитатели.

Желудок напомнил Конану, что в следующий раз неплохо было бы съесть что-нибудь посущественнее, чем несчастная половина кролика. Однако желудок никогда не командовал разумом Конана. А здравый смысл подсказывал, что самым быстрым способом выбраться из Пограничного Королевства будет проскользнуть сквозь него, как дым по ветру, не оставив следов и не дав никому повода сказать, что его здесь когда-либо видели.

Эта мысль окрепла в его сознании ближе к полудню, когда, выйдя на открытое место, Конан увидел впереди долину, заросшую лесом. На ее левом склоне, на высокой скале, был виден разрушенный замок. У подножия той же скалы лежала заброшенная безлюдная деревня.

Перед наименее разрушенным домом деревни стояла виселица, из тех, на которых людей можно вешать сразу по десятку. На легком ветерке покачивались три веревки; на двух из них висели тела.

«А, спелые уже», — подумал Конан, когда ветер донес до него запах разлагающихся трупов.

Он высыпался, чтобы избавиться от злования. Эта картина в глазах Конана имела свой скрытый смысл: если хозяин этих земель смог наказать всего двух бандитов из тех, кто действовал здесь, то это еще одно доказательство того, что закон мало что значит в этой стране. Конан и сам был не из тех, кто свято чтит закон, оказавшись перед выбором между ним и легкой наживой, но, похоже, в Пограничном Королевстве не было ни богатства, ни закона.

Но, как справедливо полагал Конан, таких сюрпризов, как стрелки из лука, здесь могло быть предостаточно. Киммериец не хотел стать легкой мишенью, поэтому он принял все меры предосторожности, пересекая открытую долину. Лук не был его любимым оружием, но он неплохо освоил его в Туране, чтобы прикинуть, где может затаиться стрелок.

Никаких признаков жизни не появилось, пока он добирался до леса, росшего по берегам большого ручья или даже реки, которая текла вниз по долине. На другом берегу были видны свежие следы, оставленные подкованными лошадьми и грубыми сапогами.

Конан рванулся вверх по склону, как если бы следы превратились в ядовитых змей. Он пошел бы по чужому следу только если не оставалось бы другого пути. Но в любом ином случае он предоставлял другим возможность стать легкой мишенью. Уже давно он понял, что, скорее всего,

умрет не в своей постели от старости, но не менее крепко вбил себе в голову, что не следует умирать раньше времени, совершая непростительные ошибки.

Ближе к вечеру он, уже намного дальше вниз по долине, поужинал, проглотив остатки кролика и несколько найденных грибов, сидя у ручейка. Пока он мыл руки, ему показалось, что где-то вдалеке зазвенел колокольчик, но, поскольку звук не повторился, Конан решил, что услышался.

На его пути оказалась отвесная стена красноватого гранита — один из отрогов горы. Препятствие было непреодолимым, и Конан с огромной неохотой был вынужден направиться в обход, вниз, ближе к следам.

Он прошел примерно половину расстояния до следов, когда вновь услышал звон колокольчика. На этот раз обмана не было. Из-за скал доносился легкий звон.

Через минуту он услышал крик птицы. Скорее, человека, подражавшего птице, причем не настолько хорошо, чтобы привыкшие к лесным звукам уши Конана не разобрали бы подделку. Вскоре ответный крик раздался с деревьев лишь в сотне шагов от Конана.

Меч словно сам скользнул в руку Конана. Но, посмотрев внимательно на окружающую чащу, Киммериец снова вложил его в ножны. Для ближнего боя между деревьями кинжал подойдет

больше. А то, что без драки с этими горе-свистунами не обойдется, — тут Конан мог держать пари на что угодно.

Но какое же пари можно заключить, не выяснив некоторых предварительных условий. Согнувшись, Конан стал пробираться дальше, вниз по склону. Он опять был таким же, как тогда, у озера: крадущийся кот топал как слон по сравнению с ним.

Не прошел он и половины расстояния, отделявшего его от неизвестных противников, как снова услышал звук, похожий на колокольчик. Теперь он звучал ближе, и Конан понял, что это цокали по камням лошадиные подковы. Ветер подул с нужной стороны, и Конан разобрал, что это были копыта нескольких животных. Животные шли по другому склону отрога, но звяканье подков становилось постепенно ближе и ближе.

Будь это его лошади, Конан поотдирал бы им подковы прежде, чем отправиться в путь через эту бандитскую страну. Легкая усмешка скользнула по его губам: как знать, может быть, кое-какой конь из этого каравана и станет его конем после схватки.

Приближающимся всадникам их лошади и имущество были явно менее нужны, чем тем, кто выслеживал их. Киммериец ничего не имел против участия в перераспределении собственности. В конце концов, он мог бы покинуть это Королевство и пешком, но с деньгами, которых бы

хватило на нескольких лошадей. Тогда он мог бы начать свою карьеру в Немедии неизвестно кем, а человеком, которому воины доверят вести их за собой.

Конан все так же по-кошачьи бесшумно спускался по склону к тому месту, где он слышал фальшивый крик птицы. Ни один покатившийся камушек, ни хрустнувшая ветка не побеспокоили тех, кого он выслеживал. Когда он обнаружил их, то увидел, что трое уставились вперед, в одну точку, словно забыв, что у них есть незащищенные спины. Четвертый, с луком в руках, смотрел в сторону, держа оружие направленным под ноги.

Все они выглядели так, словно полгода не мылись и толком не ели. Их волос и бород хватило бы на основательный матрас, а всей одежды, которая на них была, едва ли хватило бы одному человеку, чтобы выйти на городскую улицу. Но их глаза и оружие сверкали, и Киммериец понял, что если им суждено скрестить мечи, то эти люди будут серьезными противниками.

Первым увидел Конана стрелок, поднявший глаза после того, как проверил последнюю стрелу. Его глаза широко открылись, когда он увидел нависшего над ним Киммерийца. Он попытался снять лук с плеча, но за это время Конан успел приблизиться к нему вплотную. Сильная мускулистая рука, украшенная множеством шрамов,

схватила изогнутый лук. Стрелок попытался вырвать оружие, но с таким же успехом он мог бы тащить его из лапы пещерного троля.

— Полегче, приятель, — заметил Киммериец. Он говорил тихим голосом, почти шепотом. — Кого ждем?

— Караван короля, — ответил стрелок. Звук его голоса вызвал гневный взгляд одного из спутников, сразу же погасший, как только Конан ответил на него своим взглядом.

— Какого короля?

Среди правителей были такие, которых Конан не желал бы видеть своими врагами. Были, конечно, и такие, которые уже давно назначили награду за его голову.

— Короля Приграничья, конечно, — ответил лучник, как бы отвечая шуткой на шутку.

Это мало о чем говорило Конану. Но, может, этого немного было вполне достаточно. Если он собирается через несколько дней стереть с баш маков последнюю пыль этого королевства, — то стоит ли переживать из-за того, что часть имущества короля перейдет в его собственность.

— Сколько вас и где остальные? — спросил Конан.

Бандиты переглянулись. Звук приближавшихся всадников все больше напоминал своим звяканьем работу кузницы.

— Я не буду вашим врагом, если вы не дадите мне повода, — предупредил Киммериец, — но и

не рассчитывайте на меня как на друга, пока я не смогу убедиться, что вы того стоите.

Разбойники рассматривали Конана с ног до головы. Один из них попытался поменять позицию, но взгляд Конана пригвоздил его к земле.

— Можете не бояться удара в спину, пока я не боюсь получить его от вас, — добавил Киммериец.

Самый крепкий из разбойников, похоже, принял решение.

— Нас — по четверо с каждой стороны тропы, по эту сторону отрога, — сказал он, ткнув пальцем в сторону горы.

— И все?

— Вторая половина движется с той стороны отрога за караваном. Эта стена идет поперек долины, а здесь — узкий разлом, через который проходит тропа. Вторая группа неожиданно налетит на караван и загонит его в узкий проход. А тут уж они вместо безопасности встретятся с нами.

Вторая группа тоже войдет в проход и атакует караван сзади. Зажатые в узком коридоре, всадники лишатся главного преимущества в борьбе с пешими — скорости и свободы маневра. Конан и сам много раз сталкивался с этим на службе в Туране, где легковооруженные пехотинцы частенько одерживали победу над всадниками-кочевниками, если могли правильно выбрать место для боя.

— Неплохо, и даже более того, — поды托жил Конан. — Где мое место?

Разбойник снова ткнул пальцем, на этот раз — влево. Конан понял ход его мысли: здесь он был зажат между стеной отрога и другими бандитами. Если бы он надумал бежать или предать — то вряд ли смог бы выбраться живым.

Скорее всего, разбойники именно так и предполагали. Конан не стал спорить. Глупость наказывает себя сама. В любом случае, перед тем как покинуть их, он собирался преподать им парочку уроков того, как следует относиться к киммерийцам.

Бандиты растянулись в линию вдоль тропы шагов на сорок. Дальний конец этой линии не был виден Конану. Густой подлесок скрывал людей. Главарь тоже был едва виден, и Конан понимал, что тот, в свою очередь, с трудом мог наблюдать за ним. С одного взгляда Конан выбрал себе несколько мест в нескольких шагах от себя, где он мог бы оставаться невидимым для других. С одного из них можно будет не только скрытно наблюдать за его новыми сомнительными товарищами, но и хорошо видеть все, что происходит на тропе.

В планы Конана вовсе не входило участвовать в явно неравном бою на стороне разбойников или сражаться против людей, которых он вовсе не хотел видеть своими врагами.

Киммериец только-только занял свой наблюдательный пункт, как бандиты на той стороне отрога начали нападение. Душераздирающие крики людей вторили эхом стонам лошадей, чьи тела пронзала острые сталь стрел.

Те люди, которые еще не стонали от боли, издавали воинственные крики. Камни с грохотом обрушивались на щиты.

Среди всего этого шума и криков Конан вдруг различил одно слово. Одно имя, от звука которого закипела кровь в его венах.

— Райна! Райна! Райна!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Конан не знал другого женского имени краше Райны, с которым мужчины бросались бы в схватку, как с боевым кличем. Он прекрасно помнил женщину, носившую это имя: товарища по оружию, знатока лошадей и упряжи, пленительную любовницу и верную спутницу в его кошмарном путешествии по горам Ильбарса.

Конечно, если это была та самая Райна. Это имя довольно часто встречалось в Боссонских Пределах. Конан вовсе не горел желанием подставлять свою голову под меч, защищая неизвестно кого.

Перекинув через плечо медвежью шкуру и поправив меч так, чтобы он не цеплялся за камни, Конан полез по отвесной скале обрыва. Его пальцы мертвой хваткой впивались в выступы скалы, ноги точно находили маленькие углубления, — и Киммериец быстро продвигался вперед, забирая вправо, откуда можно было бы увидеть, что происходит по ту сторону гряды.

Разбойники, однажды уже подставившие Конану незащищенные спины, на этот раз забыли даже посмотреть по сторонам. Киммериец успел

занять свой новый наблюдательный пункт, и за это время никто снизу не посмотрел в его сторону.

Что ж, это была та самая, ег о Райна: верхом на невысокой, но сильной кобыле, в шлеме, закрывавшем большую часть лица; на груди — не новая, чиненая-перечиненая кольчуга. Конан узнал большие серые глаза, вздернутый нос в веснушках и длинную изящную шею.

Несколько приказов, перекрывая шум, вырвались из ее груди. Сомнений быть не могло — это она: Конечно, голос немного погрубел по сравнению с тем, который он помнил, но дорожная пыль и зимние холода оставят следы и на самой луженой глотке.

Из ветвей деревьев на круп лошади Райны спрыгнул человек. Кобыла зашаталась от такого толчка, но всадница не растерялась. Боясь задеть своих, размахивая мечом, она ударила нападавшего рукояткой в лицо. Его короткий меч скользнул по ее кольчуге, наткнулся на порванное звено и впился острием в тело. Губы Райны сжались.

Конан увидел, как сверкнул в воздухе вынутый Райной из-за голенища сапога прямой аквилонский кинжал. Все внимание нападавшего было приковано к мечу, который он пытался воткнуть глубже в тело противника. Он даже не увидел стальную молнию, вспоровшую его горло. С открытыми, но уже ничего не видящими глазами он свалился на землю, залив своей кровью и всадницу, и ее лошадь.

Конан искал глазами уступ в скале, с которого можно было бы начать спуск. У него не было лука. Да и любой самый искусный стрелок не рискнул бы, надеясь лишь на чудо, пустить стрелу в этот водоворот боя, где с равным успехом можно было поразить противника и своего же товарища.

Один из бандитов, обменивавшийся ударами мечей с охранником, увидел Конана. Он тряхнул головой и открыл рот, чтобы закричать. Он явно не был уверен, что правильно понял намерения Конана. Этой неуверенности положил конец стражник, воспользовавшийся тем, что его противник отвлекся, и вонзивший ему меч между ребер. Разбойник так и погиб с открытым ртом и глазами, так и не разрешив своих сомнений относительно намерений Киммерийца.

Спускаясь на следующий уступ, Конан услышал, как стрела ударила о скалу рядом с ним. Он посмотрел вниз и решил, что более безопасно будет прыгнуть, исчезнув из поля зрения стрелка. Падение с такой высоты переломало бы кости любому человеку, но не Конану: лишь перекатившись через спину, он вскочил на ноги. Он слышал, как главарь бандитов орал на стрелка, поминая недобрными словами его самого, его мать и всех остальных родственников.

Стрелок, видимо, не выслушал советов главаря перед тем, как выстрелить. Эта неразбериха дала Конану прекрасную возможность считать, что он наносит лишь ответный удар.

Хотя, не будь и этой стрелы в спину, он все равно уже решил сражаться на стороне Райны и ее людей. Ничто из того, во что верил Киммериец, — ни честь, ни боги, ни простая вежливость по отношению к женщине, делившейся с ним когда-то ложе, — не позволило бы ему поступить по-другому.

Действовать нужно было быстро. Разбойники по ту сторону гряды делали свое дело, подгоняя караван вперед — к узкому коридору, который вместо спасения мог стать смертельной ловушкой.

Охрана каравана, конечно, дорого продаст свои жизни. Когда бандиты смогут спокойно протянуть руки к сумкам, привязанным к седлам, их число намного сократится. Конану хотелось, чтобы их осталось еще меньше и чтобы ни один из оставшихся в живых не воспользовался ни на гроши тем, что было во выюках королевского каравана.

Ссорящиеся бандиты подняли такой шум, словно во время дебоша где-нибудь в винном погребке Аграпура. И если бы не еще больший шум по другую сторону гряды, где уже вовсю шел бой, их противник был бы не только предупрежден о готовящемся нападении, но и получил бы всю нужную информацию об их количестве и деталях плана атаки.

По правде говоря, стрелок не настолько увлекся перепалкой со своими товарищами, чтобы пропустить момент, когда Конан снова появился в поле его зрения. Он натянул тетиву, быстро

прицелился и выстрелил именно в ту секунду, когда главарь решил схватить его за руку. Стрела прошла мимо цели; молниеносное исчезновение Конана за деревьями было даже излишним.

Но, с другой стороны, оно помогло обмануть противников. Разбойники уставились на то место, где Киммериец словно растворился в воздухе, и так и смотрели в ту сторону, пока Конан не вынырнул едва ли не из-за их спин с мечом в одной руке и медвежьей шкурой в другой.

Медвежья шкура, брошенная Киммерийцем, накрыла голову и плечи бандита, державшего лук. Тот скинул ее в один момент, так быстро, что, по его разумению, успел бы пустить стрелу в любого приближающегося человека.

Но Киммериец не был «любым», в чем стрелок тут же смог убедиться. Не успел он натянуть тетиву, как меч Конана вскользь ударил по луку. Тетива порвалась, ясеневая дуга распрямилась, и, бросив свое искалеченное оружие, стрелок отскочил назад.

К несчастью, отпрыгнув, он налетел на своего главаря. На долю секунды двое замешкались, придумывая, как им вдвоем лучше встретить Конана. Главарь, видимо, решил, что такой большой, тяжелый человек не сможет двигаться так быстро, чтобы вести бой сразу с двумя противниками.

Это ошибочное решение еще не успело отложить в его сознании, как меч Конана, описав

широкую дугу, с хрустом рассек череп противника. На голове бандита был кожаный шлем с толстыми железными пластинами, но меч прошел сквозь него, словно проткнул бумагу. Он так глубоко вошел в голову жертвы, что на какой-то миг Киммериец замешкался, вытаскивая свой клинок.

С отчаянием обреченного, второй разбойник решил воспользоваться этой задержкой. Он понял, что его единственный шанс — нанести удар немедленно. Кинжал мелькнул в воздухе. — и, звякнув, отскочил от кольчуги Киммерийца. Свободная рука Конана вошла в челюсть бедняги с такой силой, что сломала ему шею и бросила спиной об дерево, довершив дело раскроенным остволом чёрепом.

Освободив меч, Конан перешагнул через лежащие тела и наткнулся на следующего бандита. У того не было ни подходящего оружия, ни желания вступать в бой с черноволосым гигантом, выросшим перед ним. Ломая ветки и обдирая кожу, он рванулся прочь сквозь кусты. Его товарищ тоже не хотел умирать раньше времени и последовал его примеру, дав тягу напролом через кустарник.

Такое решение очень порадовало Конана. Конечно, не из гуманных соображений о спасшихся от верной смерти разбойниках; просто теперь он мог свободно, не опасаясь удара в спину, двигаться на помощь тем, кого избрал в свои союзники.

Он наклонился, поднял лук и осмотрел его. Конечно, оружие было изрядно попорчено ударом меча, но Конан, найдя запасную тетиву, намотанную на запястье убитого стрелка, быстрыми и сильными движениями перетянул лук. Подняв с земли стрелу, Конан попробовал прицелиться.

Оружие было сделано неплохо. Это не был изогнутый лук кавалериста, к которому Конан привык в Туране, и не тяжелый боссонский длинный лук. Из кавалерийского лука умелый стрелок мог выпустить пять стрел одну за другой по цели размером с человека с двухсот шагов, сидя верхом на несущейся лошади. При этом последняя стрела была уже в воздухе, когда первая еще не долетела до цели. Из боссонского длинного лука можно было пронзить стрелой длиной в человеческую руку любой аквилонский панцирь, оставив в трупе дыру с руку же шириной.

Ни то ни другое не нужно было Конану сегодня. Все, что от него требовалось, — это убедить разбойников на другой стороне тропы, что там, где они ждали помощи друзей, их самих поджидает неизвестный противник. А там страх сам довершит дело, — как говорил туранский высший офицер Кхадъяр, когда учил тех, кого считал нужным, из офицеров королевской гвардии.

— Тот, кто не теряет головы на поле боя, тот в конце концов и побеждает, — сказал Кхадъяр однажды, — а тот, кто позволяет страху охва-

тить себя, либо позорно бежит, либо становится добычей стервятников.

Мудрые слова мудрого человека, и сейчас, наверное, гоняющего пиктов на границах Аквилонии, если, конечно, кто-нибудь уже не подослал к нему наемных убийц. Может быть, Райна что-нибудь знает о нем.

Очень может быть, но, чтобы рассказать, ей нужно выбраться живой из этой переделки. Конан поднял лук, прицелился и отпустил тетиву. Стрела влетела в кроны деревьев на другой стороне дороги, где и пропала бесследно.

Еще две стрелы — и с той стороны послышался крик. Но на этот раз это была дружеская ругань в адрес неумелого стрелка. Лишь стон, раздавшийся после шестой стрелы, убедил Конана в том, что он попал в цель.

Конан выстрелил еще дважды, и вдруг, приложив очередную стрелу, он увидел то, чего меньше всего ожидал от этих бандитов. Они бросились в атаку.

Их было не четверо, как говорил главарь, а по крайней мере вдвое больше. Конан отправил уже приготовленную стрелу в грудь одного из них. Человек упал, крича от боли. Остальные приближались. Видимо, они решили во что бы то ни стало восстановить свой первоначальный план. Убрать этого неизвестно откуда взявшегося неприятеля — и можно снова держать под контролем обе стороны выхода из коридора.

Бандиты не просто действовали смело. Им еще и крупно повезло, по крайней мере вначале. Не успел Конан продумать, что делать дальше, как в проходе между скал появился авангард каравана.

В одно мгновение разбойники, выночные лошади, пешие и конные стражники — все перемешались, переплелись, как в змеином гнезде в джунглях Вендии. Конан не решился выстрелить еще раз. Его план воздействия на бандитов сработал, но не так, как он ожидал. Если эта мешанина продолжится еще хоть несколько секунд, то проход окажется запечатан так плотно, как бандиты могли только мечтать.

Когда один путь к победе оказывался отрезан, Киммериец, никогда не колеблясь, шел другим. Он бросился вниз по склону, перепрыгивая кусты и камни, обегая деревья, с мечом в одной руке и кинжалом в другой. Рассчитывая на внезапность, он приближался молча, без боевого клича. Но треск ломаемых веток и топот шагов задолго предупреждали о его появлении.

К счастью, это предупреждение было услышано как врагами, так и друзьями. Разбойники повернулись, чтобы увидеть его. Этого-то и ждала охрана. Когда Конан ворвался на тропу, стража уже готова была считать его своим союзником. В следующую минуту это спасло ему жизнь. Он замахнулся кинжалом на одного из противников, но человек бросился Конану в ноги. Кин-

жал рассек воздух, а мечом Киммериец отбивался от ударов другого разбойника. В какую-то минуту, потеряв равновесие, Конан пошатнулся.

Один из стражников, вспрыгнув на спину выночного мула, чтобы сориентироваться в обстановке, бросился на спину уцепившегося за ноги Конана человека. Ему даже не понадобилось использовать оружие. Сквозь шум боя Конан услышал хруст ломаемого позвоночника и почувствовал, как руки, державшие его, ослабили хватку.

Конан перешагнул через лежащего, удерживая другого противника на расстоянии удара меча. Тут инстинкт воина предупредил его о новой опасности. Сделав обманный выпад, он повернулся и едва успел отскочить от удара кривой тяжелой саблей. Ответный удар — и противник со стоном попытался руками остановить кровь, лившуюся из раны. Через секунду стон оборвался, силы покинули его, и он упал.

Когда Конан повернулся к предыдущему противнику, тот был уже мертв. Увлекшись боем с Конаном, он неосторожно повернулся спиной к одному из стражников, который не замедлил воспользоваться такой возможностью отточить в бою хорошо отрепетированный на тренировках удар. Рана на шее бандита была такой огромной, что голова почти отделилась от тела.

Кровь, фонтанами бьющая из ран, превратила тропу в липкое месиво — самую коварную

для бойца почву. Конан вскочил на валун, затем спрыгнул туда, где земля была сухой. Это не только давало ему лучшую опору, но и приблизило к самому центру боя.

Один из разбойников, решив, что поблизости нет никого из противников, попытался опустошить выюки, притороченные к умирающей от ран лошади. Неосмотрительно увлекшись этим делом, он отправился на тот свет раньше, чем несчастное животное. Схватив его за волосы одной рукой, Конан изо всех сил вонзил кинжал в его горло другой. Разбойник упал на уже развязанные мешки, из которых высыпались какие-то запечатанные склянки и пузырьки, на которых виднелись незнакомые Конану рунические письмена.

Тот охранник, который уже помог Конану во время сражения, вновь присоединился к нему. Теперь каждый чувствовал, что спину ему прикрывает надежный товарищ, сильный боец, что помогало спокойно сражаться со встреченными бандитами. Один из этих, струсивший было и спрятавшийся под кустом, набравшись храбрости или решив, что перевес явно на их стороне, выскочил на тропу.

Храбрость это была или глупость, но его возвращение на поле боя не принесло ему ничего, кроме быстрой смерти. Конан успел подготовиться к его прыжку. Его нога, крепко перехваченная ремнями сапог, словно камень из осадной

катапульты, вошла в живот бандита, остановив его прямо в полете. Он упал, согнувшись вдвое, издавая странный звук: то ли шипение, то ли подывание. Как только он коснулся земли, меч Конана снес ему полчерепа.

Вскоре бой принял самый обычный характер: дикая мешанина сверкающей и лязгающей стали, кричавшие или стонущие люди, извивающиеся от боли или лежащие спокойно тела. Конану стало казаться, что число противников никак не уменьшается, что сраженные мечом разбойники вновь встают и вступают в бой.

Неожиданно он понял, что таким обилием противников он обязан тому, что Райна и ее люди перекрыли выход из коридора. Теперь этот узкий проход оказался западней для всех, кто успел попасть туда. Разбойники, решив, что это их последний шанс, насыдали на Конана, рассчитывая, сразив его, вырваться из образовавшейся ловушки.

Это добавило Киммерийцу грязной работы, схожей с кровавой работой мясника. Когда все закончилось, он, словно проснувшись после долгого кошмарного сна, увидел, что стоит посреди тропы, в крови с ног до головы, от кончика меча до подошв сапог, а земля вокруг него представляет жуткую мозаику из кровавых луж и изуродованных трупов.

Когда возбуждение боя немного улеглось, он обратил внимание, что уцелевшие в бою солдаты

охраны каравана стараются держаться от него подальше. Один из стрелков даже не снимал лука с плеча, хотя и не делал попыток натянуть тетиву. Другой, темнолицый бородатый детина, все время повторял какой-то жест — видимо, суеверное средство уберечься от дурного глаза, — как бы говоря про себя: «Сгинь, сгинь».

— Райна! — закричал Конан. Крик, вырвавшийся из его глотки, напоминал рев разбуженного медведя.

Киммериец сообразил, что его участие в бою было похоже на вмешательство легендарного Эйзира Неистового. Неудивительно, что даже те, кому он только что помог, были настороже.

— Райна!

На этот раз имя было произнесено на языке, более похожем на человеческий. Охрана узнала его и в удивлении уставилась на кричавшего. Носившая это имя тоже поняла, что позвали именно ее, но разглядеть кричавшего не могла: под шлемом ее лицо было залито кровью. Стаяясь прочистить глаза, она усиленно хмурила брови и отчаянно пыталась вспомнить, кому мог принадлежать этот голос, похожий на рык.

Конан рассмеялся. Он почти слышал, как в ее голове прокручивалось: «Где и когда я могла видеть этого неистового гиганта, который зовет меня по имени, словно мы старые друзья?»

— Райна Боссонская, — сказал Конан уже чуть спокойнее, — я — Конан из Киммерии.

Клянусь тебе в этом всеми богами моего народа и всем, чем пожелаешь.

Конечно, он мог бы много о чем вспомнить, что отмело бы всякие вопросы о том, кем он ей когда-то был, но... Конан вовсе не был уверен, что ей понравятся такие воспоминания средь бела дня, на виду у ее подчиненных.

Брови Райны слегка приподнялись, а затем, вздрогнув, перестали хмуриться. Ее губы тоже вздрогнули перед тем, как расплыться в улыбке. Одним движением она вложила меч в ножны, спрыгнула с седла и побежала по окровавленной земле к Конану.

— Конан? Ты? — В голосе чувствовались одновременно радость и удивление.

— У меня нет близнецов, насколько я знаю, и ни одному из волшебников еще не удавалось создать что-либо похожее на мою физиономию. Тебе остается только поверить, что перед тобой — я, собственной персоной.

— О, великий Митра!

На мгновение Конану показалось, что Райна готова упасть в обморок. Он поднял руку, чтобы поддержать ее, избавив от такого позора. Такая слабость повлекла бы, несомненно, снижение послушания со стороны подчиненных. Увидев их не в пылу боя, он понял, что это — компания здоровенных мужиков, которые вовсе не с готовностью выполняют приказы женщины. Вернее сказать, они бы ни за что не подчинились

никакой женщине. Но Райна была не просто женщиной. Даже Конан ничуть не удивился, увидев ее во главе своего собственного отряда охраны менее, чем через два года после того, как они расстались в Туране, где она была рядовым бойцом другого отряда.

А вот чему можно было бы по-настоящему удивиться, так это тому, что их пути вновь пересеклись здесь, в этой глупи, на этой окраине мира, гордо называвшей себя Пограничным Королевством. Но удивляйся — не удивляйся, а они были здесь, и надо было принимать это как должное.

Райна сумела справиться со своими чувствами. Подойдя к Конану, она легким движением дернула за локон его черной шевелюры:

— Видят боги, чертовски рада тебя снова видеть. К тому же я, да и все мы очень тебе обязаны. Клянусь, я найду способ...

— Рассчитаться за долг? — переспросил Конан с ухмылкой. Но, вспомнив об ее авторитете, он понизил голос и серьезно сказал: — Лучшей платой будет, если ты поторопишь своих людей и мы отправимся в путь, подальше от этого места.

Конан в нескольких словах описал свои действия по ту сторону отрога, умолчав, правда, о первоначальном намерении присоединиться к нападавшим бандитам.

— Пожалуй, ты прав. Пора убираться отсюда. Если у этих несчастных есть дружки, то те,

кто успел смыться, наверняка пожалуются им на свои неудачи. А мы здесь — не в лучшем месте и не в лучшей форме для приема гостей.

Райна подтянулась, став как будто на целую ладонь выше ростом, и Конан готов был поспорить, что увидел, как ее глаза вспыхнули, будто два ярких светильника. Когда она, взглянув на своих солдат, выпалила с десяток приказаний, — они бросились выполнять их с такой скоростью, словно сам бог войны стоял перед ними.

Конан решил, что ему меньше нужно беспокоиться об авторитете Райны в ее отряде, а больше позаботиться о своей репутации. Конечно, Райна даст всем понять, кто он, но дело в том, что многие в южных странах не знали киммерийцев. Встречались и такие недоумки, которые пытались сделать вид, что не знают, кто перед ними и как себя следует вести.

Видя, что Райна крепко держит дело в своих руках, Конан влез на склон и вернулся, притаскив тело главаря и оружие сраженных им противников.

— Не стоит оставлять здесь то, что может подобрать какой-нибудь шутник вроде этих, — сказал он, кивая на трупы бандитов и кладя оружие на землю. Райна кивнула и, не говоря ни слова, вопросительно посмотрела на тело главаря шайки.

— Он у них вроде как за пахана был, — сказал Конан, — тут неподалеку есть разрушенный

замок, а у его подножия — общественная виселица. Думаю, она знакома всем в округе. Подвесим его там — пусть поработает объявлением: думаю, его шестерки поостерегутся соваться к нам еще раз.

Райна кивнула:

— Ты всегда был сообразительней, чем положено в твои годы.

Конан рассмеялся:

— Тебя послушаешь, так я — вообще зеленый мальчишка.

— Нет, уж точно не мальчишка. — И в ее глазах и в голосе появилось что-то, от чего кровь у Конана закипела в венах.

А через секунду она вновь была командиром отряда охраны, приказывающим своим людям выделить мула или приготовить носилки, чтобы нести тело главаря.

Конан стоял в стороне и улыбался. Обещание было дано и принято. Теперь им нужно было только дождаться темноты и остаться вдвоем.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Несколько воинов из отряда Райны собрались было отправиться в погоню за ускользнувшими бандитами.

— Мы уж позаботимся, чтобы они своим дружкам ничего не рассказали, если тут у них есть кто поблизости, — сказал один из нетерпеливых преследователей.

— А потом и поживимся кое-чем из того, что было награблено в других караванах их дружками, я правильно понимаю? — Райна говорила улыбаясь, но ее голос был так же тверд, как камень, на котором она сидела.

— А что, почему бы и нет, госпожа.

— Отлично. Хотя ты и не умен, но по крайней мере честен. Так пусть до тебя дойдет: мы сегодня потеряли четверых убитыми, еще шестеро — тяжело ранены. Нет никакого смысла разделять наши силы, шатаясь по лесу, который противник, безусловно, знает как свои пять пальцев.

Охранник выслушал выговор, пожал плечами, улыбнулся и принялся подтягивать сбрую одного из выночных молов.

Будь Конан где-нибудь в хорошей харчевне, он бы еще сидел за столом, когда караван уже отправился в дорогу. Так как они шли уже знакомой Конану дорогой к разрушенному замку и деревне с виселицей, Киммериец поехал впереди каравана. Райна ехала в центре, достаточно далеко, чтобы Конану пришло в голову обменяться с ней какой-нибудь фривольной фразой.

Но даже если бы они ехали бок о бок, оба не проронили бы ни слова. Каждая пара глаз и ушей были на счету, и каждый рот должен был молчать, пока они не выберутся из этого леса.

Тучи и приближающийся вечер опустили сумерки над лесом раньше, чем они добрались до деревни с виселицей. Райна подъехала к Конану и, натянув поводья, остановила свою лошадь рядом с ним. Оба всматривались в неясные очертания деревенских домов.

— Не нравится мне это место, Конан. Может, ты скажешь что-нибудь хорошее о нем? Или плохое? Только скажи что-нибудь!

— У тебя в отряде нет никого из местных?

— Люди из Пограничного Королевства, вырвавшись из него, вовсе не стремятся оказаться здесь снова. В этом я уже убедилась. У меня хватает своих людей, проверенных в деле, и нет никакого смысла разбавлять их теми, у кого душа в пятки уходит от вида этих мест.

Конан кивнул в знак согласия: один боец, добровольно и с охотой взявшийся за дело, стоил

троих, втянутых против желания. Больше того, уроженец этих мест мог быть связан с разбойниками.

— Замок или деревня? — спросил Конан.

— Тропа, ведущая к замку, узковата для лошадей. Пришлось бы слишком растянуть караван, а мне бы этого не хотелось, — ответила Райна.

— Тогда деревня или ночлег под дождем на холоде?

Конан взглянул на небо. Пока солдаты воились с телом главаря, привязывая его к виселице, стало еще темнее и мрачнее.

— Для раненых такая ночевка будет дорого стоить, — сказала Райна и, сложив руки рупором, крикнула, обращаясь к солдатам: — Эй, разбиваем лагерь в деревне! Советую выбирать самые мягкие камни и самую сухую грязь, какую только сможете найти в этой дыре. Покормить животных. Синий Страж дежурит в первую смену.

Райна повернулась к Конану:

— Это значит — моя очередь. Сержант Синий Страж ранен. Я отстою его смену. Не волнуйся, это не на всю ночь.

— Ты не собираешься простоять всю ночь часовым, — улыбнулся Конан, — а вот удастся ли тебе уснуть...

— Ты так уверен в своих силах, Киммериец!

— А что, я разве не прав?

Райна ответила улыбкой на улыбку Конана:

— Ну, если уж ты припер меня к стенке, то я не буду отрицать твою правоту. Но прежде, чем я пойду дежурить, расскажи, почему ты смотался из Турана? Опять по приказу начальника над шпионами, лорда Мишрака?

— Да ты что, служить этому ублюдку, который трахает коз да мочится в колодцы? Здесь я оказался не по воле Мишрака, не по приказу кого бы то ни было из Турана. И чем дальше я от Турана, тем лучше себя чувствую.

Он рассказал о своем последнем годе в Туране и о том, как был вынужден покинуть службу из-за одного высокопоставленного военачальника, который слишком близко к сердцу принял шашни Конана с его женой. Совсем коротко он рассказал о своих дальнейших путешествиях, к северу от Киммерии и снова на юг.

— Я уверен, что Мишрак понятия не имеет, где я провел эти годы и где меня носит сейчас. А я — я давно уже забыл, как выглядит туранская пыль на сапогах. Только храни меня Кром от того, чтобы снова оказаться на службе у этого мерзавца.

Тень промелькнула по лицу Райны. Она пожала руку Конана, улыбнулась ему и слезла с лошади.

— Мне нужно приступать к своим обязанностям. Присмотри за лошадьми и за тем, как разгрузят вьюки. Я найду тебя, когда придет время.

Конан смотрел ей вслед, пока она шла к солдатам, распрягавшим лошадей и разгружавшим мулов. Как и прежде, она выглядела прекрасно, но, казалось, на ее плечи легли многие-многие годы.

Нет, не годы. Это груз ответственности капитана, ответственности командира отряда; эту тяжесть Киммериец тоже познал сполна, даже больше, чем ему хотелось.

Если Райна сберется на юг после того, как они выберутся из этой проклятой богами страны, может быть, он присоединится к ней. Ноша командира станет легче, если ее тяжесть возложить на плечи двоих.

Айбас проскакал большую часть дня, потому что предыдущая ночь была ужасной, как и все ночи, когда совершались жертвоприношения. Ему показалось, что колдуны из Поуджой чего-то боялись. Чего-то, что было могущественнее их, а может быть, их земного противника, или того и другого? В страхе они посыпали воинов все дальше и дальше, в чужие земли, чтобы те хватали и приводили все новые жертвы их чудовищу.

Прошлой ночью в жертву принесли не меньше пяти человек. Одна — еще совсем молоденькая девушка. Пять жертв — и ни одного флейтиста,

игравшего бы, чтобы дать им шанс на быструю и безболезненную смерть. Ни одного флейтиста — такое нарушение обряда, установленного Звездными Братьями! Айбас все больше ощущал удовлетворение, видя, как эти бородатые кровопийцы подозрительно посматривали в разные стороны, страшась чего-то неведанного.

Только богам было известно, что он и сам немало потрудился ради этого на своей службе. Сейчас Айбаса удерживало здесь ощущение того, что работа подходит к концу. Кроме того, он понимал, что не выберется живым за пределы Королевства, если не выполнит порученное ему дело. Он слишком многое узнал в этой глухи, чтобы его отпустили с миром.

В дверь его дома постучали, причем с такой силой, что грохот мог бы поднять мертвеца. Айбас прислушивался к голосам снаружи с тревогой. Прежде чем отодвинуть засов, он обнажил и выставил вперед свой меч. Дверь распахнулась, на пороге стоял один из Звездных Братьев. Захлопывая за визитером дверь, он успел заметить мрачные лица охраны, оставшейся снаружи.

— Что там сейчас выдал ваш флейтист? Решил довести зверя до припадка?

Звездный Брат лишь бросил на хозяина взгляд и ограничил ответ пренебрежительным жестом. Айбас решил попридержать язык. Да, графу Сизамбri были нужны воины племени Поуджой, но ему были нужны и волшебники

этого племени, которые делали так, что воины рвались исполнять его приказы. Колдунам для этого был нужен их зверь, а он требовал своей страшной пищи.

— Житель равнин, мы радостно принимаем золото, присыпаемое нам твоим господином. Но учти, что мы можем запросто поговорить с тобой по-другому.

Айбас не был уверен, что имел в виду колдун: пожаловаться его повелителю или наложить заклятие. Подумав, он решил не рисковать.

— Простите меня. Просто я спал, плохо себя почувствовав, — у меня... — с его языка чуть не сорвалось: «... лихорадка». Только не это, еще чего доброго колдун решит вылечить его своими методами, — у меня это... понос. Да, понос.

Даже в этом логове колдунов поносы обычно лечили настоями из целебных трав да заговорами местных врачевательниц-захарок, а не громоподобными заклинаниями, пришедшими из бог знает каких стран и времен.

— Ты уже послал за целительницей? — спросил колдун.

— Пока нет, но непременно сделаю это, как только ты сообщишь, зачем пришел ко мне. В конце концов, недуги моей плоти — такая мелочь по сравнению с событиями, о которых ты пришел сообщить мне.

Издевка, звучавшая во фразе, не сопровождалась даже малейшей тенью улыбки на

лице. Звездный Брат склонил голову на грудь, полагая, очевидно, что этот жест был исполнен достоинства и снисходительной признательности.

— Известия пока не столь уж важны, но скоро придут и великие новости. Но к делу. Первый отряд собран и готов выполнить задание сегодня ночью. Те, кто нам нужен, будут в охотничьем домике.

— Вы уверены, что там будут оба: и принцессы Чиенна, и ее сын?

— Что касается принцессы, то мы готовы поклясться. А младенец, на его счет мои Братья, кажется, менее уверены.

Айбас готов был молиться всем богам, чтобы внук короля Элоикаса принц Уррас не оказался со своей матерью в этом домишке сегодня ночью. Но похоже, что молитвы, возносимые из этой страны, скорее навлекали гнев богов, чем их милость.

Он лишь тихо надеялся, что малыша там не окажется и что лишь его мать, принцесса Чиенна будет похищена. Этого и так достаточно — либо чтобы заставить старого короля смириться и отдать принцессу в жены графу Сизамбри, либо чтобы подтолкнуть короля к открытым военным действиям против графа. В обоих случаях Айбас сможет наконец-то развязаться с колдунами, послав их всех подальше, вместе с их чертовым Пограничным Королевством.

Но до этого счастливого момента было еще далеко. Пока что Айбас даже не мог выставить одного из этих колдунов за порог своего дома. Похоже, что тот собирался поведать что-то еще, если Айбасу правильно удалось понять выражение лица гостя.

— Что еще? Вероятно, что-то идет не так, как задумано?

— Один из отрядов Вольных Стрелков (так называли себя разбойники, орудовавшие в этом королевстве) зря потерял людей и силы, пытаясь захватить королевский караван. А удаися им это — добыча была бы просто бесценной.

— Значит, что-то им помешало?

— Погибли почти все, кроме нескольких, которым удалось бежать. Они рассказали о сражавшемся на стороне охраны и чуть было не затесавшемся в их отряд верзиле с голубыми глазами. Похоже, что наш противник более сведущ в колдовстве и разведке, чем мы предполагали.

— Может быть, просто охранников было больше, чем прикидывали, готовясь к нападению? — Айбас тяжело вздохнул. — Послушай меня, Брат. Боги свидетели, что ты и твои товарищи столько знают о колдовстве, что простому смертному и близко никогда не стоять с вами. Но я один больше вас всех разбираюсь в войнах и боевых искусствах, по крайней мере, в тех, что существуют по ту сторону гор. Не

следует опасаться колдовства со стороны противника. Гораздо опаснее может оказаться, если охрана каравана захватила в плен кого-нибудь из Вольных Стрелков. Они могут выдать наши планы. Прикажите людям, которые должны захватить принцессу, чтобы они возвращались другой дорогой, прятались днем в лесу, а шли только ночью, чтобы они никому ни слова не говорили об этом деле и не откладывали его ни под каким предлогом. Только конец света может помешать им сделать все вовремя.

— Этот удар нанесет нашим врагам не меньший урон, чем самое сильное ваше заклятье, чем новые дюжины людей, которых вы, — он чуть не сказал «скормите своему чудищу», — сможете захватить в плен.

— Когда ты наконец умеришь свою наглость, пришелец?

Айбас хотел было ответить, что его наглость — это просто детская шалость по сравнению с наглостью графа Сизамбri. Но, с другой стороны, зачем торопить события? Пусть эти волшебники сами узнают, с кем связались и кому помогали, когда граф станет правителем этой страны. Это им будет хорошим уроком. А сам Айбас будет к тому времени уже вне их досягаемости, далеко за пределами Пограничного Королевства.

— Прости, если я снова оскорбил тебя. Я не желал этого. Просто я очень хочу, чтобы дело,

которое мы так удачно начали вместе, не пошло прахом из-за элементарного невезения.

— То, что ты сообщил мне, будет передано дальше, всем Братьям. Это устраивает тебя, Айбас?

— Абсолютно.

Айбас знал, что большего он не добьется, предложи он Братьям даже сокровищницу жрецов Сэта.

Тучи постепенно рассеялись, и лишь легкий дождик прошел в вечерних сумерках над деревней. Конан слышал раскаты грома и видел сположи молний на западе, там, куда ушла буря. Каравану повезло: дождя над лагерем не будет.

Хотя Конану и не выделили время дежурства, он без посторонней просьбы, распаковав багаж Райны, принял наравне с остальными выполнить работу по устройству лагеря. Было понятно, что многие стражники догадались, что Конан и Райна когда-то были любовниками. Само собой, им хотелось узнать побольше об этом человеке, которому они, можно сказать, были обязаны жизнью.

Конан выпил столько вина, сколько хотел, и имел полную возможность пить еще и еще, но счел, что это было бы уже неразумно. Он отнес меч оружейщику, чтобы посмотреть, не

повредил ли он его во время сегодняшнего сражения. Оружейные мастера из южных стран не часто встречались с мечами киммерийской работы, и еще реже — с тем, какими лихо орудовали сыновья киммерийских кузнецов. Так что оружейщику и Конану было о чём поговорить, по очереди прикладываясь к кожаному бурдюку с вином.

Киммериец помог коноводу промазать маслом кожаные выюки, которые начали трескаться. Еще он помог двум совсем молодым солдатам перепаковать рассыпавшиеся пучки трав и пузырьки, которые они спешно подобрали у порванных выюков на поле боя. Затем он помог еще одному парню замазать глиной треснувший кувшин, содержимое которого издавало редкостное зловоние.

— Эти штуки должны дать королю Элоикасу огромное преимущество перед его противниками, по крайней мере, нам так объяснили, — рассказал ему солдат, когда они изображали из себя искусных гончаров.

— Тыфу ты, гадость какая, — ответил Конан, мечтая поскорее залепить кувшин и вдохнуть свежего воздуха, — интересно, как эта хреновина действует. Нет, конечно, если король сберет всех своих врагов на званный обед и неожиданно откроет кувшин, то вряд ли хоть один из них спасется: эта вонь укладывает человека за версту.

Его собеседник пожал плечами и ничего не ответил. Конан задумался: может, король Элоикас тоже балуется колдовством? Даже если он этим занялся лишь для того, чтобы противостоять колдовству своих врагов, Конан вовсе не желал принимать участие в этих битвах магов и волшебников. Конечно, если Райна собирается вести свой караван прямо к логову этих колдунов, он последует за ней до самого конца. Но все же Конан надеялся, что так далеко Райна не полезет, а уж если придется — то меч в его ловких и сильных руках поможет выпутаться из такой переделки.

В свои двадцать три года Конан хорошо знал, что колдуны обычно плохо кончают. Но перед тем, как найти свою страшную смерть, они сживаются со свету многих и многих обычных людей.

— Не обращай внимания на мои шутки, — сказал Конан, обращаясь к солдату, — надеюсь, что король Элоикас не будет злым волшебником. А если нужно, я готов на себе испытать действие этих снадобий.

Они поболтали еще немного, а потом Конан пошел к дому, где лежали раненые. Их было всего пятеро. Шестой умер еще на подъезде к деревне. Над одним из лежавших склонился лекарь. Было понятно, что он лишь пытался облегчить последние страдания несчастного.

Совсем еще мальчишка. Едва ли Конан был старше, когда впервые отведал кнута надсмотрщика.

Мальчишка, умирающий вдали от родного дома; сейчас его больше всего заботило, как он показал себя в своем первом и единственном бою.

Конан опустился на колени рядом с раненым юношей:

— Ну, как дела, приятель? Как тебя зовут?

— Расмуссен, капи... тан.

— Ты из Асгарда или Ванахейма?

— Из Ванахейма! — Даже умирая, парень нашел силы, чтобы с гордостью назвать свой родной край.

Конан улыбнулся.

— Ты... ты видел... как я дрался? Я хорошо дрался? — Расмуссен поперхнулся. И без того бледное лицо северянина стало белым как полотно. Только глаза по-прежнему горели синим огнем.

— Я раза два осматривался и оба раза видел, что ты отлично держался.

Конан не видел парня в бою, да и не заметил его отсутствия вплоть до самого вечера. Но это была та ложь, которую прощают и люди и боги.

— Правда, я все делал верно?

— Расс, не теряй зря силы, — попытался прервать его лекарь.

— Я... ну скажите же, капитан!

— Твоя рана дорого стоила врагам, Расмуссен. Не многие могли бы сделать больше в первом бою.

— Конан говорит правду, — прозвучал голос Райны из-за спины Киммерийца. — Я совершила отличную сделку, наняв тебя в свой отряд.

Последние слова прозвучали уже для неслышащих ушей и неподвижных, невидящих глаз. Райна опустилась на колени рядом с двумя мужчинами и руками, иссеченными шрамами, закрыла умершему юноше глаза. Вдруг она покачнулась, и Конан приготовился подхватить ее, если понадобится, не показав вида, что увидел ее слабость.

Райна быстро собралась с силами и вновь овладела собой. Слова были им не нужны, и оба не проронили ни слова, пока шли к дому, который Конан облюбовал для них. Так же молча они сели напротив друг друга. Конан налил вина из кожаного бурдюка в две деревянные чашки.

— За старых товарищей, — сказала Райна. Чокнувшись они выпили вино. Опустошив чашу, Райна вытерла губы ладонью. В ее облике появилось что-то давно знакомое Конану. Она тряхнула головой и грустно улыбнулась:

— Лихо у тебя получается вранье ради успокоения умирающего.

— Какое еще вранье? — пробурчал Конан. — Я просто сказал, что парень вел себя в первом бою, как многие другие. Он не струсил, не убежал. Он не позволил врагам ни одного удара в спину. Это и есть — достойно держаться в первом бою, что может далеко не каждый.

Райна снова тряхнула головой:

— Конан, когда ты родился, тебе уже было сто лет, такой ты умный.

Конан откинулся назад, и его смех эхом прокатился по пыльным углам.

— Расскажи это ворам из Зингары. Они мне говорили так, когда я учился их ремеслу. Еще они говорили, что умного вора никогда не схватят в том квартале города, где орудует Конан из Киммерии. Этот деревенщина умудрится сделать свое дело, даже предупредив предварительно свою жертву, известив стражу, всех солдат в округе — пьяных и трезвых — и даже всех блок на последней сторожевой собаке.

— Так прямо и говорили?

— Ну, не в лицо, конечно, а за глаза. Но ведь и я тоже не без ушей живу.

Конан стянул с себя сапоги и сказал:

— Эх, жаль, вина больше нет. А что толку рассказывать о моих похождениях на трезвую голову. Расскажи лучше ты о себе. Похоже, ты просто создана, чтобы водить караваны.

Люди из отряда Райны в основном выглядели достаточно опытными, за исключением нескольких явных юнцов. Все были отлично вооружены. Кроме того, у них были с собой такие необходимые вещи, как запасная обувь и лечебные травы. Конану хорошо было известно, что отсутствие этого часто наносит ощутимые потери отряду еще до встречи с врагом.

На Райне были надеты растянутые, мешковатые кожаные брюки (не способные, впрочем, скрыть длину и стройность ног), спускавшиеся на отличные сапоги для верховой езды, сделанные в Аргосе. На ремне висел кинжал аквилонской работы. Аквилонская же кольчуга лежала в углу комнаты. Ее туника красного кхитайского шелка подчеркивала красоту высокой груди.

— Мне пока что очень везло, — сказала она. Ее короткий рассказ не занял много времени. Служба в охране караванов притягивала многих, но мало кто выдерживал ее долго. Люди гибли от стрел и мечей разбойников, от болезней. Многие становились жертвой собственного искушения присвоить груз каравана. Пройдя все это, они часто сталкивались с горьким разочарованием, видя, что в далеких городах их мечты нет башен из слоновой кости и что их не ждут прекрасные женщины в золотых одеяниях.

— Я сумела пройти и пережить все эти опасности и испытания, — закончила Райна, — потом я научилась помогать и другим оставаться в живых. А после этого было не так уж трудно добиться репутации хорошего проводника и охранника караванов.

— Поэтому ты здесь и оказалась?

— Да. У короля Элоикаса было немало нужного ему добра и всего десять человек охраны. Распорядитель двора не хотел делать караван легким подарком разбойникам, а охранники, в

свою очередь, не жаждали оказаться всего лишь неприятной нагрузкой к такому подарку. Пограничное Королевство известно как страна суровых скал и еще более суровых людей.

— Я здесь нашел только подтверждение этим слухам.

— Я тоже. Но я здорово поиздурялась в Боссонии. Труднопроходимая территория и опасности мне не в диковинку, а мои люди пойдут за мной хоть на край света.

— А где люди короля?

— Сегодня утром они поскакали вперед налегке, чтобы предупредить старших офицеров о нашем приближении.

— Это они тебе так сказали, — недовольно пробурчал Конан.

Неизвестно, кого они еще предупредили, не считая даже незнакомого и поэтому подозрительного старшего командира. Да еще это колдовское зелье, на которое он наткнулся, разбирая один из порванных выюков.

Киммериец встал и отвернулся. Конечно, перед людьми Райны он будет защищать ее авторитет до последней капли крови, до последнего удара меча. Но сейчас, наедине, он должен задать ей несколько резких, неподобающих вопросов. И спасибо богам, если она вместо ответа не разобьет какой-нибудь кувшин о его голову.

Он резко повернулся к Райне, и... все мысли о серьезном разговоре вылетели из его головы.

Девушка стянула с себя тунику, и теперь лишь тончайшая рубашка прикрывала ее тело выше талии.

Пока Конан завороженно смотрел на нее, Райна стянула с себя сапоги; вслед за ними отправились и кожаные брюки. Хотя эта одежда и обувь не была предназначена для удобного снятия, как платья девушек из харчевен, но Райна умудрилась освободиться от нее в одно мгновение.

— Ты великолепна, как и прежде, — сказал Конан.

Райна не упустила случая кольнуть его самолюбие:

— Ничего умнее не придумал, Киммериец? Ни одна женщина не превратится за год в старую каргу. Так что или подбирай комплименты поудачнее, или попридержи язык.

Она протянула к нему руки. Приглашение было сделано, и у Конана не было ни тени желания отвергнуть его.

Прошло еще много времени, прежде чем они уснули. И их сон, сон усталых, измученных, но счастливых людей, был глубок, глубок почти как смерть. Они не слышали раскатов грома без единой вспышки молнии, доносившихся из-за холмов. Не слышали они и раздававшихся ближе мягких, но настойчивых призывов флейты.

Айбас слышал гром, слышал он и вой чудовища Звездных Братьев. Там, где он стоял, на самом верху дамбы, даже мертвец услышал бы эти звуки.

Этот крик не был похож ни на один из звуков, которые могли издавать земные создания. Что-то вроде завывания, переходящего в мерзкое бульканье, присвистывание, а затем снова в вой. Человеческие уши не должны были слышать этот звук, пришедший из другого мира. Из мира, где безраздельно царствует зло, тянувшее к себе человека и его мир. Зло, для которого не было названия ни в одном человеческом языке, но с которым, как со страхом чувствовал Айбас, ему предстояло скоро встретиться.

Этот страх вытеснил из его мыслей приятное известие о том, что похищение принцессы Чиенны удалось и что похитители сумели уйти от погони. Он не знал, был ли захвачен и младенец, но по тому, что Братья отказывались отвечать на этот вопрос, можно было предположить, что нет. Это делало новость еще приятнее. Хотя все приятное было забыто, как только прогремел гром и затянуло свой вой чудовище.

Некоторым утешением могло быть то, что Звездные Братья тоже казались сильно напуганными. Быть может, Айбас был не единственным, кого мучила мысль о неведомом зле, пришедшем из другого мира, голодном и жаждущем утолить свой голод, о зле, уже готовом вырваться за все поставленные ему преграды.

Айбас заговорил с одним из Звездных Братьев, который более других держал себя в руках. Его голос звучал резко как никогда:

— Что случилось? Ваше животное заболело?
— Оно боится, — последовал ответ.

Айбас даже не потрудился отвернуться, чтобы скрыть чувства, отражавшиеся на его лице. То, что могло нагнать страху на это существо, наверняка было смертельно опасно и для любого человека.

Грянул гром, и Айбас с колдуном сжались от страха. Но существо за стеной никак не отреагировало. Поглядев на черное небо, Айбас увидел вспышку молнии, осветившую вершину далекой горы, до ужаса напоминавшую человеческий череп.

Спасибо богам, это был настоящий гром, обычная гроза! Айбас поспешил скрыть свою радость, чтобы колдуны не приняли это за оскорблением. Но они были так поглощены своим бормотанием, что вряд ли заметили бы его, даже начни он бить в барабан и петь военные гимны.

Айбас спустился со стены и направился к деревне. Примерно на середине пути он заметил две фигуры, спрятавшиеся в зарослях кустов ежевики. Следующая вспышка молнии позволила ему узнать медного цвета волосы Виллы и ее длинные тонкие руки, обращенные к небу в молитве. Рядом возвышалась массивная фигура Тайрина, ее отца.

Молитва или какой-нибудь другой ритуал? Братьям будет интересно узнать, что их запреты нарушает какая-то девчонка. Ну что ж, отличная возможность для Айбаса заручиться благородностью Виллы за то, что он не выдаст ее, а предупредит об опасности.

Другая мысль, как молния, пронеслась в его мозгу, рассекая первую. Никаких неосторожных действий! Никакая женщина не стоит тех неприятностей, которые может навлечь гнев обманутых или рассерженных непослушанием Звездных Братьев.

Когда победа так близка, лучше потянуть время. Потом он поговорит с графом Сизамбri, а уж тот уладит дело с теми, кто в долине Поуджой будет недоволен продажей одной из девушек племени за пределы их долины.

Конечно, граф может и нарушить их соглашение. Но даже тогда Айбасу придется иметь дело со смертным человеком, человеком с большими претензиями, который ни перед чем не остановится, чтобы захватить власть над этой страной, — но не с колдуном, который узнаёт новости без гонцов и вызывает чудовищ из другого мира.

— Госпожа Райна! Госпожа Райна!

Крик медленно проникал в уши Конана. Он сел и усилием воли выгнал сон из тела и разума. В два прыжка он оказался у двери.

Позади себя он увидел, как мелькнуло загорелое тело Райны, на которое она спешно набрасывала одежду. Конан отодвинул засов и позволил ломившемуся человеку приоткрыть дверь лишь на ширину ладони.

— Госпожа Райна! Госпожа Райна! — все повторял тот.

— На нас снова напали? — раздался ее голос.

Человек не ответил. Он так и остался стоять с открытым ртом, увидев в щель маячившую фигуру Конана. Киммериец в той же комнате, что и госпожа Райна, да еще практически голый.

Конан слышал все мысли, проносившиеся в голове солдата, словно тот проговаривал их вслух. Он видел, как стражник пытается хоть что-то увидеть сквозь щели между досками двери, при этом пошатываясь, так как сильная рука Конана тряхнула его за воротник штопаной-перештопаной рубахи.

Конан открыл дверь шире, чуть не уронив этим движением стоявшего снаружи. При этом его массивная фигура не давала возможности увидеть хоть что-нибудь внутри дома.

— Твой командир задал тебе вопрос, приятель. Ты что, всегда так плюешь на ее команды? — Конан старался говорить как можно вежливее и без угрозы в голосе.

— Э-э... — все, что прозвучало в ответ.

Конан понял, что, держа человека так крепко за ворот, он просто лишает его всякой возможности что-либо сказать. Он ослабил хватку. Человек дернулся, освободил шею и, уставившись на Киммерийца, похоже, поблагодарил богов, что легко отделался.

— Там, за деревней какой-то граф Сизамбri, господин...

— Конан из Киммерии, бывший офицер турецкой армии, — раздался голос Райны. Она еще не была полностью одета, когда шагнула в дверной проем, но на поясце уже висели меч и кинжал, а на голове был надет шлем.

— Госпожа, капитан Конан. Граф Сизамбri утверждает, что этой ночью была похищена принцесса Чиенна. Он хочет допросить нас и осмотреть лагерь и багаж.

— Сначала его утопят в верблюжьем навозе, — отрезала Райна.

— Госпожа, с ним пятьдесят человек.

— Действительно так или он только так говорит? — спросил Конан.

Человек прикинулся, имеет ли Конан право задавать вопросы, но, взглянув на выражение лица Райны, втянул голову в плечи и произнес:

— Вообще-то мы не видели больше двадцати, но они все там, за деревней.

— Хорошо. Пусть остаются там, пока я не выйду, — ответила Райна.

— Слушаюсь, госпожа.

Дверь за ним захлопнулась, и они услышали, как он бегом помчался к краю деревни. Конан и Райна взглянули друг на друга.

Даже если у графа было всего двадцать человек, это все равно больше, чем было у Райны. А если в его отряде и вправду было пятьдесят бойцов, то эта угроза была посерьезнее, чем шайка бандитов, встреченная сегодня утром.

Райна протянула руки к Конану и позволила ему обнять себя, на секунду прижавшись к его мощной груди. Затем она поцеловала его и сделала шаг назад.

— Прикрывай мне спину и попридержи язык, дружище. Мы завезли имущество короля Элоикаса в такую даль не для того, чтобы его отобрал какой-то сукин сын, который называет себя графом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Граф Сизамбri, невысокий и плотный человек, сидел верхом на чалом жеребце так, словно родился в седле. На нем был плоский панцирь, пластины которого закрывали спину и грудь; шлем украшали алые перья; меч, изрядно поработавший на своем веку, был прикреплен так, чтобы его было удобно выхватить левой рукой.

Шлем закрывал часть лица, но оставлял на виду курчавую черную бороду, тронутую сединой, длинный красный нос и большие темные глаза. Граф смотрел вокруг с таким видом, будто хотел убедить окружающих, что его глаза насквозь видят душу человека.

Однако Конана, помнившего глаза некоторых смертных и не только смертных созданий, с которыми ему приходилось встречаться, не очень-то легко было пронять таким спектаклем.

— Ему бы храмовые процесии возглавлять, а не войско, — пробурчал Киммериец.

Райна была достаточно близко, чтобы схватить его за руку, сжав ее, ощутить каменную твердость мышц и прошипеть ему в ухо:

— Ради твоей и моей жизни, Конан, заткнись — и ни слова, пока я не позволю тебе раскрыть рот.

Легким кивком головы Конан выразил согласие. Начав говорить не вовремя, можно было спровоцировать графа на какую-нибудь глупость. Или если он был достаточно проницательным человеком, то мог бы, увидев разногласия между противниками, попытаться обратить себе на пользу их распри.

Конан сделал шаг назад и начал внимательно изучать людей графа, при этом изображая, что ему нет до них никакого дела. Их действительно было больше двух десятков, и значительно больше. Ни у одного из них не было такого отличного коня, как у графа. Хуже, чем его панцирь, была и их защита. Конан увидел лишь легкие кольчуги на большинстве противников. На некоторых несчастных не было ничего, кроме курток из толстой проваренной кожи, с нашитыми железными кольцами.

А вот их оружие было значительно лучше готово к бою. Все были при мечах, а у большинства из-за плеча виднелись короткие кавалерийские луки или арбалеты. Конан мог лишь догадываться о количестве стрел и меткости стрелков. Он все больше убеждался, что этот отряд выйдет победителем из любой заварушки, которую люди Райны могут иметь глупость спровоцировать.

Конан был не единственным, кто понял это. Люди Райны одним глазом следили за гостями, а другим — за малейшим жестом своих командиров.

К Конану на расстояние слышимости шепота подошел один из солдат:

— Мы собирались в центре деревни. Нужно, наверное, перекрыть улицы?

Райна покачала головой и ответила:

— Нет. Расставь стрелков в тех местах, где у них будет широкий обзор. Не забудьте и про ту сторону деревни, которая обращена к замку. Если его Бородатое Сиятельство припрятал от нас часть своих людей, то, скорее всего, он отправил их обойти холм и выйти нам в тыл.

— Да не оставят вас боги, госпожа.

— И всех вас тоже.

Человек растворился в темноте. Райна с досадой взмахнула рукой:

— Жаль, что мы не поднялись к замку. Там было бы легче защищаться.

— Мы бы с нашими мулами до сих пор тянулись вереницей по тропе. Да еще кто знает, сколько из них попадало бы с обрыва. Да и вообще, что толку переживать о том, что могло бы быть, если бы не... и так далее.

— Что, еще одна мысль капитана Кхадьяра?

— Любой здравомыслящий человек придет к этому, побывав раз пять в бою, а если нет — то достанется стервятникам на завтрак.

Райна скрестила руки на груди и обратилась к графу:

— Граф Сизамбри! Я — Райна Боссонская, командир каравана и его охраны.

— Предположим, в это я могу поверить. Но, по моим сведениям, с этим караваном шли люди короля. Где они?

Райна повторила то, что уже рассказывала Конану. Сизамбри невесело рассмеялся. Райна вспыхнула, и на этот раз пришла очередь Конана хватать ее за руку, чтобы успокоить.

— Я — Конан Киммериец, бывший офицер армии Турана. Сейчас — заместитель командира охраны каравана, госпожи Райны. Я хочу спросить, какой нашей шутке мы обязаны вашим смехом.

Сизамбри уставился на Конана и продолжал смеяться все громче, пока не встретился с ответным взглядом Конана. Черные глаза столкнулись с холодно-голубыми, и именно черные глаза первыми отвели взгляд, и рука их хозяина, затянутая в перчатку, сжалась, как бы обхватив рукоять меча.

— Я не утверждаю, что вы лжете. Но если за вами не будут присматривать люди короля, всякое может случиться с королевским имуществом. С вашим имуществом, госпожа Райна, если вы, конечно, дорожите репутацией честного проводника караванов.

— Пока ничего не случилось, — сказала Райна, — и уж по крайней мере ничего, связан-

ного с похищением принцессы Чиенны, о котором мы узнали, только когда ваш человек вызвал нашу стражу.

— Да, и если бы они впустили моих людей в ваш лагерь, нам бы не пришлось стоять здесь и глазеть друг на друга, как двум стаям волков над загнанным оленем.

Глаза графа выдавали ложь, удачно скрытую мягким голосом.

— Охрана выполняла мои приказы, а я — приказы короля Элоикаса. И один из них — не позволяя никому допрашивать моих людей и обыскивать багаж, если у него нет на это права, подтвержденного письменно рукой короля.

Граф Сизамбri презрительно фыркнул:

— У дворянина такого ранга, как я, это право есть с рождения. Не бойтесь оказаться неповиновение королю, подчиняясь мне.

Райна сказала:

— Простите, господин, если я чересчур подозрительна. Мы — чужие в этой стране, мы не знаем ее законов и обычаев, поэтому нам трудно принять на веру то, что вы говорите.

Конан почувствовал, что она хочет добавить: «Да и то, что вы — граф, тоже еще стоило бы проверить». С трудом она удержалась от этого оскорбления.

— Здесь все проверяю я, и никто другой. — Голос графа перешел в глухой рык. Кулаки снова сжались. Конан прикинул расстояние меж-

ду ним и графом. Тот, сам того не подозревая, совершил серьезный промах, оказавшись между Конаном с Райной и своими стрелками, которые не могли теперь пустить стрелы без риска попасть в своего командира.

Улыбнись лишь чуть-чуть ему удача — и Конан свалил бы графа с лошади раньше, чем лучники натянули бы тетиву. Случись так — и дело приняло бы совсем другой оборот.

Граф снова перевел взгляд на Конана. Киммериец старался придать себе вид безобидного ягненка, к тому же приросшего к земле крепче, чем старый дуб. Судя по выражению лица графа, Конану до некоторой степени удалось сыграть убедительно.

Граф собрался сказать что-то еще, но его слова остались неуслышанными, потонув в крике мула, раздавшемся из деревни. Вслед за этим послышались человеческие крики. Некоторые голоса Конан узнал. Другие, незнакомые, издавали боевой клич: «Стальная Рука!»

Конан взглянул на Райну. Та кивнула, и Киммериец сделал шаг в сторону деревни. Граф издал какой-то нечленораздельный звук, и немедленно послышались щелчки взводимых арбалетов.

Конан, резко повернувшись, схватил с земли камень и, словно из пращи, запустил его в бок коня графа. Жеребец заржал и резко попятился. Это застало седока врасплох. Граф покачнулся

и судорожно схватился за поводья, сжимая ногами бока жеребца, делая все, чтобы не вылететь из седла и не свалиться на землю.

В то же время Конан свободной рукой схватил Райну за локоть и, почти оторвав ее от земли, понесся к спасительным стенам деревенских домов. Позади них граф прилагал все усилия, чтобы обуздать и успокоить взбрыкивавшего и вставшего на дыбы коня.

— Если бы этот шакал прикрыл нас своей задницей еще пару секунд... — начал было Конан. Но тут свист стрел, выпущенных из луков и арбалетов, и звон от их попадания в камни стен оборвал его на полуслове.

Вдруг послышался голос графа, изрыгавший проклятия. Видимо, решил Конан, какой-то не-задачливый стрелок «помог» всаднику приструпить жеребца, всадив тому в круп стрелу. После этого обстрел ослаб, но не прекратился.

Наконец впереди показалось спасительное распахнутое окно в стене деревенского дома. Конан швырнул Райну в проем, как грузчики в порту перекидывают через борт тюки с товаром. Последовав за ней, он рухнул сверху всем своим весом.

— Черт, Конан! — задыхаясь, выдавила Райна. — Если ты рассчитываешь на мой меч в этом бою — побереги мои пальцы.

Конан шагнул назад, глядя, как она встает и немедленно выхватывает из ножен меч. Прокля-

тия графа стихли вдали, прекратился и свист стрел.

Шум боя в деревне усилился; правда, больше за счет воинственных криков и ругательств, чем из-за звона стали. Конан изо всех сил навалился плечом на запертую дверь: гнилые доски и иссохшая кожа на выдержали, и он очутился на земле в облаке пыли. Вскочив, он рванулся вслед за Райной к другому концу деревни.

Им хватило лишь одного взгляда, чтобы оценить обстановку и отличить своих от врагов. Нападавших, спустившихся с холма, было не меньше дюжины — достаточно, чтобы загнать в угол людей Райны, но недостаточно, чтобы довести атаку до конца.

Кроме того, нападающие совершили серьезную ошибку, не присматривая за своими флангами, чем немедленно воспользовались Райна и Конан. Бешено вращая мечами, они неожиданно налетели с фланга. Конан понимал, что теперь никакие переговоры с целью предотвратить кровопролитие уже не помогут. Он орудовал мечом, понимая, что граф после такого оскорбления не остановится ни перед чем, чтобы расправиться с Конаном. Даже если для этого ему придется пожертвовать всеми своими людьми.

Но расправиться с Конаном означало расправиться с Райной и с ее отрядом. Будь Конан один, он давно уже во весь дух уходил бы прочь отсюда, да так, что только пятки бы сверкали. Он

прекрасно понимал, что никакие приказы проклятого графа или еще какого-нибудь лорда Пограничного Королевства гроша не стоили бы на территории Немедии или Аквилонии.

Но Киммериец чувствовал себя связанным словом, данным Райне и ее людям, и не мог дать волю своим воинским инстинктам и азарту. Надеясь все же на понимание этого жеста доброй воли, он не стал устраивать кровавую бойню, усеивая деревенскую улицу трупами солдат графа.

Решив не столько убивать, сколько нагнать страху, Конан проделал это с должным умением. Он бил мечом по шлемам плашмя, ломал руки, его сапоги то и дело всаживались в чей-нибудь живот. Бок о бок с ним Райна действовала так же, пусть чуть с меньшей силой, но едва ли медленнее или с меньшим эффектом.

Действуя вдвоем, они смяли линию наступавших так быстро, как воры скручивают в рулон украденный ковер. Видя печальную судьбу своих товарищей, те из людей графа, по которым еще не прошелся вихрь смерти и увечий, сочли за лучшее покинуть поле боя и рванули во всю прыть прочь от деревни.

Бойцы Райны, стоявшие на крыше, натянули луки. Засвистели стрелы. Даже услышав запрет Райны, они не сразу прекратили стрельбу.

— Хватит крови, идиоты! — проорал Конан. — Прекратите. Может, еще удастся договориться с ними.

— Пошел ты со своими переговорами... — ответил кто-то из лучников.

Не тратя времени на споры, Конан забрался на крышу и вцепился в ноги ближайшего стрелка. Вдвоем они продавили крышу и с грохотом и облаком пыли провалились внутрь лачуги. Конан услышал ругань в свой адрес, доказывавшую, что пострадавший скорее обижен, чем серьезно ранен.

— Госпожа, — раздался уже более почтительный голос, — Тарцо погиб, еще двое ранены, не говоря уже о мулах. Мы должны отомстить этим ублюдкам! Мы обязаны это сделать!

— Что мы обязаны — так это доставить груз королю Элоикасу в целости и сохранности, — отрезала Райна, — будем мы вступать в бой или нет — все зависит от нашего основного дела. И вы поклялись беспрекословно подчиняться мне. Может, вы решили отказаться от своей клятвы прямо сейчас, перед лицом врага, у которого много сил и который знает, как их грамотно применить?

Красноречивое молчание стало ответом на эти слова. Конан чувствовал, как слабеет власть Райны над ее людьми. Он надеялся, что, пока не порвались последние нити, связывающие командира с подчиненными, произойдет что-либо обнадеживающее: или граф проявит здравый смысл и добрую волю, или бой снова завяжется, уже по-серьезному.

Свист стрелы предупредил Конана об опасности. Он бросился в одну сторону, Райна в другую, а на деревню с холма обрушился град стрел. Заревели мулы. Один из них, взмыкнув, понесся по улице. Кровь фонтаном била из раны на его шее. На углу ноги мула подкосились, и животное упало, содрогаясь в агонии. Маленький, но крепкий и сильный пони понесся галопом в сторону холма. Из его боков и крупа торчали стрелы. Перепрыгнув через упавшего мула, он получил еще несколько стрел в морду и, развернувшись, упал рядом с издыхающим мулом.

— Готов поспорить, они решили задержать нас здесь, раз им не удалось вышибить нас отсюда, — сказал Конан Райне.

— Задержать, пока к ним не подойдет подкрепление?

— А почему бы и нет? И еще, готов снова поспорить: если до вечера они не наберут намного больше бойцов, то мы вполне сможем разделаться с ними. У них сейчас кишит тонка вязьаться в ближний бой.

— Не думаю, что так легко удастся выбраться отсюда. Не забывай, что с нами груженые мулы и лошади.

— Знаешь, бывают случаи...

— Знаешь что, бывают случаи, когда ты слишком много лезешь в мои дела, Конан.

— Правда останется правдой, скажу я ее тебе или промолчу.

Райна тряхнула головой, как будто стараясь отряхнуть с себя что-то. Потом она протерла рукавом глаза, засыпанные пылью. Это движение заставило качнуться грудь, едва прикрытую одеждой. Сейчас, в рваной одежде, грязная, усталая, она напоминала трактирных танцовщиц, готовых на все за пригоршню серебряных монет.

К стрелам, выпускаемым со склона холма, добавились те, которые летели со стороны деревни, обращенной к долине. Конан влез на одну из крыш и лег там, чтобы, оставаясь невидимым для врагов, все же иметь возможность осмотреться с возвышенного места.

Его внимание сразу же привлек граф, так бурно жестикулировавший, что, казалось, у него была не одна, а по крайней мере две пары рук. Конан сначала удивился, а потом сообразил: у Сизамбри хватило ума понять, что перед ним — люди, способные постоять за себя, особенно если они предупреждены об опасности. Руководя действиями своего отряда молча, при помощи жестов, он рассчитывал на внезапность нападения.

Прикинув план возможной атаки графа, Конан воспрял духом: та часть отряда, которая находилась на холме, все еще не могла перевести дух после бегства из деревни. Таким образом, у графа едва ли хватит солдат, чтобы организовать эффективную атаку на противника, хорошо укрепившегося, знающего поле боя,

хорошо вооруженного и под руководством командиров, знающих свое дело.

Еще некоторое время Конан пролежал неподвижно на крыше. Впивавшиеся в его тело целыми роями мухи и слепни, выгнанные из развороченной соломы, не заставили его даже шелохнуться. Еще в Туране, воюя с соседними племенами, он научился искусству не производить шума и быть неподвижным. Главный принцип учебы там был прост: не вовремя пошевелился — пропал.

Короткий свист, хлопок — и лишь запах дыма заставил Конана обернуться. Справа, над соседней крышей, появился дым. Зажигательные стрелы!

Конан коротко выругался насчет сообразительности графа и по поводу скудости прошедшего ночью дождя. Промокни хорошенко сегодня деревня — и графу ни за что не удалась бы эта шутка.

Пока Киммериец высказывал в пространство эти соображения, в солому на его крыше воткнулись сразу три огненные стрелы. Видимо, солома была очень сухой: огонь разгорелся с такой быстротой, что, скатываясь с крыши, Конан успел опалить себе волосы. Не докатившись до края, он услышал треск и почувствовал, что летит вниз вместе со сгнившими стропилами, ломанными досками и горящей соломой. Вскочив на ноги, он начал хлопать себя по пылающей

одежде и волосам. Как только он управился с этим делом, появилась Райна. Ее легкие нижние брюки из льна едва прикрывали ноги. А рубашка — скорее это была куча лоскутков, которые в любой момент могли перестать представлять собой единое целое.

В общем, ее наряд был в полнейшем беспорядке, чего не скажешь о ее мыслях.

— Я приказала паковать лишь самые важные тюки. Мои люди знают, как их отличить. — На какую-то минуту ее голос задрожал. — А ты был прав. Похоже, мы явимся перед королем Элоикасом лишь частично выполнив задание и будем молить его...

Она не смогла закончить фразу. Конану захотелось обнять ее, но он понимал, что сейчас не место и не время, да и сомневался, что это помогло бы Райне успокоиться.

— Райна. Нам понадобится выделить арьергардный отряд, чтобы продержаться в деревне, пока остальные не уйдут за холм. Это для того, чтобы Сизамбри не смог отправить нам вдогонку всадников с луками. Дай мне двух-трех человек, одного — с луком, и я прикрою караван.

— Конан... — Она уставилась на него, как будто он заговорил на кхитайском языке или превратился в дракона.

— Да во имя Крона, у нас нет времени на споры! — почти закричал он. — Я лучше других сделаю эту работу. Дай мне несколько человек,

чтобы они прикрыли меня, а уж я устрою этим мерзвцам кровавую баню.

Райна подняла руку. Конану даже показалось, что ему закатят оплеуху. Но рука Райны лишь мягко погладила его по щеке.

Так они стояли, понимая, что ни время, ни враги ждать не будут. Вдруг до их слуха донесся низкий звук военной трубы. Сначала одной — из-за холма, потом другой — отвечавшей первой, уже гораздо ближе. Наконец еще две трубы зазвучали, все громче и громче, продвигаясь в направлении деревни.

Когда затих последний вздох трубы, Конан рассыпал топот множества конских копыт. Он легко подтолкнул Райну:

— Ну, тебе пора двигать отсюда, да поживее, а мое дело — подготовиться к встрече. Похоже, к нам в гости собираются все друзья графа.

Декиус, капитан-генерал королевского войска Пограничья, понимал, что могут обозначать звуки труб. Если граф Сизамбri уже ворвался в деревню, а теперь дает сигнал к отходу, — то его люди успеют уйти от преследования Декиуса.

Капитан-генерал молил всех богов, чтобы граф пошел на то, чтобы оповестить о себе по всей округе, чисто из безрассудства. Если он

только входил в деревню, то Декиус сможет схватить его с поличным, и тогда...

Король Элоикас не придаст большого значения сражению, даже выигранному, если Сизамбri опять удастся скрыться. Но если этот бой положит конец его интригам и предательству, — король многое простит и позволит своему капитан-генералу.

Декиус привстал в седле, потом медленно поехал вперед. Капитан-генерал не мог себе позволить неосторожность показаться на глаза противнику: у него было всего два десятка солдат против как минимум вдвое большего количества у графа. Даже если крестьянин, предупредивший Декиуса о появлении Сизамбri, и ошибся в счете, все равно — граф и правду вполне мог иметь с собой отряд человек в пятьдесят.

Услышав второй раз позывные сигналы, Декиус кивнул своему знаменосцу. Тот развернул знамя, и Серебряный Медведь затрепетал в воздухе. Затем Декиус взял свой щит у оруженосца, ехавшего бок о бок с ним. Большой овал окантованного железом дуба словно врос в его руку. Однако время обнажить меч еще не пришло. Пока еще можно было не отказать себе в удовольствии править лошадью при помощи поводьев, а не одними коленями, как в бою.

Последние ноты, издаваемые трубами, эхом отразились от склона холма. Люди Декиуса

пришпорили коней и перешли на рысь. Приближался последний поворот тропы.

За ним их глазам открылся замок Демби и сильно разрушенная деревня у его подножия. Половина домов деревни была охвачена пламенем. По склону тут и там лежали трупы людей и выночных лошадей и мулов. Колонна тяжело нагруженных пеших людей взбиралась вверх по склону.

Декиус подъехал вплотную к развалинам деревни. Вся земля была изрыта копытами лошадей. Облако пыли на тропе, ведущей в лес, показывало направление, в котором скрылись всадники.

— Стой! Кто идет? — раздался хриплый голос из деревни.

Декиус не привык, чтобы к нему обращались подобным образом, по крайней мере с тех пор, как он получил свои первые шпоры — в семнадцать лет. Но если тот, кто остановил его, только что выстоял в бою против Сизамбri и его прихвостней, то он — он имеет право на подозрительность.

— Поданные короля Элоикаса, — ответил Декиус. Он не хотел называть себя, чтобы даже случайно попавшая в него стрела не дала бы Сизамбri повода для такой радости.

— Подойди, чтобы тебя узнали. — Голос все еще хрипел, но уже больше походил на голос человека — опытного офицера.

Декиус спешился, выставил щит вперед, вынул из ножен меч и сделал несколько шагов вперед, к невидимому обладателю такого рыка.

— Достаточно, благодарю тебя, — раздался тот же голос.

— Ладно, Конан, хватит тебе, — Декиус был готов поклясться, что второй голос принадлежал женщине, — видишь, у него Серебряный Медведь Декиуса, а на щите — рука-защитница королевства. Могу поспорить — это Декиус собственной персоной.

Собеседники тихо обменялись между собой короткими фразами. По тону Декиус предположил, что они спорили о чем-то. Вдруг из дома напротив навстречу ему шагнули два человека, один из которых и вправду оказался женщиной.

Мужчина был выше Декиуса едва ли не на целую голову. На нем была грязная грубая рубаха, штаны, сапоги, а в руках — удобнейший меч с широким лезвием. А женщина...

— Госпожа Райна! Неужели это вы? — Тот крестьянин говорил также и о караване, остановившемся на ночлег в деревне у замка Демби. Надо же, чуть не схватил Сизамбri, нападающего на караван, да не просто караван, а давно ожидаемый самим королем, охраняемый вот этой самой госпожой Райной.

— Да, это я. Вы разве не рады?

Декиус понял, что на его лице отразилось чувство досады из-за того, что граф опять ускульзнул от него.

— Что вы, конечно, очень рад.

Он хотел было добавить: «Да и вы наверняка тоже рады», — но решил, что нет смысла повторять вслух то, что и без того всем понятно. По описаниям распорядителя имущества, Райна была красивой женщиной, но Декиус даже не предполагал, насколько красивой!

У Райны была репутация грамотного и знающего себе цену капитана, и Декиус был уверен, что это — не ее обычный боевой наряд. Но надо признать, что в нем она не просто притягивала взгляд, от нее было совершенно невозможно оторвать глаз. В какой-то момент Декиус поймал себя на том, что мечтал бы увидеть этого черноволосого гиганта, стоявшего плечом к плечу с Райной, где угодно, только не здесь.

— Просто я очень сожалею, что граф Сизамбри не попался на нашу уловку с трубами. Я рассчитывал увлечь его, спровоцировать на последнее, губительное для него нападение. Тогда бы...

— Ну, значит, спасибо всем богам, что ваша штука не сработала. А то пришлось бы вам сейчас перешагивать через наши трупы и трупы наших людей.

— Кто ты? — спросил Декиус. Этому верзиле явно не хватало вежливости.

— Простите, господин, — сказала Райна, — это Конан из Киммерии... первый человек в нашем отряде... после меня.

Последние слова вызвали несколько язвительных смешков среди людей Декиуса. Ни Конан, ни Райна не ответили, хотя Декиус заметил, как вздрогнули и покраснели ее ноздри. Да, носик у этой милашки был такой же симпатичный, как и все остальное.

— Ладно, капитан. Я полагаю, что именно граф Сизамбри — тот ваш противник, который бежал с поля боя?

— Если это тот маленький человечек с большими самомнением, боевой клич солдат которого — «Стальная Рука», если... — начала Райна.

— Достаточно. Это был Сизамбри. Дальше.

Рассказ шел быстро и четко. Декиус поймал себя на том, что, даже разглядывая Райну, внимательнейшим образом слушает Конана. Киммериец, казалось, соображал в военном деле побольше многих, хотя на вид ему никак нельзя было дать и двадцати пяти лет. Но, в конце концов, не годы, а сражения дают опыт воину. Декиус это отлично знал, знал на своей шкуре, знал, пожалуй, лучше, чем хотелось бы любому нормальному человеку.

Когда они закончили разговор, Декиус увидел, что его люди смотрят на Райну и Конана с неприкрытым восхищением.

— Ладно. Зовите своих скалолазов обратно, — сказал Декиус, — я полагаю, еще до полудня мы должны выйти на марш.

— Мы потеряли часть своих выночных и верховых лошадей, — сказала Райна.

— Вы уже говорили мне об этом, — в голосе Декиуса появились нотки нетерпения, — если часть ваших людей, разумеется и моих, спешится, то лошадей как раз хватит, чтобы увезти все тюки.

— А раненые? — опять этот голос киммерийца, звучащий не более нежно, чем точильный камень, заостряющий боевой топор.

— Оставим их, а доберемся до ближайшего замка, найдем там им замену. А за ними пришлют людей и заберут.

— Нет, — сказал Конан, вежливее, чем раньше, — Райна, если Декиус настаивает, я останусь с ранеными. Не хочу, чтобы до них добрались люди графа Сизамбри, чтобы перерезать им глотки, выпытав у них предварительно все, что можно выпытать издеваясь.

Декиус подумал про себя: «А парень-то моло-дец». Это было своего рода испытание. Он мог предложить оставить часть груза и себя — в качестве охранника. Мог и согласиться оставить раненых без охраны. Мог, но не стал. Похоже, у него не только изрядное самомнение. Он также имел представление о чести. Райна не привела с собой перелетную птичку или, еще хуже, змею

за пазухой. В королевство приходило слишком много людей, с манерами куда более изысканными, чем у Киммерийца; потом они исчезали, оставляя после себя недобрую память и дымящиеся развалины.

— Если большинство из нас пойдет пешком — ваши раненые смогут сесть на лошадей, — сказал Декиус, — но это значит, что, скорее всего, мы не успеем добраться до замка до наступления темноты.

— Мои люди давали присягу мне, а я клялась в верности им, — твердо сказала Райна.

— А я присягнул капитану Райне, — добавил Конан.

Декиус отдал бы добрый меч, чтобы узнать, какие клятвы привязывают друг к другу этих двоих. Ни разу они не посмотрели друг на друга, ни одного намека на то, что они могли быть любовниками. Но капитан-генерал готов был поспорить на тот же меч, что они ими были. И это очень не нравилось ему, хотя он и сам не мог бы сказать почему.

Конан и Райна шли позади объединенного отряда, отправившегося в путь задолго до полу-дня.

— Король Элоикас сделал удачный выбор, доверив Декиусу свое знамя, — заметил Конан.

— Ты так думаешь? — возразила Райна. — И это при том, что он просто раздел меня похотливым взглядом.

— Человек может быть отличным офицером и в то же время — настоящим ценителем женской красоты, — сказал ей Конан и, помедлив, тихо добавил: — Да и чем мы сами занимались сегодня ночью?

Райна сначала смутилась и вдруг рассмеялась:

— Ладно, беру свои слова назад. Но все равно, король Элоикас не умеет выбирать людей, а может, ему просто не повезло. Я про этого графа Сизамбri — связался же король с ним.

— Можно подумать, ты все это знала давным-давно, а про графа Сизамбri услышала не сегодня ночью.

Райна снова смутилась, замолчала и долго не могла успокоиться:

— Я... мы... нам так хотелось отправиться в путь, заработать на этом переходе деньги и имя. Да, нам говорили, что здесь... что Пограничное Королевство — страна, где хозяинчают банды и шайки разбойников. Но мы и думать не могли, что здесь творится такое... Это во сто крат хуже, чем в любой дикой стране.

Конан увидел боль и стыд на лице Райны. Больше она не попадется на этот крючок. «Ладно, — подумал он, — хватит упреков и советов, как ей делать ее дела».

— Если я правильно понял, графу Сизамбri наплевать на всех богов на небе и на короля Элоикаса — на земле. Этот тип людей встречается нечасто, и обычно они бывают очень опасны.

Лицо Райны на секунду приобрело выражение, похожее на маску, которой можно до смерти напугать ребенка. Или же выражение лица ребенка, напуганного такой маской. Что было этому причиной, — Конан не решился спросить.

Он знал, что Райна покинула Боссонию в большой спешке по причинам, о которых она особо не распространялась. Конан встретил ее, когда Райна служила телохранительницей у колдуньи Иллианы. Тогда они занялись поисками сокровищницы Курага. А что она делала после того, как уехала из Боссонии, и до службы у Иллианы — было тайной, которой она ни с кем не делилась.

Значит, так тому и быть. Райна была для Конана товарищем по оружию, любовницей, а сейчас — еще и командиром, за которым — хоть в огонь, хоть в воду. Конан понимал, что вряд ли найдется что-либо в мире, что способно было бы заставить Райну отступиться от своих планов. Она не запросит пощады ни у людей, ни у богов.

Но, пожалуй, следует повыспрашивать у нее кое-что о короле Элоикасе, о тех его приближенных, которые могли хранить интересующие

Конана сведения. Ведь хотя до окончания проводки каравана Конан и думать не мог об уходе на юг, не всю же жизнь он собирается посвятить борьбе против графа Сизамбri.

Но и в этой войне была своя притягательная сторона. Такая борьба всегда полна неожиданностей, случайностей. Это совсем не то, что бой с известным тебе противником при свете дня. Тут совсем другое дело. И умный человек не должен упустить свой шанс поживиться в этой странной войне.

Конан знал, что он снова встанет на ноги на юге, даже если доберется до южных королевств нищим. Но еще быстрее он завоюет себе там признание, если при нем будет тугой звенящий кошелек.

Появление принцессы Чиенны в деревне Пoudжой не разбудило Айбаса. Он не мог уснуть с тех пор, как увидел, что Звездные Братья готовятся принести жертву своему чудовищному зверю.

Ему не хватило храбрости спросить, не саму ли принцессу собирались они принести в жертву. Айбас рассудил, что, даже если бы он и набрался смелости, это ничего бы не изменило. Много раз ему удавалось угадать желания графа Сизамбri. Если на этот раз Звездные Братья решили не обращать внимания ни на него самого, ни на графа, — ничего не оставалось делать, кроме как передать эту новость графу лично.

Передать, а затем побыстрее исчезнуть оттуда, где его могут схватить люди Сизамбri. Маленький хозяин ничем не отличался от других самодовольных людей в своей нелюбви к гонцам, приносящим дурные известия.

Гонги, барабаны, да еще эти отвратительные деревянные трубы возвещали о прибытии воинов. Даже самая обыкновенная военная труба Пограничного Королевства была оскорблением для

слуха. То, во что гудели воины Поуджой, просто не поддавалось описанию.

Доведется ли ему еще услышать девушек-флейтисток из Аргоса или деву с лирой из Немедии? Услышит ли он жалобную песню свирели и приглушенную барабанную дробь, под которую марширует аквилонская пехота ясным осенним днем? Айбас сильно сомневался в этом.

Не менее сомнительной была польза от пр читаний по своей собственной судьбе. Только душу травить, а именно сейчас душевных сил потребуется ой как много. Глубоко вздохнув, Айбас закутался в плащ и вышел на деревенскую улицу.

На всем пути к долине из дверей каждого дома высовывались головы. Некоторые жители стояли в дверных проемах, всматриваясь в темноту. Айбас заметил, что многие с отвращением махали руками ему вслед. Ему стало интересно, к чему относились эти жесты: к нему лично, к Звездным Братьям или просто к тому, что ждало Поуджой за влезание в дела королей и графов.

Айбас давно понял, что эти горцы гораздо хитрее и проницательнее, чем предполагал граф Сизамбri. Никакое золото не могло заставить их закрыть глаза или промолчать об увиденном. Если бы граф получил то, что искал, он бы посчитался с Поуджой, как и другие горные племена, над которыми те издевались из поколе-

ния в поколение, используя людей как корм для любимца своих волшебников.

Заросли ежевики укрыли Айбаса, так же как две ночи назад они укрывали Виллу и ее отца. Из зарослей он всматривался в темные каменистые поля, засеянные ячменем. Далекие огненные светлячки постепенно росли, превращаясь в пылающие малиновым пламенем факелы. Острый запах трав, которые Поуджой вплетали в свои тростниковые факелы, был настолько силен, что Айбас расчихался.

На это никто не обратил внимания. Воины Поуджой направлялись к волшебникам, их предводитель потрясал копьем, держа его обеими руками.

— Приветствуем вас, Братья Звезд. Мы прнесли то, за чем были посланы. Благословите же нас.

Это не было похоже на мольбу. Скорее, это было требование отдать положенное, в противном случае оно будет взято силой. Айбасу вовсе не улыбалось, чтобы Звездные Братья восприняли это как оскорбление и повздорили с воинами. Такая заваруха, конечно, будет стоить жизни принцессе, если это и вправду она была внутри паланкина. Это будет концом надежд графа Сизамбri; вместе с принцессой умрет и обещанная Айбасу награда, да и, скорее всего, он сам.

Поражение Звездных Братьев освободит от пут дракона, и он понесется по холмам, сжирая

все, что попадется на его пути. И никто — ни человек, ни волшебство — уже не смогут остановить или замедлить его.

Один за другим Звездные Братья кивали в знак согласия. Как только последняя бородатая голова опустилась к груди, старший Брат поднял к небу руки. Шар отня, темно-красный с золотом, закружился между ними. Он своим светом превратил и волшебников и воинов в кровавые тени.

Брат с огненным шаром поднял руки выше. Остальные Братья запели какой-то гимн, никогда раньше не слышанный Айбасом. Эти завывания понравились ему еще меньше, чем вся музыка колдунов.

Шар скользнул вверх, поднялся выше стен, выше самого высокого зубца башни самого большого храма в Аквилонии. Поднимаясь, шар становился, как будто живое существо, и этому стону эхом вторил дракон.

Вдруг шар исчез, а огонь дождем полился на воинов. Золото и багрянец смешались в воздухе, и воины подняли к огню лица и оружие.

Огонь вылился на воинов, превратив их рты и глаза в чаши пламени. Айбасу показалось, что воины племени влили в свои человеческие тела кровь дикой кошки или дракона, а быть может, и ту и другую.

Их оружие не превратилось в огонь. Оно легко выскользнуло из рук хозяев и медленно

полетело вверх. Айбас, затаив дыхание, смотрел, как все эти смертоносные орудия поднимались почти на ту высоту, где недавно парил огненный шар.

Закончив подъем, оружие остановилось и затанцевало в воздухе, как иногда кружатся на одном месте в быстром потоке легкие прутья. Некоторые копья повернулись острием вниз. Мечи двигались так, словно невидимые руки управляли ими.

Один меч столкнулся в воздухе с боевым топором. Искры посыпались на факелы, которые гасли, как если бы попали под настоящий дождь.

Опустившись на четвереньки, как зверь, Айбас закрыл глаза на мгновение. Он не увидел, как исчез жар, шедший от оружия, и как оно спустилось на землю, прямо в руки владельцам.

Но он услышал, как с хрустом, словно раскололась дыня, воткнулся в череп хозяина его боевой топор. Он услышал, как застонал другой солдат, когда его копье, пройдя мимо поднятых навстречу рук, вонзилось ему в живот.

Любой смертный в долине наверняка слышал этот страшный крик, так же как и ответ дракона. Айбас готов был поклясться, что звуки стона и криков боли не могут разноситься подобно грому. Но он сам слышал это. А спустя какое-то мгновение он осознал, что, кроме этих криков, он слышит еще и дьявольский гром, прокатившийся

несколько раз над долиной без единой вспышки молнии.

Казалось, грохот заставил замолчать и превратил в камень как колдунов, так и солдат. Один из воинов наконец смог заставить себя двигаться. Он подбежал к раненому товарищу и прервал его мучения, перерезав тому горло. Когда вновь воцарилась тишина, другой воин отдернул занавеси паланкина.

Женщина, вышедшая наружу, двигалась с изяществом королевы, хотя и была не обута, в одной ночной рубашке. Ее черные волосы в другой обстановке, наверное, спадали бы локонами по плечам. Сейчас же они сбились в один грязный узел. Кровавые ссадины на шее и на ушах ясно давали понять, при каких условиях она рассталась с привычными украшениями.

В руках у нее был тряпичный узел. Айбас поспешил прочесть короткую молитву, чтобы этот узел оказался просто одеждой, которую Чиенна разрешили взять с собой. Но узел захныкал, и принцесса поудобнее перехватила его, чтобы успокоить находившегося там младенца.

Айбас ощущал странное спокойствие. Плач принца Урраса был первым по-настоящему естественным, действительно человеческим звуком из тех, которые он слышал в этой долине.

Затем барабаны и омерзительные трубы опять подняли страшный шум. Айбас понял, что настало время показаться, пусть даже со стороны

Братьев. Нельзя было дать им возможность усомниться в том, что граф Сизамбri действительно дорожит принцессой. Лишь тень сомнения — и смерть настигнет ее легко и очень быстро.

Айбас встал, отряхнул грязь и листья ежевики с одежды и зашагал к Звездным Братьям, положив руку на рукоять меча.

Принцесса Чиенна вовсе не была в восторге, увидев приближающегося к ней человека в нормальной одежде — не колдуна и не солдата. Для этого у нее было две причины.

Во-первых, как говорил Декиус, да и ее отец, и последний муж — граф Эпкорун, — ложная надежда в безнадежной ситуации приносит еще более глубокое отчаяние. И если отчаяние может погубить ее ребенка да и ее саму, то она будет сопротивляться этому чувству так долго, как сможет.

Второй причиной не была чужая мудрость или чей-либо совет. Она сама отвергала всякую надежду, будучи уверенной, что человек, стоявший перед ней, служил ее врагам. Скорее всего, графу Сизамбri или другому мелкому аристократишке из наспех сколоченного графом союза против ее отца.

Этот союз долго не протянет, в этом она была уверена. Но она не могла быть уверенной, что увидит поражение врагов собственными глазами. И принцесса молила всех богов, чтобы, если ей

суждено погибнуть раньше, они позволили ей увидеть этот миг с того света.

Как только ее внутреннее напряжение передалось маленькому принцу Уррасу, тот сразу же забыл о всех успокаиваниях и снова захныкал. Отчаянным усилием воли Чиенна успокоила себя и стала укачивать ребенка.

Он продолжал плакать. Мать подумала, что он проголодался.

— Есть тут где-нибудь кормилица? — спросила она, чуть не добавив: «...в этой дыре, в этой прокаженной деревушке».

— Я немедленно выясню, Ваше Высочество, — сказал человек.

Чиенна удивилась: «Вот это да! Клянусь поясом Великой Матери, этот человек разбирается в формулах вежливости!»

— Потрудитесь поторопиться, — не без изящества приказала принцесса, — малыш голоден, а я уверена, что в ваши планы не входит его смерть.

— В мои — безусловно, — последовал ответ.

Этот человек был одет в странную смесь из новых плаща и рубашки, которые носят здесь, в горах, и старых-престарых брюк и сапог из цивилизованного мира. Его меч, казалось, был из новых, но видевших за свою пока короткую службу много тяжелой работы.

Что за странное ударение было сделано на слове «мои» планы? Чиенна осмелилась взгля-

нуть на этих... ну, как их там... Звездных Братьев; кажется, так они себя называли.

Волшебники с гор, сказочные колдуны, они были стариками уже тогда, когда была ребенком ее кормилица.

Да. Они, похоже, были недовольны этим человеком, как будто он обратился к ней не в свою очередь.

Разногласия в их рядах? Не похоже, чтобы уж очень глубокие, которые могли бы дать ей какие-то преимущества. Но почему бы не углубить их. Правда, не сию минуту. Все те, кто учил ее военной науке, предостерегали в один голос от нападения на территории врага без хорошей разведки.

Позже, позже, хотя... Она вспомнила, как Декиус говорил: «Нет ничего хуже, чем сидеть и выжидать, дав противнику делать все, что он хочет. Если можно нанести хотя бы самый слабый удар по его слабому месту, — его нужно нанести!»

Капитан-генерал когда-нибудь узнает, что его уроки пошли на пользу принцессе, хотя сама она ни за что не призналась бы в этом ему.

Человек, стоявший перед ней, повысил голос:

— Эй, вы там! Немедленно кормилицу для младенца. И поживее!

Принцесса заметила, что на этот раз его речь не понравилась колдунам. Но их недовольство не остановило ни этого человека, ни нескольких

солдат, которые бросились к деревне с такой скоростью, словно земля горела у них под ногами.

Человек сделал шаг вперед. Вблизи стало видно бледное лицо исхудавшего, измученного человека с коричневой узкой бородой, кое-где тронутой сединой. Благородные черты лица и линии руки, поднятой в знак приветствия, — скорее всего, человек не низкого происхождения, неизвестно какими скорбными путями оказавшийся в этой дыре на краю света.

— Меня зовут Айбас, когда-то я был аквилонцем, — его акцент действительно выдавал не только аквилонца, но и образованного, знатного человека, — сейчас солдаты найдут кормилицу, чтобы ребенок больше не страдал от голода. Могу я что-нибудь сделать для вас?

Конечно, речь не шла о том, чтобы освободить ее или хотя бы снять веревки с ее ног. Чиенна отрицательно покачала головой.

— Тогда позволю вам предложить присесть на любой камень, который покажется вам мягче других, — он легко улыбнулся, и снова его лицо и голос стали жесткими. — Звездные Братья хотят продемонстрировать вам, какую силу они подчинили себе и направляют на тех, кто ослушается их или становится их врагом.

Айбас показал рукой на вал из камней и земли, перегораживавший вход в ущелье с левой стороны. В этот момент над стеной показалось что-то странное, похожее на змею, извивающее-

ся, как змея, но много-много длиннее самой большой из виденных Чиенной змей.

К первому извивающемуся существу присоединилось второе, потом еще одно, еще, так что их стало невозможно сосчитать. Человеческий язык не в силах описать эти тела, вскарабкивающиеся на отвесные стены, истекающие какой-то жидкостью, издающие также непередаваемые звуки.

Принц Уррас почувствовал ужас, охвативший его мать, по изменившемуся биению ее сердца и заплакал еще громче. Принцесса села, невероятным усилием сохраняя достоинство только ради ребенка. Она стала укачивать, баюкать его, спела ему колыбельную, но ничто не могло успокоить малыша.

Но еще не все было потеряно. Она не осмелилась закрыть глаза, чтобы не видеть этого зрелица, этой ужасной скалы в форме головы дракона. Отвернись она, закрой глаза — и наказание последует немедленно, забирая ее и без того небеспредельные силы.

Ей даже не нужно было слышать крики приносимых в жертву. Плач ее ребенка вполне заменял их.

Вилла слушала финал жертвоприношения, сидя в своем убежище — развилке ветвей старого дерева, нависающего со склона над долиной.

Она еще раз поблагодарила всех богов, что ей хватило ума никому не рассказать об этом наблюдательном пункте, откуда она могла видеть очень многое без риска быть замеченной.

Когда-нибудь сильный ветер сломает старое дерево, и ей придется искать другое удобное место, чтобы следить за колдунами. А до этого она будет пользоваться этим тайником, не рассказав об этом никому в деревне, никому, даже отцу.

Она подождала, пока последние очертания чудовища не растворились в туманной мгле, покрывавшей озеро. Этот туман появлялся всякий раз после того, как чудовище получало свою пищу. Было ли это частью магического ритуала Братьев?

Этого она не знала. Она даже не была уверена, что увиденные ею женщина и младенец были принцессой Чиенной и наследником. Единственное, что она четко знала, — это то, что ей нужно срочно рассказать обо всем увиденном Марру-Флейтисту, ждущему ее.

Далеко идти не придется. Хотя флейты и не звучали этой ночью, но по раскатам грома и по тому, как странно вело себя оружие, убивая своих хозяев, было понятно, что Mapp — где-то недалеко.

На Вилле был солдатский плащ, бесформенное платье женщин племени Поуджой и кожаные туфли на толстой подошве, украшенные цветны-

ми камушками из горных ручьев. Она сбросила плащ, затем стянула платье через голову.

Под платьем на ней был только кожаный ремень с засунутым за него кинжалом из удачно подобранныго и отполированного куска бивня мамонта. Звездный свет играл на ее теле, пока она, нагая, застыла, прислушиваясь к ночи.

Затем она обмотала плащ вокруг бедер, встала на колени и несколько раз глубоко вздохнула. Как Mapp и говорил ей, жизненная сила потоком полилась в нее, ускоряя бег крови в ее жилах.

Когда ее руки и ноги уже, казалось, были готовы заискриться от огромного количества вошедшей в нее силы, она вскочила и побежала изо всех сил.

Там, далеко в темноте ночи, тихо и мягко ее звала флейта.

Примерно в то же время, когда Вилла встретилась с Марром-Флейтистом, Конан повстречался с дворцовой стражей короля Элоикаса.

Караван и отряд Декиуса разбили лагерь на расстоянии двух арбалетных выстрелов от небольшой деревушки, под прикрытием поросшей лесом скальной гряды. Деревня была обитаема, но едва ли менее разрушена и запущена, чем деревня у замка Демби, где они участвовали в бою два дня назад.

Мрачное, суровое выражение лиц жителей деревни больше говорило Конану об их тяжелой жизни, чем полуразвалившиеся лачуги и заношенная одежда. Несколько куриц и немного ячменя — вот все, что удалось купить в деревне, несмотря на то что Декиус не был скучным покупателем.

«Если народ Пограничного Королевства жил в основном так бедно, то вряд ли удастся здорово разбогатеть в этом походе», — решил для себя Конан. Благодарность короля вряд ли сможет накормить лошадей или помочь приобрести доспехи. Для этого нужно золото — то,

чего, похоже, в этом королевстве и в глаза не видели.

Значит, такая у него судьба. Честь держала его привязанным к Райне до тех пор, пока он ей будет нужен. А там, глядишь, можно по-другому попытаться набить себе кошелек или испытать судьбу на везение где-нибудь в Немедии — без гроша в кармане. Да, в конце концов, сколько золота он привозил из еще более бедных земель, оказавшись там лишь с мечом в руках и без единой смены одежды.

Конан как раз проверял, как несут службу часовые, когда появилась дворцовая гвардия. Декиус доверил людям Райны разделить часы дежурства со своими, но не позволил Конану самому стоять на часах. Киммериец предпочел не выяснять, обязан ли он этим недоверию или уважению к его званию и заслугам.

Солдаты Декиуса были знатоками своего дела. Конан как раз приводил их в пример одному из стрелков охраны каравана, заставляя того лучше замаскироваться, когда легкий ветерок донес до его слуха звон подков и топот сапог. Он знаком отоспал обе пары часовых в их укрытия, а сам вышел на тропу, вслушиваясь в приближающийся шум шагов.

Подумав, Конан спрятался в открывшемся перед ним убежище между корней огромного дуба. Затаившись, он поднес сложенные рупором ладони ко рту и окликнул незнакомцев:

- Стой! Кто идет?
- Дворцовая стража под командованием капитана Ойжика.
- Подойди, чтобы тебя узнали.

Конан услышал, как один из часовых отряда Декиуса исчез в темноте, чтобы вызвать своего командира. Он также слышал, как в тишине нетерпеливо переступали ногами лошади и люди.

Острое зрение киммерийца даже в почти полной темноте служило отлично. Он узнал королевское знамя, весьма плачевным образом болтавшееся на кривоватом копье. Он также понял, что перед ним — отряд, состоящий из горстки опытных солдат-ветеранов и большого количества молодых и плохо обученных новобранцев. И тех и других он видел в своей жизни предостаточно, особенно в Туране, и мог отличить одних от других даже в темноте.

Человек, назвавшийся капитаном Ойжиком, тоже принадлежал к знакомому Конану типу. Лысый и чересчур толстый для своих лет, он нацепил на себя отличные доспехи и восседал на лошади, стоявшей раза в три больше, чем лошадь Декиуса. Но доспехи не были подогнаны по фигуре, а из-за спины их владельца торчала рукоять меча, украшенная тонкой резьбой и драгоценными камнями. Такой меч не выдержал бы и одного настоящего боя.

— Капитан Ойжик, — крикнул Конан, — капитан-генерал Декиус уже извещен о вашем

прибытии. Я прошу вас оставаться там, где вы находитесь, пока он не появится.

— Мои люди проделали долгий путь, причем очень быстро, по срочному приказу Его Королевского Величества, — с уст Ойжика слетали фразы такие же круглые, как он сам, — им нужно немедленно остановиться на ночлег и хорошо отдохнуть.

Конану не особо верилось, что это сборище стариков и юнцов могло идти быстро и далеко, даже если бы ими командовал сам бог войны. Судя по поведению Ойжика, он сам не чаял перетащить свою задницу из жесткого седла на что-нибудь более удобное.

Киммериец усмехнулся. Ойжика ждал веселый сюрприз, если он ожидал от лагеря чего-либо, называемого «комфортом» хоть на одном из известных Конану языков.

Звук твердых, уверенных шагов известил Конана о приближении Декиуса. Киммериец встал, чтобы поприветствовать капитан-генерала, а затем снова скрылся в своем тайнике, слушая, о чем будут говорить Декиус с командиром дворцовой гвардии.

— Что привело тебя сюда, Ойжик? — спросил Декиус.

— Слухи, что приятели и союзники графа Сизамбri собирают людей. Мы точно не знали, какие силы нужны для защиты каравана. Поэтому король Элоикас повелел запереть покрепче

ворота дворца, а стражу выслать навстречу каравану. Мы должны стать щитом каравана в конце путешествия.

Конан надеялся, что король говорил так, только чтобы успокоить сомневающихся, а не рассчитывая всерьез на то, что такая стража сможет защитить хоть огород от ватаги мальчишек. Служить хозяину, у которого нет ни денег, ни мудрости в военном деле, — такое могло кончиться плачевно: например, безымянной могилой в каменистой земле этой забытой богами страны.

— Мы благодарим тебя, Ойжик, — сказал Декиус, — капитан Конан, возвращайтесь в лагерь, будите госпожу Райну и моего заместителя. Мы сворачиваем лагерь и выступаем немедленно.

— Что? Ночью? — В вопросе Ойжика было больше писка, чем слов; скорее можно было подумать, что это не офицер гвардии, а испуганный евнух.

— Мы вполне в форме, Ойжик, — сказал Декиус. — Дорога безопасна: если бы дело обстояло по-другому, вы бы до нас не добрались. Наши противники не ждут такого ночного перехода, так что это самое мудрое решение из всех возможных в этой ситуации.

Для Конана, все время усиленно старавшегося подавить смех, ночной марш представлял еще одной приятной стороной: такой переход должен

был просто добить этого жирного капитана дворцовой стражи или, по крайней мере, здорово сбить с него спесь.

Киммериец тем не менее не проронил ни слова, а, когда Декиус отдал приказание, поспешил по тропе к лагерю. Лишь когда он увидел впереди огни костров лагеря, то залился таким хохотом, что половина отряда была разбужена еще до команды «подъем».

Райна высунула голову из палатки, которую делила с Конаном:

— Конан, если тебе так весело, так хоть поделись — над чем смеешься?

Киммериец лишь покачал головой и засмеялся еще громче. Он решил не оскорблять дворцовую стражу перед их товарищами — людьми Декиуса.

— Старая песня на новый лад, Райна. На сей раз — слухи о том, что приятели графа Сизамбри поджидают нас или, на худой конец, могут подождать. Нам навстречу вышла дворцовая стража, и Декиус считает, что нужно немедленно двигаться в путь, пока стража не перевела дух и не упала тут замертво.

Голова Райны исчезла в палатке. Все вокруг пришло в движение; Конан не видел ничего, кроме одевающихся и прилаживающих оружие людей.

Первый же взгляд на дворец заставил Конана усомниться в том, стоило ли его вообще охранять.

Он знал немало самых обычных знатных людей, у которых охотничий домик был намного шиканее этой запущенной развалины. Не только в Туране, но и в не столь богатых странах ни один феодал не поселил бы в такой лачуге даже своих егерей.

Неплотно прикрытые ворота болтались, наружная стена так рассыпалась, что ловкий человек мог без труда добраться до ее верха. Во всех крышах, которые можно было увидеть, зияли дыры. Конан мог поклясться, что под каждой из этих дыр стояла вонючая мутная лужа, не убиравшаяся по крайней мере лет десять.

Разбитая, неровная площадка, обсаженная кустами, должна была изображать строевой плац. Кучка полуразвалившихся сараев, которые хороший хозяин не использовал бы и под свинарники, наверняка была не чем иным, как казармами. Больше дворцовой страже, по разумению Конана, было негде жить, как негде больше было квартироваться и людям Райны.

С тех пор как отряд Декиуса присоединился к ним, Конан наслушался разных историй о «тайных кладах» королей Пограничья. Некоторые из солдат верили, что дворец так запущен потому, что Элоикас приберегал золото на черный день.

Конан готов был поверить в существование этих кладов, как и во все что угодно, но — с одним условием: увидеть их своими глазами. Пока что он подозревал, что клад был спрятан так удачно, что и сам король Элоикас не мог вспомнить, где находятся сокровища.

Ойжик поспешил во дворец, чтобы сообщить об их прибытии королю. Конан и Райна занялись размещением своих людей и животных. Они старались, чтобы никто не остался в заболоченной низине или в окончательно развалившейся хибаре на крутом склоне холма. Не менее важно было разместить караван в безопасности от стрел, которые могли быть выпущены из леса, росшего на нависающем над дворцом склоне горы. В этом лесу росли деревья с кронами какой-то странной, никогда не виданной Конаном формы. Ни одна птица не пела своей песни в гуще этого леса.

Конан стоял рядом с Райной, но не рискнул положить ей руку на плечо. Обоим было не по себе, оба ощущали на своих спинах взгляды Декиуса, особенно их чувствовала Райна.

— С каждым поворотом дороги эта страна мне нравится все меньше и меньше, — сказала Райна, — ты пойдешь со мной, если я и мои люди решим сматываться отсюда немедленно?

— Лучше все же подождать, пока с тобой расплатятся за работу. Извини, конечно, если я опять вмешиваюсь в твои дела со своими советами.

Конан и виду не подал, что давно уже заметил ее беспокойство, граничащее со страхом. Благодарность за это сверкнула в ее напряженной улыбке.

— Если только это дело не затягнется так надолго и так безнадежно, что, получив деньги, мы сможем купить на них лишь саваны да место на кладбище, да еще и не самое лучшее. Но если без шуток, Конан, — Райна подняла руки, словно собираясь обнять его, — если мы уедем, пойдешь ли ты с нами хотя бы до ближайшей цивилизованной страны? Я понимаю, ты хотел подзаработать кое-что здесь...

— Подзаработать чего? Пустой желудок да преждевременная могила — вот все, что может предложить этот край. Райна, я же тебе уже объяснял, что буду рядом с тобой, куда бы ты ни пошла. Разве щит спрыгивает с руки своего владельца, потому что считает себя крепче и важнее?

Райна готова была обнять Конана, наплевав на присутствие Декиуса, но в эту минуту в воротах появился дворцовый слуга. За ним следовал Ойжик.

— Капитан-генерал Декиус, капитан Райна, Конан из Киммерии. Вы вызываетесь на аудиенцию к Его Священному Величеству, Элоикасу Пятому, Королю Пограничья.

Внутри дворец выглядел так, как Конан и ожидал. Внутренние дворы заросли сорняками высотой по пояс. Деревья превышали кронами то, что осталось от стен. Крыши почти всех помещений провалились, пол под ними превратился в стоячее болото. С трудом верилось, что когда-то люди благородного происхождения наслаждались здесь музыкой и вкусной едой, лежа на мягких, крытых шелковыми покрывалами постелях, попивая хорошее вино из изящных кубков. В одной из комнат часть мозаичного пола осталась почти неповрежденной, и Конан придержал своих спутников, попросив их не наступать на узоры, словно это был не пол, а редкая драгоценность из далекой загадочной страны.

Так они шли довольно долго. Какая часть пути была уже пройдена и сколько еще оставалось — этого Конан не знал. Он почувствовал зуд между лопаток, тот зуд, который не успокоить никаким чесанием. С каждым шагом Киммериец был все дальше даже от той весьма символической защиты, на которую мог рассчитывать со стороны людей Райны. И вместе с тем каждый шаг уводил его глубже и глубже внутрь дворца, где враги — люди или чары колдовства — могли поджидать за любым углом.

По крайней мере, некоторые из них не проживут и минуты после того, как, выхватив меч, он научит их не подстраивать ловушек Киммерийцу.

Или женщине-воину из Боссонии, добавил он про себя, наблюдая, как лицо Райны становится все мрачнее с каждым их шагом.

Еще один поворот — и оба, Конан и Райна, замерли в изумлении, словно перед стеной огня. Перед ними лежал внутренний двор, чисто вымеченный, без единой сорной травинки. Во двор выходили двери покоеv, достойных, как минимум, принадлежать дому преуспевающего купца.

Двери всех помещений охранялись, и охрана сильно отличалась от той, которую Конан до сих пор видел во дворце Элоикаса. Большинство стражников были уже немолоды, но не настолько стары, чтобы носить хорошие доспехи и крепкие мечи или луки. Некоторые, для разнообразия, были вооружены еще и алебардами. Конан примеривался к ним взглядом солдата. Он готов был поспорить, что неплохо знает этот тип бойца, — может, уже потерявшего прыть, но набравшегося за свою службу опыта. В общем, такой противник — не мальчик для битья.

Стражник с самой изукрашенной алебардой поднял ее в знак приветствия:

— Здравствуй, Декиус. Его Величество ждет.

Капитан-генерал кивнул и сделал шаг в сторону. В ту же минуту вокруг Конана и Райны сомкнулось кольцо охраны. Теперь, если бы они решили выхватить мечи, это было бы сделать

не так легко и быстро. Зажатые таким образом, они вышли в тронный зал короля Элоикаса.

Тронный зал размерами был со столовую в добродушном трактире. При этом он был так чисто вымыт, что можно было бы есть прямо с пола. По крайней мере, здесь потратились на то, чтобы избавиться от грязи, выбить ковры, освежить стенную роспись и надраить бронзу королевского трона.

Следующее, что нельзя было не заметить и что бросилось в глаза Конану, — это поразительное сходство человека, восседавшего на троне, и опустившегося на колени капитан-генерала. Конан и Райна последовали примеру Декиуса, при этом Киммериец так и не отвел взгляда от хозяина дворца и его военачальника.

Если они — не отец и незаконнорожденный сын, то Конан готов был не пить ничего, кроме воды, в течение целого года. Оба были невысокого роста, у обоих — солдатская выпрявка. Волос на голове короля было поменьше да седины побольше, но высокие скулы, грубый крупный нос и большие серые глаза были абсолютно одинаковы у обоих.

Конан так увлекся поиском новых черточек сходства Элоикаса и Декиуса, что окрик «Встать!» застал его врасплох. Райне пришлось ткнуть его локтем в бок, чтобы заставить подняться. Этот жест вызвал смех короля.

Это был смех давно не смеявшегося человека, — не смеявшегося из-за отсутствия повода

к этому, но еще не утратившего окончательно вкус к этому занятию. Несмотря на все подозрения, Конан почувствовал некоторую теплоту и расположенность к Элоикасу.

Декиус по-военному кратко представил Райну и Конана. Они снова опустились на колени. Благодарность короля была выражена еще короче, после чего им было позволено встать.

— Госпожа Райна, мы благодарны вам; вы получите не только обещанную вам плату, но и сверх того. Вы не только доставили нам то, что было вверено вам, то, что усилит нашу мощь в борьбе против тех, кто похитил нашу дочь и наследника, против... кроме того, вы сами нанесли ощутимый удар по нашим общим врагам. Госпожа Райна, наше Королевское желание — чтобы вы и ваши люди остались в нашем королевстве, чтобы помочь нам в нанесении следующих ударов. Мы считаем, что сможем щедро оплатить такую службу.

Элоикас сложил руки на животе, на котором не было ни грамма лишнего жира, особенно для человека такого возраста. Одежда в брутинском стиле была латана-перелатана и выношена за много лет беспрерывной носки. Взгляд короля скользнул поверх головы Конана, чтобы остановиться на какой-то детали стены позади Киммерийца.

Конан видел, что Райна готова была отдать половину платы за то, чтобы остаться с ним

вдвоем и иметь возможность поговорить свободно. Она, казалось, тоже смотрит куда-то вдаль, но лишь несколько мгновений понадобилось ей, чтобы взять себя в руки.

— Ваше Величество, это предложение — величайшая честь для меня. Но я прошу вашего соизволения задать вам два вопроса.

Ойжик зашипел, как рассерженный гусь, но Декиус, дернув его, призвал к соблюдению тишины; при этом он даже не отвел взгляда от короля. Одновременно капитан-генерал успел дать незаметный сигнал страже. Охранники остались на своих местах, но их руки оказались на рукоятках мечей.

Элоикас кивнул. Райна вздрогнула, как отпущенная тетива лука.

— Наша благодарность так велика, что мы позволим задать множество вопросов. Но для начала мы выслушаем первые два.

Райна не бросала слов попусту. В первую очередь ее интересовало, будет ли выплачена обещанная сумма сразу же, чтобы она могла рассчитаться со своими людьми. Некоторым не платили уже давно, задолго до того, как они присоединились к ее отряду. Им лишь выдавалась одежда, чтобы прикрыть наготу и защитить себя от холода, и оружие, чтобы дать им возможность быть готовыми к сражению.

— Можно также предположить, что некоторые из них не захотят остаться на нашей службе

и что вы захотите гарантировать безопасность их возвращения, — сказал король.

На этот раз ответ Райны был быстр, как старт бегуна:

— Я не могу поручиться за желание каждого, Ваше Величество, но, если вдруг окажутся такие, неужели вы станете задерживать их в своих владениях против их воли.

— Мы не станем этого делать. Мы подозреваем, что, задумай мы такое, присутствующий здесь капитан-генерал Декиус выскажет нам пару ласковых слов об этом мудром решении.

Взгляд, обращенный королем на его офицера, можно было описать одним словом — «отеческий».

— Ваше Величество столь великодушны, — продолжила Райна, — что я отважусь ходатайствовать перед вами за моего заместителя, Конана Киммерийца, с просьбой зачислить и его на королевскую службу.

Теперь взгляд Элоикаса был взглядом короля, спрашивающего мнение доверенного советника. Капитан-генерал пожал плечами.

— В другой ситуации Конан должен был бы оказаться на моем месте. Просто так получилось, что иностранец в чужом kraю был вынужден...

На этот раз локоть Конана воткнулся под ребра Райне. Ее дерзкий взгляд не успел воплотиться в дерзкие, непочтительные слова.

— Ваше Величество, могу ли я сам поведать о себе то, что считаю нужным? — спросил Конан.

— Да кто тебе слово давал! — снова зашипел Ойжик.

— Спокойно, Ойжик, — произнес король, — даже приговоренный к смерти может просить суд о последней милости.

— Ваше Величество, прежде чем вы приговорите меня покинуть службу госпоже Райне, которой я поклялся быть верным, пока она не освободит меня, выслушайте, пожалуйста, часть моей истории, касающейся вашей страны.

— Можешь говорить.

Конан повиновался. Его рассказ был прост и бесхитростен. Никакое приукрашивание не сделало бы его более убедительным. Главное, на что он мог надеяться, — это убедить короля, что он никогда не служил графу Сизамбри в прошлом и не собирается — в будущем.

Когда Конан закончил, Элоикас кивнул:

— Ты очень свободно держишься перед королем.

— Ваше Величество. Я повидал стольких людей, и не только людей, — слишком многих, чтобы бояться всего лишь короля.

— Странно, что никто из них не научил тебя искусству лести.

— Называйте как хотите, Ваше Величество. Зато я овладел искусством говорить правду.

Элоикас коротко рассмеялся, но было видно, что в его глазах стоят слезы. Молчание протянулось довольно долго, прежде чем король снова заговорил:

— Нам кажется, что этот Киммериец заслуживает чести быть принятим на нашу службу. Ойжик, ты часто жаловался, что тебе не хватает опытных бойцов, чтобы обучать новобранцев.

Ойжик молчал. Он уже был готов начать отрицать, что когда-либо говорил подобное, но наткнулся на взгляд Декиуса. Тот словно пригрозил: «Не лги — хуже будет!»

— Действительно, я могу обучать молодых солдат только ставя их в общий строй с ветеранами.

— Тогда, мы полагаем, что это добрая воля богов привела Конана Киммерийца в наше королевство. Конан, если это устраивает госпожу Райну, согласен ли ты стать сержантом второй роты нашей гвардии?

Конан бросил вопросительный взгляд на Райну. Она кивнула. Конан снова опустился на колени:

— Я с удовольствием принимаю эту милость, Ваше Величество. Клянусь всеми добрыми богами этой страны и других народов — вы не пожалеете о своем решении.

— Тогда вставай, сержант Конан.

Боги будут хранить короля от сожаления об этом решении. Однако один лишь взгляд, бро-

шенный Конаном на Ойжика, сказал Киммерийцу, что тот уже горько сожалеет о принятом королем решении. Если бы Ойжик только мог обрушить крышу, чтобы угробить своего нового сержанта, — он бы непременно сделал это, не пожалев и короля.

Как и ожидал Конан, казармы гвардии находились снаружи дворца, в то время как люди Райны будут искать место посушке внутри него. Лишь после захода солнца появилась возможность поговорить наедине с Райной, не опасаясь подслушивания, поужинав на свежем воздухе, сидя на расстеленной на голой земле попоне.

— Жаль, что нас не оставили служить вместе, — вздохнула Райна.

— Что, уже скучаешь по любовнику? Брось один благосклонный взгляд на Декиуса — и его уже не остановишь.

Он изобразил гримасу испуга, когда кулак Райны воткнулся ему в бок.

— Я не дура и вижу, что он хочет меня. Я, кстати, еще не совсем ослепла, чтобы не видеть его родства с королем.

— Знаешь, о чем я подумал? А не может ли Декиус быть замешан в похищении Чиенны? Ведь незаконнорожденные тоже, бывало, занимали

трон, если законных наследников не оказывалось в живых.

— Ну, спасибо тебе, Конан. Знаешь ведь, что я теперь ночь спать не буду из-за этой твоей идеи.

— К сожалению, я не смогу воспользоваться твоим бодрствованием ни сегодня ночью, ни еще неизвестно сколько. Если Декиус нам не враг, будет глупо специально наживать его себе.

— Я больше побаиваюсь Ойжика — за явным врагом легче наблюдать, чем за тем, который ждет своего часа. По крайней мере, это я твердо запомнил в Туране. Кроме того, готов поспорить на все вино в этом королевстве, что у Элоикаса или у Декиуса среди стражников есть свои люди, которые следят за Ойжиком. И если только его начальство не захочет моей смерти, то на его пути будут возникать кое-какие преграды.

— Спорил бы на что-нибудь поприличнее этого вина, — Райна сплюнула на землю и прополоскала рот водой, — в нормальной стране это не сошло бы и за уксус.

— Я слышал дюжины сказок и легенд о Пограничном Королевстве, — сказал Конан, — но ни в одной из них не было даже намека на то, что здесь могут подавать доброе вино.

Он не стал добавлять, что большинство легенд описывало Пограничье как край, славящийся древним и нечистым на руку колдовством.

То есть еще более нездоровым и нечистоплотным, чем обычно встречающееся с тех пор, как пало черное королевство Ахерона.

Может быть, это и было тайным знанием о Пограничном Королевстве? Может, и вправду, когда поток угрюмых воинов Ахерона схлынул с цивилизованных стран, — часть из них, хранивших свое черное знание, осела здесь, среди горных пиков и темных, как смертельное заклинание, лесов.

Для Пограничного Королевства ночь выдалась очень теплой. Но даже привыкший к любым морозам Конан чувствовал не просто холодок между лопаток. Стоило ему подумать о все еще живущих здесь наследниках Ахерона, как он всей спиной ощущал стужу ледяного дыхания Гиперборейского ледника.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На следующий же день Конан приступил к исполнению обязанностей сержанта второй роты дворцовой стражи.

Разумеется, он взялся за дело задолго до того, как небо на востоке порозовело, очертив контуры взметнувшихся к облакам вершин. И, разумеется, это вовсе не привело в восторг большинство новобранцев, привыкших вставать не раньше, чем того потребует чувство голода или жажды, когда кому заблагорассудится.

— С этого дня и впредь только я решаю, чего вам хочется, а чего нет. У вас не будет никаких чувств и желаний, пока я не прикажу вам ощутить их! — орал Конан на заспанных, моргающих юнцов. — А уж такого приказа вы от меня не дождитесь!

Он с отвращением сплюнул.

— По крайней мере, этого не будет, пока вы, сучье племя, не станете хоть чуть-чуть походить на нормальных солдат. Насколько я вижу, у меня вырастет джиннская седая борода, прежде чем это случится.

Уперев руки в бока, он окинул взглядом неровную шеренгу. Никто не смеялся, никто не вздрагивал от ужаса, а несколько человек смотрели даже с вызовом, словно предлагая проверить их силу и солдатскую выучку.

Отлично. Им и вправду недостает выучки, но не воинственного духа. При свете взошедшего солнца они выглядели чуть более похожими на солдат, чем когда Конан в первый раз увидел их в сумерках.

— Ну, ладно. Оружие к осмотру!

Конан просто осталбенел, поняв, что менее половины из них были при оружии. Такое разгильдяйство, а также вид представленного ему оружия вызвал очередной приступ ярости Киммерийца. Он красноречиво прошелся по всем родственникам тех, кто явился без оружия, вплоть до пятого колена, кратко обрисовал их мрачное ближайшее будущее, и высказал мысль, что до более дальних времен они не дотянут. Что же касается того факта, что они до сих пор оставались в живых, — Конан списал это на великодушие богов, покровительствующих идиотам.

После этой лекции Конан приказал всем явившимся без оружия бегом отправляться в казарму за ним. Большинство выполнило приказ буквально, действительно бегом.

Первый день представлял собой цепочку ошибок и упущений, перемежавшихся незначительными катастрофами и просто дурацкими

поступками. К исходу дня у второй роты уже сложилось свое мнение о происходящем, и следующее утро они встречали, понимая, что новый сержант взялся за дело всерьез.

На третий день их осенило, что ни капитан Ойжик, ни командир их роты и пальцем не пошевелят, чтобы вступиться за них перед Киммерийцем. Выбор был небольшой: повиновение или бунт. К некоторому удивлению Конана, число подчинившихся превысило число выбравших неповиновение. Он подозревал, что большую роль в этом сыграло нежелание связываться с опытными бойцами отряда Декиуса, случись в их роте какая-нибудь заварушка.

Через три дня Конан вошел в ритм работы с вверенными ему людьми. Это дело он знал хорошо, самого его учил отличный мастер — старший капитан Кхадъяр в Туране. Дело стоило потраченных усилий: по крайней мере, вторая рота не зря будет есть свой паек.

Более того, Конан любил это дело, и вслед за ним большинство солдат тоже вошли во вкус. Они не были настолько лишены гордости, чтобы перспектива стать настоящей боевой ротой, а не плохо организованной толпой, не могла не воодушевить их. На пятый день Конан назначил четырех вице-сержантов, командиров отделений. Трое из них еще в первый день прибыли на утренний осмотр со своим вычищенным оружием. Четвертый первым вернулся из казармы со своим.

Конан понимал, что не следует ждать помощи ни от Ойжика, ни от командира роты. Хорошо, что они хотя бы не вмешивались. Командир проводил большую часть времени в казарме и либо мертвейки спал, либо столь же мертвейки напивался. Казалось, что такого количества мерзкого местного вина не выдержит ни один человеческий организм. Но командир роты был крепким парнем, с каменным желудком.

Про Ойжика было сказано, что он занят укреплением оборонительных сооружений дворца на случай возможного нападения графа Сизамбри. Отлаженная инженерная сеть должна была высвободить людей Декиуса, чтобы они могли действовать против графа и заняться поисками принцессы, не привязывая себя ко дворцу.

Конан был бы рад поверить в эти басни, если бы Декиус не появлялся бы во дворце каждый день. Он также не упускал ни единой возможности пообщаться с Райной, побывать рядом с нею — по крайней мере, так она рассказывала Конану.

— Теперь я поняла, почему ты так подозрителен по отношению к Декиусу, — сказала Райна, — я тоже постоянно думаю о нем, хотя в этом ты вряд ли виноват.

Конан ухмыльнулся и, воспользовавшись, что рядом никого нет, бесцеремонно шлепнул ее по мягкому месту. Райна не была рождена, чтобы спать в одиночестве, хотя жизнь и ставила ее в такие ситуации. Но здесь, среди сомнительных

дружеских взглядов и улыбок, холодная узкая кровать была самым безопасным ложем.

Некоторые девушки из близлежащей деревни уже положили глаз на Конана, открыто восхищаясь его мощной фигурой. Но не менее красноречивые и куда менее дружелюбные взгляды чувствовал Конан как со стороны стражи, так и среди людей отряда Декиуса. Киммериец понимал, что уложить в постель местную девчонку — это то же самое, что забраться в чужой сад за яблоками или вторгнуться в чужие охотничьи владения. Он предпочитал спать в холодной постели, но иметь меньше шансов получить удар кинжалом в спину от какого-нибудь ревнивца.

Он по-прежнему не оставлял идею провернуть какое-нибудь дело, чтобы разжиться суммой, достаточной, чтобы навсегда исчезнуть из этой страны вместе с Райней и ее отрядом. Как только нужда перестанет привязывать их к службе при дворе Элоикаса, едва ли они дождутся второго рассвета, чтобы отправиться в путь на юг.

Настал восьмой день службы Конана при дворе короля Пограничья. Солнце стояло уже высоко, и Конан наблюдал за тренировкой стрелков из лука. Далеко не у всех стражников были луки, и далеко не все, кто имел их, худо-бедно умели с ним обращаться.

Но и Конан, оказавшись в свое время впервые в Туране, едва мог отличить наконечник стрелы от оперения. Меньше чем через два года он уже был стрелком, годным к настоящему бою. Он рассчитывал, что его подчиненные смогут достичь хотя бы минимального уровня умения обращаться с этим оружием, столь необходимым в сражении. Рота должна уметь прицельно выпустить сорок стрел залпом, в одном направлении.

Это будет первым итогом его работы. Причем очень небесполезным для короля: ведь лучники могут очень пригодиться при защите замка от нападения графа Сизамбri.

Тренировка была в самом разгаре, когда к Конану подошел первый вице-сержант Кальк.

— Сержант Конан, я видел нескольких человек, пробирающихся тайком от леса к хребту. Я уверен, что это не наши люди.

Конан осмотрел склон, поднимавшийся к отвесным стенам высокого хребта. Он весь был покрыт не то мелкими деревьями, не то крупными разросшимися кустами. Хотя назови их как хочешь, а суть дела от этого не меняется: в этих зарослях может спрятаться хоть целая рота.

— Пока нет смысла поднимать тревогу, — сказал Конан. — Возьми пять человек и прикажи остальным продолжать тренировку. Я думаю, мы научим незваных гостей хорошим манерам.

Кальк кивнул и не забыл поднять руку в знак признания и уважения. Правда, Конан заметил мелькнувшую на его губах улыбку.

Кальк, как и большинство новобранцев его роты, с удовольствием стал осваивать солдатское ремесло, как только появился человек, способный научить его. От Ойжика не было никакого толку, и Конан мог только гадать, сколько добрых воинов было загублено из-за лености их командира. А сколько необученных мальчишек действительно погибло в бою? Их родня наверняка вынашивала планы кровной мести, и Ойжик знал это.

Как только туман окончательно рассеялся под лучами солнца, Конан направил шестерых солдат под руководством Калька к самому крутым участкам склона. Сам он пошел ниже их и чуть сзади. Так ему был виден склон в обе стороны, и, кроме того, можно было не бояться за свою спину.

Молодые солдаты резво взялись за прочесывание склона. Пограничье было их родиной. Еще детьми они излазали эти холмы и сейчас могли даже Конана, при всей его силе и ловкости, поучить тому, как надо передвигаться по такой пересеченной местности.

За хребтом им преградил путь отвесный обрыв. Только птица или, быть может, обезьяна могли спуститься с такой высоты, не разбившись. Далеко внизу быстрая речка, превратив-

шаяся в узкую серебристую ленточку, петляла между валунами, казавшимися отсюда мелкой галькой, и могучими деревьями, выглядевшими отсюда как цветы в садовой клумбе.

Позади Конана лежал залитый солнцем склон. Если чужаки не были плодом воображения Калька, то они либо убрались вовсю еще раньше, либо смогли спрятаться так, что стражники прошли мимо, не заметив их.

Конан вопросительно посмотрел на Калька. Тот развел руками и, оправдываясь, произнес:

— Я уверен, что мне не напекло голову и что это не призраки.

— Я ничего и не говорю. Надо захватить склон пошире, когда будем спускаться. Пусть у вас глаза появятся и на затылке, а уши вырастут на задницах, если мы хотим найти здесь кого-нибудь.

Шесть человек — насмешка, а не прочесывание такого пространства. Шестьдесят — куда ни шло, но и трижды по столько могло оказаться мало при отсутствии везения.

Солдаты рассредоточились по гребню и начали спускаться обратно. Вдруг Конан услышал крик Калька:

— Сержант Конан! Я не обманулся. Сюда! Только взгляните отсюда, с вершины гряды!

Рука Конана привычным движением потянулась к мечу, но тут он понял, что ему понадобятся обе руки, чтобы карабкаться по этим скалам.

Он шел осторожно, но, видимо, недостаточно внимательно глядел под ноги: его щиколотку обвила петля, установленная Кальком этой ночью.

То, на что не хватило осторожности, должны были исправить сила и скорость. Почувствовав, как кожаные плети змеями обвили его ногу, Конан отпрянул назад, дальше от кромки обрыва. С мечом, укрепленным на поясе, Конан обеими руками мог смягчить падение.

Киммериец упал, перевернулся и резко дернул ногой. Дикая мощь тренированных ног разорвала кожаные ремни как бечевку. Кальк выхватил свой клинок, но Конан уже занес ногу для следующего рывка.

Но на этот раз его целью были не петли ловушки. Тяжелый сапог угодил Кальку по колену. От боли в разбитой коленной чашечке Кальк заорал, закачался и — полетел спиной вперед вниз с обрыва. Еще некоторое время был слышен его стон, оборванный далеким ударом, напоминавшим, как падает спелая дыня на каменный пол.

Конан не стал дожидаться этого звука, поставившего точку в судьбе убийцы-неудачника. У Калька остались друзья, так что Киммерийцу было чем заняться.

С двумя приятелями сержанта он разделся в несколько ударов меча, сначала высекшего искры из их оружия, а потом с хрустом вошедшего в тело. Оба уже лежали, истекая кровью,

когда крик «Берегись!» заставил Конана обернуться.

Один из стражников, тот, который предостерег Конана, схватился с солдатом, приложившим стрелу к луку. Конан метнулся к ним в тот момент, когда его союзник сумел-таки полоснуть стрелку кинжалом по бедру. Тот сумел устоять на ногах, но выронил лук. Второй человек, потеряв равновесие, упал и оказался на самой кромке обрыва.

Вдруг камень под ним покачнулся и оторвался от склона. Конану едва хватило времени, чтобы схватить своего спасителя за руку. К сожалению, окровавленные пальцы висевшего над обрывом ослабляли хватку Конана, заставляя его держаться обеими руками. Так он тащил его к себе, намереваясь перехватить предплечье поудобнее. Неожиданно звук шагов по сухой траве позади заставил Конана обернуться.

Стрелок поднял свой лук и стрелу и пытался, сидя, натянуть тетиву. Находясь вне досягаемости меча Конана, он пытался точнее прицелиться. Лишь чудо могло заставить его промахнуться.

Конан понял, что от смерти его отделяют лишь несколько ударов сердца. Но именно сердце не позволяло ему разжать руки; он не мог смириться с тем, что человек, спасший ему жизнь, разделит судьбу сержанта Калька. Да и спасение самого Конана даже в этом случае выглядело маловероятным.

То, что произошло в следующий момент, могло показаться просто чудом. Из какой-то трещины в скале, где, казалось, не поместится и белка, выскочил человек и в прыжке всей своей массой ударили стрелка. Тот со стоном слетел с камня, на котором стоял, и, перевернувшись в воздухе, приземлился прямо на грудную клетку Конана. Удар был настолько силен, что Киммерийцу стоило большого труда не разжать пальцы. Все еще не веря в спасение, плохо соображая, он растерянно рассматривал человека, спасшего ему жизнь.

На нем были выдубленные солнцем кожаные штаны и льняная тонкая рубашка. Сам он выглядел лет на двадцать моложе, чем обычно, но все-таки это был он — капитан-генерал Декиус собственной персоной.

— Конан, если держать друзей над пропастью — твое обычное развлечение, — неудивительно, что ты все время один.

Декиус наклонился и схватил стражника за вторую руку. Вдвоем они быстро вытащили тут же потерявшего сознание человека. Конан осторожно поднялся и поправил меч.

— А, так вот где ты шатаешься целыми днями, когда не расточаешь комплименты Райне...

— Здесь, и не только. Мои люди успевают повсюду. Не сочи за оскорбление, но я могу больше положиться на своих сержантов, чем ты на своих.

Конан взглянул на тело Калька, лежавшее далеко внизу на залитом кровью камне.

— Во имя Меднозадого Эрлика, хотел бы я так же, как ты, доверять своим людям.

Пока они говорили, Декиус разорвал на тряпки рубаху стрелка и перевязал его кровоточащую рану на ноге. Вытерев руки остатками рубашки, он выпрямился.

— Ему еще предстоит долгий допрос. Хотя вряд ли он посвящен в секреты Ойжика. Жаль, что сержант Кальк замолчал навсегда.

— Я не понимаю, о чем ты.

— Я разделял твои сомнения по поводу Ойжика, Конан, если тебя это интересует. А что касается твоих сомнений по моему адресу... — Декиус пожал плечами.

— С ними покончено, — тихо пробурчал Конан, тяжелым ударом вгоняя меч в ножны. — А твои подозрения в отношении меня?

— Их нет, — ответил Декиус, — больше нет. Но... мне кажется, я имею право попросить тебя об одной любезности.

Слова тяжело давались Декиусу. Он вспотел больше, чем можно было спisать на солнечные лучи. Казалось, что он не знает, куда девать руки.

Конан боялся, что просьба окажется невыполнимой. Но, видят боги, он не мог оказаться неблагодарной скотиной по отношению к человеку, только что спасшему его от участи сержанта Калька.

— Можешь просить, хотя я не могу обещать тебе выполнить все что угодно.

— Что у тебя с Райной? — выпалил Декиус скороговоркой, словно боясь, что голос может изменить ему.

Конану захотелось рассмеяться. Декиус го-дился Конану в отцы. Он был вдовцом, кроме того, он вслед за женой похоронил и трех сыновей. И вот грозный капитан-генерал вел себя как впервые влюбившийся юноша.

Но точно так же, как влюбленный юнец, он мог взорваться от одного презрительного взгляда и никогда не забыть такого оскорбления. Мысль об этом помогла Конану найти подходящие слова и интонацию:

— Клянусь всеми богами этого королевства и моей родной страны, мы с Райной не муж и жена, мы не обручены, не помолвлены, не живем вместе и не называемся семьей... ну, чего я там еще не назвал?

Декиус неуверенно улыбнулся:

— Похоже, что перечисление было полным. Но... вы спите вместе.

Конан проглотил бранные слова, вертевшиеся у него на языке. Декиус не только спас его от участия Калька, но сделал это, рискуя сам разделить ее. Декиус мог прийти на склон и не один, но свое убежище он покинул, находясь далеко от возможной помощи своих товарищей. Такое мужество заслуживало, по крайней мере,

вежливого ответа на этот столь невежливый вопрос.

— Да, раньше это было так. Может быть, так будет и в будущем. В любом случае, это наш общий выбор.

— Ну, тогда, — казалось, что Декиус забыл все слова и был готов упасть в обморок, — тогда я понимаю, что такая просьба — это уже через край, но все-таки... ты не будешь мешать мне ухаживать за Райной?

Конан молча вознес молитву всем богам любви, о которых только слышал в своей жизни. Похоже, эти боги позволили разуму и чувствам Декиуса потерять друг друга. Конан надеялся, что они вот-вот встретятся вновь. Но в то же время он мог честно и уверенно ответить на этот вопрос:

— Я не буду этого делать по двум причинам. Во-первых, мешай я или нет, женщина сама увидит то лучшее, что есть в тебе, даже если ты не будешь оказывать ей никакого внимания. А во-вторых, я думаю, ты не для того спас мою голову днем, чтобы Райна разбила мне ее сегодня же ночью.

— Я полагаю, что это лучший ответ, на который можно рассчитывать в моей ситуации, — сказал Декиус.

Затем он поднес руки ко рту и издал какой-то совершенно непонятный Конану воинский клич. Словно из-под земли в разных местах показались

три человека, приветствовавшие командира взмахом руки. Конан прикинул расстояние и решил, что Декиус вовсе не так уж рисковал, спасая Конана. Более того, его люди продолжали сидеть в укрытиях, пока их командир выяснял, свободна Райна или нет!

Значит, любовь не настолько уж ослепила Декиуса. Конан счел себя вправе прекратить свои молитвы о приведении Декиуса в чувство. Что ж, так оно будет лучше. Киммериец никогда не слышал, чтобы любовь, возникшая посреди войны, закончилась чем-то хорошим. Особенно для офицеров, в чьих руках были жизни других людей.

— Итак, Ойжик сбежал, — мрачно сказала Райна. — Стойти ли бояться тех, кого он оставил среди нас?

— Ойжик — дурак и выбирает дураков для своих дурацких дел. Куда опаснее, если этих же людей будет использовать граф Сизамбri, — ответил Конан. Он залпом выпил полкубка вина, словно желая смыть слова изо рта.

По крайней мере, это вино больше, чем все остальное, подходило для питья, а не для дубления кожи. Днем раньше Конан раздобыл его, так же как и меховое покрывало для кровати Райны и шелковый халат, накинутый сейчас на ее плечи.

— Через день-два мы будем знать больше, — добавил Конан, — моя рота займется разгребанием и обезвреживанием всех этих наставленных Ойжиком ловушек. Уже ясно, что он устанавливал их так, чтобы они могли нанести вред только нашим, обороняющимся во дворце, а не людям графа Сизамбri. Может, что-то и выяснится. — Конан плеснул вина в протянутый Райной кубок. — Декиус предложил просто разрушить все эти ловушки. Это, мол, неблагородный способ борьбы с противником. Я ему сказал, что этому графу уже давно плевать на всякое благородство и честь. Что, королю или принцессе станет легче оттого, что мы благородно попали в задницу и не можем справиться с этим ублюдком?

— Декиус, похоже, знает...

— В Туране Декиуса бы держали за пацана на побегушках. Его бы даже не замечали или жалели, пока он не задел бы кого-нибудь из тех, кто может раздавить его, как ореховую скорлупу!

— Конан, это в тебе вино заговорило. Я только хотела сказать, что Декиус, видимо, знает, что даст ему возможность спать спокойно. Да и ты это знаешь. Или здесь где-то есть другой киммериец по имени Конан, которого Декиус спас сегодня от смерти?

Конан признал, что был не прав, и попросил прощения. Райна засмеялась:

— Я прощаю тебя, но при одном условии: если ты нальешь себе еще вина и присоединишься к моему тосту.

Конан повиновался, и она подняла свою чашу:

— За капитана Конана и за вторую роту дворцовой стражи Пограничного Королевства. Удачи им!

Конан выпил, но не без сомнений. Доверить ему роту было бы мудрым и справедливым решением (если только солдаты станут подчиняться ему). С другой стороны, назначить нынешнего командира роты на должность командующего всей дворцовой стражей, вместо сбежавшего Ойжика, было бы куда менее мудрым решением, если, конечно, не надеяться всерьез на то, что честь и достоинство возьмут верх в этом человеке.

Скорее всего, Декиус будет совмещать командование стражей и своим отрядом. Но каким бы толковым командиром он не был, ему все равно не хватало умения быть в трех местах одновременно или работать без сна, без отдыха и без еды. Самый лучший офицер не сможет обмануть природу и будет платить за попытку прыгнуть выше головы дорогую цену, скорее всего кровью.

Кроме того, что-то подсказывало Конану, что Декиус следует древнему правилу: если хочешь завоевать женщину, окажи услугу, помоги, дай денег ее ближним.

Но очень скоро Декиус на этом пути встретит множество препятствий. Первым, но далеко не последним, станет язвительный язык Райны.

Райна встала, чтобы выпить вместе с Конаном. Она положила руку на его плечо и слегка прижалась к нему. Конана даже не удивило бы, что под халатом на ней не было никакой одежды. Его рука скользнула под шелк, и Конан обнаружил, что его предположения верны. Рука продолжала скользить по округлому боку, потом — вверх по гибкой спине.

Райна повернулась к нему, распахнула халат и выскользнула из него. Шелк растекся у ее ног золотым и голубым озером, когда она влезла на колени Конана. Потом она позволила себе вскрикнуть в притворном страхе, когда сильные руки Киммерийца подняли ее и понесли через комнату к кровати.

— Вот, оказывается, все, что нужно женщине! — сказал, смеясь, Конан. Райна засмеялась в ответ и продолжала смеяться, пока ее руки и губы звали Конана в постель.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Хорошее вино и долгие занятия любовью вовсе не способствовали раннему пробуждению Конана и Райны. Хорошо еще, что их известили об аудиенции у короля Элоикаса утром, а сама аудиенция была назначена ближе к полудню. И Киммериец и Боссонийка были рады предоставленной возможности привести себя в порядок и получше одеться, не торопясь.

Король Элоикас приветствовал их чем-то очень похожим на улыбку. Лицо Декиуса, стоявшего за троном, напоминало своим выражением маску безразличия, однако Конан чувствовал, что он тоже не был в плохом настроении. Он, не отрывая глаз, следил за Райной с того момента, как она вошла в зал, и до той секунды, когда Элоикас сделал шаг навстречу, разрешая ей не становиться на колени перед троном, как это сделал Конан.

Декиус протянул королю холщовый мешок. Быстрые и ловкие движения говорили о большой силе королевских рук. Мешок был развязан, и король достал из него золотое ожерелье тонкой работы. Это была цепь из тяжелых золотых

звеньев с центральным медальоном в виде кометы. Голову кометы представлял огромный полированный камень синего цвета в окружении из речного жемчуга.

— Это ожерелье — почетный знак отличия капитана в нашей стране, — сказал Элоикас. — Ойжик сбежал со своим, но я думаю, что тебе не стыдно будет принять его, даже если бы перебежчик и оставил нам свой медальон.

В какой-то момент Конан был готов поклясться, что в глазах короля стояли слезы.

— Это ожерелье носил мой сын, принц Джуллиан, когда командовал ротой стражников. Мы не положили этот почетный знак в могилу вместе с юношей, потому что боги послали мне знамение, что когда-то он еще понадобится достойному человеку.

Слезы действительно набежали на глаза короля, и Конан обратил внимание, что Элоикас даже забыл про королевское «мы». Конан не раз слышал рассказы о мужестве и уме принца Джуллиана, брата Чиенны, причиной смерти которого стал несчастный случай во время конной прогулки. Конан ответил королю ясно и просто:

— Ваше Величество, я молю богов, чтобы оказаться достойным такой чести. Я знаю, что ступаю по стопам лучшего, чем я, человека. Но я думаю, что могу заставить ваших врагов привести не одну бессонную ночь и не один тяжелый день с помощью других достойных людей — как

мужчин, так и женщин, — он кивнул в сторону Декиуса и Райны.

Речь прошла на ура, хотя Райна не смогла удержаться от смеха, когда они остались одни.

— Можно подумать, что ты воспитывался при дворе, а в детстве был королевским пажом.

Конан возмущенно фыркнул, как потревоженный бык:

— Скажи лучше, что я знаю, как отвести кинжалы от своей спины. Чем меньше будут трепаться о моем новом назначении, тем меньше кинжалов будет нацелено мне в спину. А спереди — что ж, пусть подходят. Я не против.

Не стоило пока говорить Райне о других мыслях. Такое ожерелье само по себе говорило о многом. И главное — видимо, рассказы о сокровищах королей Пограничья не были пьяным кабацким бредом. Хорошая служба могла переложить часть этого золота в руки Киммерийца.

Но в этих горах золото короля было не единственным кладом. Конан не украл бы и копыта дохлой лошади у Элоикаса или верных ему людей, но граф Сизамбри и его дружки — совсем другое дело. Их сундуки были отличной ставкой и могли стать хорошей платой за это путешествие, если только подвернется случай.

Правда, по слухам, этот маленький человечек завел шашни с колдунами и заключил с ними военный союз. Но Конан решил не думать об этом раньше, чем понадобится. Волшебники ча-

ще бывают персонажами сказок, чем появляются в реальной жизни. А здравый смысл, холодная голова и хорошо отточенный меч в умелых руках — все это почти не теряет своей силы даже в присутствии волшебства и колдовства.

Айбас не поклонился принцессе Чиенне. Это было бы серьезным нарушением правил обращения с пленными, установленных Звездными Братьями. Айбас впустую пытался втолковать им, что она в большей степени пленница графа Сизамбри, чем их жертва.

Да что там — впустую. Хуже. Теперь Звездные Братья еще меньше будут доверять ему. Вряд ли они будут благосклонны к другим его просьбам, например по поводу той же Виллы.

Если Айбасу нужна эта девчонка, то пусть сам завоевывает ее расположение безо всякой магии. А если напомнить о ней Братьям, — скорее всего, ее прямиком отправят в пасть чудовищу, и дело с концом. А еще одно оскорбление — и Айбас может отправиться вслед за своей подружкой.

Отсутствие поклона заметно оскорбило принцессу. Она заметила:

— Айбас, в твоем голосе я слышу Аквилюнию. Меня учили, что Аквилюния — страна, где люди знают, как себя вести. Перед принцессой простому смертному, да и дворянину не

помешало бы проявить большую учтивость, чем проявляешь ты.

Встав во весь рост, она оказалась почти такой же высокой, как он, и едва ли уже его в плечах. То, что она была красива, вовсе не подталкивало Айбаса приблизиться к ней вплотную. Ее ноги все еще были скованы цепью, но он вовсе не жаждал испытать на себе силу неожиданного удара этих сильных рук, хотя скучное питание и сделало их тоньше, а грязь иссушила их кожу.

— Ваше Высочество, — сказал Айбас. По крайней мере, обращение по титулу не было запрещено, а если и было, — то пошли эти Братья подальше с такими запретами!

— Ваше Высочество, боюсь, что те, кто правит здесь, в долине Поуджой, не признают никакой иерархии, кроме своей собственной.

— Неужели они не признают графа Сизамбri?

— Почему вы назвали имя этого дворянина, Ваше Высочество?

— Не такая уж я дура, чтобы не понимать, что ни ты, ни колдуны не рискнули бы притянуть меня сюда без его ведома. Все вы служите ему. Колдуны — потому что надеются с его помощью обогатить Поуджой, а ты... только богам известно, что ты забыл здесь.

Это было настолько близко к истине, что Айбас не смог сохранить безучастное выражение лица. Принцесса воспользовалась полученным преимуществом и перешла в наступление:

— Мне кажется, у тебя нет оснований особо доверять обещаниям колдунов и твоего господина. Слушай, я и мой отец — люди более благородные. Почему бы тебе...

— Хватит! — словно отрезал Айбас, рассекая воздух рукой. Еще одно слово — и он мог действительно ударить ее.

— За эти слова наказания не будет, — сказал Айбас, моля, чтобы ему удалось сдержать это обещание, — но один я больше сюда не приду.

А это обещание ему придется выполнить, или он окажется несколько ближе, чем хотелось бы, к цепям на скале и чавкающим пастьям на щупальцах чудовища.

Принцесса тряхнула головой, как одолеваемая мухами лошадь, и внимательно посмотрела на дверь, которую Айбас, выйдя, запер на засов в мгновение ока.

Оказавшись снаружи, он понял, что пропотел с ног до головы, несмотря на свежесть горного вечера. По крайней мере, он доказал свою лояльность всем невидимым глазам и ушам. Хотя ничего хорошего не сулила и вражда с принцессой Чиенной.

— Да есть ли хоть какой-то выход для меня, о боги?

Ни небеса, ни ветер, ни камни под ногами не ответили на вопрос Айбаса.

Конан лелеял мечту вывести вторую роту за стены дворца, чтобы в какой-нибудь несерьезной стычке отточить полученные новобранцами навыки. У Декиуса были другие планы.

— Если у Сизамбri даже половина того количества людей, которое мы предполагаем, — сказал капитан-генерал, — то у нас нет никаких шансов на успех в бою на открытом пространстве. Чем лучше мы охраняем дворец, тем меньше опасности он представляет для нас.

— Чем дольше мы торчим здесь неподвижно, тем большую свободу действий он получает, — возразил Конан. — Я здесь недавно и даже не знаю, сколько союзников Элоикаса за стенами дворца...

— Для кого — Элоикас, а для тебя — Его Величество Король Элоикас. Понятно тебе, Киммериец? А то, что ты здесь чужой, — это ты правильно заметил.

— Чужак, которому досталась его доля сражений и ваших дворцовых интриг, — напомнил Конан своему старшему собеседнику. — Доля, достаточная, чтобы Его Величество произвело меня в капитаны одной из рот его собственной гвардии. Я что-то приврал, или ты считаешь выбор короля ошибочным?

Это было уже достаточно серьезным вызовом старшему по званию. Неболее, чем достаточным, как казалось Конану. Если Декиус позволяет мальчишеской страсти к Райне подчинить мужской разум и офицерскую волю...

Декиус тряхнул головой:

— Ты же знаешь, что я был за тебя тогда, и сейчас я тоже считаю, что решение было правильным, что бы ты мне ни наговорил. Просто думай перед тем, как сказать, если ты вообще знаешь, как это делается.

Конан улыбался Декиусу улыбкой тигра:

— Отлично, командир. Итак, я полагаю, что у Его Величества есть союзники в его владениях. Если бы не так, этот чертов Сизамбri уже давно взгромоздил бы свою задницу на трон.

— Не так уж далеко от истины.

— Признайся уж, что я почти попал. Ну и что скажут эти наши друзья, видя, что мы сидим во дворце, как кроты в норах? Я знаю, что король — не трус. Ты это знаешь. А наши друзья? Даже если они считают, что королю стоит помочь, — что они могут сделать, если банда Сизамбri свободно орудует по всей стране. Если кто-то из них и рискнет косо взглянуть на графа, то либо погибнет, либо прибежит к нам за помощью. А что мы? Себя-то толком защитить не можем.

Декиус смотрел на Конана с живым интересом, как будто у Киммерийца прямо на глазах вырастал длинный хвост с шипами или его тело покрывалось ярко-голубой чешуей.

— Конан, если ты когда-нибудь «взгромоздишь свою задницу на трон», — я бы не хотел оказаться тем, кому прикажут вышибить тебя оттуда.

Конан пожал плечами:

— Я видел нескольких человек, взошедших на трон, а потом потерявших его. Надо быть полным дураком, чтобы не сделать из этих наблюдений выводов. Главное, что трон превращает сидящего на нем в большую мишень, причем неподвижную. Так что в тот день, когда моя задница поцелует трон, можешь отыграться, назвав меня полным болваном.

— Мало шансов, что хоть один из нас доживет до такого дня. Куда как более вероятно, что другой, более активный искатель подобающего сиденья для своей задницы, пожалует к нам в гости. Я имею в виду Сизамбri. И дело твоей роты — сделать все, чтобы наше гостеприимство было достойно высокого гостя. Позднее мы еще поговорим об учебном выходе.

— Позднее?.. — Для Конана все, что не входило в планы на ближайшие несколько дней, казалось отодвинутым на века. Он никак не мог заставить себя с этим смириться, хотя работа, которую он выполнял вместе со своими людьми, выматывала их, как каторжников.

Ловушки Ойжика были повсюду, но в большинстве случаев они были плохо сделаны и чаще всего очень плохо замаскированы. Конан полагал, что Ойжик строил их таким образом, чтобы люди его хозяина не подвергались бы никакому риску (даже если бы ему не удалось повредить большинство из них в ночь накануне атаки).

Если все делать по уму, то одна коварная и хорошо замаскированная ловушка стоила дюжины таких, которых мог избежать и ребенок. Конан был уверен, что уж по крайней мере ребенок не смог бы обнаружить ни одной из его ловушек. Иногда за основу бралось старое сооружение Ойжика: что-либо вроде ямы с колом или спрятанного арбалета-самострела, — но переделывали его с большим умением и желанием.

Большинство же были совершенно новыми. Конану приходилось действовать чрезвычайно осторожно. Дворец был огромным. Его построили еще в те далекие времена, когда королевство называлось по-другому, а его основной защитой были армии, маршировавшие по землям, на которых выросли теперь новые государства. Находившийся в самом центре огромной страны дворец не был готов к серьезной осаде внешним врагом. К тому же он сильно обветшал, и сменилось уже много поколений с тех пор, как короли Пограничья удосужились раскошелиться на каменщиков, чтобы восстановить обвалившиеся своды или потрескавшиеся стены.

В некоторых покоях дворца веками не появлялся ни один живой человек. Конан полагал, что граф попытается найти вход во дворец через эти заброшенные тунNELи и коридоры, и уделял им большую часть своего внимания. Стоило большого труда не оставлять подозрительных следов деятельности. Еще большего стоило избежать того,

чтобы целые коридоры и помещения не обрушились на работающих защитников.

В один из дней Райна навестила Конана в полуденный перерыв на еду. Она застала его — в набедренной повязке, с мечом на боку и живописно разукрашенным грязью и строительным раствором, сидящим вместе со своими подчиненными, так же легкомысленно одетыми. Перед нею разверзся плод их утренней работы — яма с заостренным колом на дне.

— Когда закончим с ямой и хорошенко укроем ее, можно будет браться за подготовку другого сюрприза, — сказал Конан, показывая на боковую стену. — Поставим здесь старую катапульту, заряженную бочонком со смолой, и протянем по полу веревочку от приводного механизма. В случае опасности мы успеем зажечь свечу, которая плавает в смоле в глиняной плошке. Когда бочонок разобьется, свеча упадет в смолу, и вся комната — по щиколотку в пылающей смоле.

Несколько стражников внимательно слушали описание. Остальные же веселились, приветствуя Райну и предлагая ей присоединиться к ним и поработать вместе.

— Особенно если вы будете одеты так же, как и мы, — добавил один из них.

Райна схватилась за рукоять меча и шагнула назад. Ее вздрагивающие ноздри выдавали сильное раздражение. Ударив носком сапога по куче

щебня, она подняла облако пыли, густое, как дым от костра. Она набрала полные легкие воздуха, задержала дыхание и начала чихать.

На одной из стен под потолком появилась трещина. Быстро, как кролик, убегающий от лисы, она пробежала до самого пола. Тогда часть стены завибрировала, издавая треск сдвигаемых камней, и с грохотом упала. Часть потолка тоже обрушилась, но к этому времени Конан, Райна и солдаты были уже на безопасном расстоянии от места обвала.

Когда пыль осела, Конан осмотрел наваленную груду булыжников и, сплюнув, чтобы прочистить горло, сказал:

— Ну что я вам говорил, ребята. Один раз чихнешь — и вся эта развалиха может посыпаться нам на голову. Теперь вы видите, что я просто изрекал пророчество.

Большинство солдат рассмеялись. Раз все остались живы, значит, можно обратить дело в шутку. Они вытащили не окончательно похороненную под камнями еду и, очистив от пыли и грязи то, что можно было очистить, снова принялись за свой завтрак.

Конан увел Райну в соседнюю пустую комнату с каменной скамьей, встроенной в растрескавшуюся стену. Скамейка хрустнула, когда они присели на нее, но, к счастью, не рухнула на пол.

— Я бы предпочел, чтобы дальше сам Декиус занялся этой работой, — сказал Киммериец, — мы тут заложили по сюрпризу на каждом шагу, там, где на нас не обвалились стены или потолок. Если мы продолжим копаться здесь в том же духе, то дворец просто провалится в эти подземелья, не дожидаясь нападения Сизамбri.

— Дай я сначала поговорю с Декиусом, пропущуя почву, — предложила Райна. — Он достаточно наслышан о твоих идеях по поводу полевого выхода. И если ты начнешь действовать неосторожно, то он решит, что ты просто таким образом продвигаешь свою идею учебного выхода.

Конан выругался, но очень тихо, чтобы не рисковать еще одним обвалом. Когда он говорил, то тоже старался не вкладывать в слова много голоса. Хотя это уже делаешь из-за нежелания поверять свои секреты невидимым ушам.

— Нет, видит Митра, Декиуса похоронят в конском навозе! Сейчас как никогда удачный момент, чтобы ударить первыми. Что толку сидеть, как крысы в норе, и ждать хорька, который придет и всех передушит.

Райна положила ладонь на руку Конана и сказала:

— Я думаю, что ты несправедлив к этому человеку.

Киммериец бросил на Райну быстрый взгляд, но не сказал ни слова. Если бы речь шла о любой другой женщине, он бы предположил, что Декиусу удалось-таки вскружить ей голову. Но что касается Райны, — он знал, что она говорит то, что считает нужным и разумным, независимо от того, согласен он с нею или нет.

— Как это — несправедлив?

— А вот так. Дворцовая стража не приспособлена для войны на открытом пространстве. Поэтому он будет брать с собой своих и только проверенных людей в любой такой выезд-рейд.

Конан медленно опустил голову. Он видел немало интриг в Туране и мог совершенно уверенно сказать, что Декиус не ведет своей игры. Но что же такое? Может, он побаивается офицеров, например меня, или не уверен в солдатах?

— Ойжик мог оставить среди солдат своих людей, а ты не можешь вычислить всех в один день. Он верит твоему слову чести и твоему мечу, Конан, но не забывай, что ты здесь чужой.

— Да, а те, кто раньше был уверен в своей лояльности к королю, немедленно предадут его, увидев чужака во главе одной из рот дворцовой стражи.

Конану очень хотелось хлебнуть хотя бы пару глотков вина, чтобы смыть пыль и песок с языка

и губ, но ему пришлось ограничиться лишь плевком на пол. Затем он встал.

— Может, Декиус отчасти и прав. Но и я не собираюсь выводить стражу без подготовки на волю случая. Верны они мне или нет, — они заслуживают доли лучшей, чем виноградные ягоды, которые давит винодельческий пресс.

Райна пожала его руку:

— Я все ему расскажу, а ты при этом ничего не потеряешь, клянусь тебе.

Она поднялась, изящная, как и прежде, оставив Конана в размышлениях о том, как она могла быть настолько уверена в добной воле Декиуса. Хотя, конечно, у женщин есть свои способы...

Если бы он дал волю чувству ревности, то заслуживал бы следующего куска потолка прямо на свою голову — настолько мало было бы толку от этого чувства. Райна — свободная женщина и может делать что хочет. А у Конана власти, чтобы остановить ее, не больше, чем заставить замолчать таинственный гром, который в последнее время хотя бы раз за ночь прокатывался по холмам.

Этот гром заслуживал внимания. От него за версту несло всякой чертовщиной. Что там Райна собирается делать, чтобы успокоить Декиуса, — какая разница! Куда важнее то, что происходит вокруг дворца. Взять хотя бы этот же самый гром.

Конан вернулся к своим людям. Они уже снова взялись за работу, хотя и действовали с опаской, косясь на ненадежные стены и потолок.

— Отличные новости, ребята. На сегодня хватит. Есть сведения, что Декиус решил-таки устраивать ловушки там, где в них скорее попадут люди графа Сизамбри, а не мы.

— Да я бы тут до скончания века проторчал, если бы знать, что в нашей ловушке найдет свою смерть этот граф! — почти крикнул один из копавших. Остальные согласно кивнули.

— У вас еще будет шанс, но завтра, — сказал Конан и подал пример, начав складывать кирки и молотки в корзину.

Когда последний инструмент уже лежал на своем месте, Конана вдруг осенило: у Декиуса есть еще одна веская причина не покидать дворца. Его горстка хороших бойцов могла много дней мотаться по стране, охотясь за его отрядаами, так и не встретившись с ним самим.

Если этот заносчивый коротышка уйдет живым, то сможет собрать новую армию. Если же он погибнет — дело закончено. А что может быть вернее, чем дать ему возможность подойти ко дворцу, где он так стремится оставаться в качестве полноправного правителя.

Так что и с головой у Декиуса все было в порядке, и его верность королю, скорее всего, не вызывала сомнений. Но Конану от этого было

не легче. Торчать замурованным в этом полуразвалившемся дворце, когда все инстинкты, весь опыт и интуиция воина подсказывали, кричали ему не сидеть, а искать врага и сражаться с ним.

За стенами дома раздался раскат грома. Айбас, всматриваясь в темноту сквозь щели между бревнами, так и не увидел молнии. Вопросов не было — опять этот колдовской гром. А если еще и оставались какие-то сомнения, то звуки труб и охотничьих рогов, донесшиеся из деревни, рассеяли их вчистую.

Граф Сизамбri переждал, пока утихнет гром и соперничающая с ним мешанина звуков из деревни. Затем он продолжил говорить, пристально глядя на сидевших у его ног на охапке соломы Айбаса и Ойжика.

Хотя Айбас давно уже перестал вздрагивать при раскатах этого дьявольского грома, но сидеть спокойно под пристальным изучающим взглядом графа стоило ему больших усилий. Ойжик же явно чувствовал себя как на сковороде. Несмотря на холодную погоду, пот не переставая катился с его лба. Наверное, на его месте Айбас уже давно сам бы вскарабкался на дамбу и бросился в омерзительную чавкающую пасть чудовища.

— Может ли мы действительно доверять воинам Поуджой? — в третий раз зачем-то переспросил Ойжик.

Что-то мелькнуло в глазах Сизамбri. В полумраке Айбасу было трудно рассмотреть выражение лица графа, да и, по правде говоря, ему не очень-то этого и хотелось.

— Им можно доверять в отношении всего, о чем я просил их, — ответил граф.

Айбас почему-то решил не выспрашивать у графа, чем племя Поуджой может помочь ему взойти на трон. В любом случае, граф не успел бы ответить, даже если бы захотел.

Тяжелые шаги раздались на площадке перед домом; дверь со скрипом и стуком распахнулась, и в комнату ввалились с десяток воинов Поуджой с одним из Звездных Братьев во главе. В руках воинов были копья и каменные топоры, в руках колдуна — кожаный мешок.

— Вот этого, — сказал граф. Воины встали кольцом вокруг сидящих. Граф сделал Айбасу знак встать и отойти. Усилием воли Айбас заставил свои ноги передвигаться, а колени — не дрожать и поспешил повиноваться.

Ойжик открыл было рот, но, прежде чем он успел издать хоть звук, четыре воина навалились на него со всех сторон. Кожаный кляп задушил его крики, а кожаные ремни стянули руки и обвили ноги. Собрав валявшуюся в углу одежду Ойжика, воины вытащили его из дома.

Айбас оставался неподвижным, пока тяжелые шаги воинов не стихли в ночи. Глядя куда-то в пространство, он тихо произнес:

— Декиус дорого бы заплатил, чтобы присутствовать при этом зрелище.

— Да ну его. — Ничто, кроме губ, не двигалось на лице графа, когда он говорил. Он закинул ногу за ногу и пожал плечами. — Если бы у нашего славного капитан-генерала в жилах текла кровь, а не теплое молоко, он давно бы уже взял то, что принадлежит ему по праву, а я с радостью пошел бы к нему на службу.

Айбас подумал, что единственной службой, которую мог граф сослужить с радостью другому человеку, — это помочь стервятникам побыстрее разобраться с его останками.

— Ойжик будет отдан в жертву чудовищу? — спросил Айбас.

— Ты хочешь оспорить мое решение? — вкрадчиво промурлыкал Сизамбри.

— Я ничего не оспариваю, и менее всего я хотел бы оспаривать ваши суждения и решения. Если бы не их мудрость, мы вряд ли оказались бы так близки к победе. Я лишь осмелиюсь напомнить, что в Поуджой есть много таких, кто переживает по поводу человеческих жертв этому монстру.

— Трусы, — отрезал граф, — слизняки.

Можно было бы возразить, что армия, наполовину состоящая из слизняков и трусов, превращается в неуправляемую толпу. Можно было

бы попытаться объяснить, что любому, видевшему прибытие принцессы в долину, было простиительно желание оказаться где угодно, но только не здесь.

К сожалению, в лицо графу нельзя было говорить ничего, если, конечно, собеседник собирается пожить еще хотя бы несколько дней. Поэтому аквилонец лишь пожал плечами и продолжал размышлять:

— Ну, положим, против смерти Ойжика они ничего иметь не будут. Его предки, да и он сам немало сделали, чтобы выселить племя Поуджой из их земель в эту забытую богами долину. У этого народа хорошая память.

— Зато у тех, кто живет внизу, на равнинах, — плохая. — Сизамбри чуть ли не расплылся в кривой улыбке. — Когда они увидят, что Ойжик расплатился за предательство в пасти чудовища, они забудут, как я взошел на трон. Они поверят в то, что я был прав, даже если я смету дворец с лица земли, чтобы добраться до Декиуса и Ойжика. Они поверят, что король умер, а принцессе нужен рядом человек, который ее утешит. Это все будет выглядеть так, словно произошло по воле богов, а не по моему желанию.

Айбас вспомнил тех людей, с которыми он встречался в своей жизни, начиная с имения его отца и кончая этой жалкой долиной. По сравнению со многими из них, хитрость интриг

Сизамбри была просто мелким жульничеством мальчишки, играющего в камушки. Правда, этот «малыш» имел власть над жизнью и смертью Айбаса и выбросит его как ненужный камешек, если только догадается о его мыслях. Айбас постарался и дальше сохранять почтительное выражение лица.

— Да будет оно так, господин. А теперь, чем еще я смогу быть вам полезен?

— С первым криком петуха я отправляюсь к своим людям. А пока что, не будет ли разумным подыскать мне женщину на ночь?

— Боюсь, что местные красавицы не придутся вам по вкусу, — предположил Айбас, моля богов, чтобы Вилла не попалась на глаза похотливому графу.

— К сожалению, ты наверняка абсолютно прав. Ну да ладно. Держи эту сумку и охраняй ее как зеницу ока, пока я не заберу ее обратно. Прощай. Прими мою благодарность за хорошую службу.

Сизамбри говорил таким тоном, что слово «моя» прозвучало почти так же величественно, как королевское «наша». Айбас поклонился и так и стоял, согнувшись, пока не захлопнулась дверь. Потом он опустился на колени, чтобы получше рассмотреть сумку.

Она была сделана из цельного куска кожи и перетянута железным обручем. Руны на металле не были знакомы Айбасу, но даже в полумраке

хижины он понял, что они были очень похожи на те, что были начертаны на склонах дамбы. В сумке было что-то тяжелое, как камень, но при всем любопытстве Айбасу даже не пришло в голову попытаться открыть ее.

Граф Сизамбри решил на полную катушку использовать силу колдунов Поуджой, чтобы взойти на престол. Айбас был уверен, что граф и сам до конца не понимал, во что влез и на чью помощь польстился, даже не предполагая, что могут потребовать настоящие хозяева этой сумки в качестве платы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Конан проснулся и некоторое время лежал в темноте, гадая о причине своего внезапного пробуждения. Виновата, наверное, была кровать. Хоть и крепко сработанная, она была коротковата для Киммерийца. Он бы удобно чувствовал себя на ней в те годы, когда только-только покинул родной дом. А сейчас спать на ней — напоминало утонченную пытку, и только способность Конана засыпать где угодно и в любом положении позволяла ему на время забыться сном.

Накануне вечером он поклялся себе разыскать дворцового плотника, чтобы тот сделал Конану новую кровать. Он даже продумал, как оборвёт нескромные расспросы по поводу того, с кем Киммериец собирался делить такое ложе.

Конан опустил ноги на потрескавшиеся керамические плитки пола, надел брюки, пристегнул меч и прислушался. Ничего необычного не доносилось до его слуха. Капала вода в рукоёмнике; кто-то вскрикнул не то в кошмарном сне, не то в порыве страсти; из угла доносилась мышиная возня.

Ощущение, что проснулся он неспроста, не покидало Конана. Те самые инстинкты и интуиция, которым он был обязан тем, что до сих пор оставался в живых, — все они взвывали к его вниманию, предупреждая об опасности. Но большего они сказать не могли, поэтому стоило выяснить более конкретно причину душевного смятения.

Конан натянул рубашку и сунул за ремень оба кинжала. Сначала он хотел взять с собой и лук, но, подумав, оставил его вместе с медвежьей шкурой и кавалерийским плащом в изголовье кровати.

Конан уже понял, что дворцу угрожает опасность. Но остальные пока даже не догадывались об этом. Если его кто-нибудь увидит рыскающим по переходам в полном вооружении, то Конану не избежать вопросов, на многие из которых он не мог дать точного ответа. Незнание, неуверенность и страх — вот искры, которые могли зажечь пламя паники, которая может оставить дворец совершенно беззащитным.

Мрачные предположения Конана не успели развиться дальше. Трубы и барабаны, зазвучавшие где-то вдали, эхом отразились откуда-то прямо из-за стен замка. Внутри раздались первые тревожные крики часовых и боевые кличи защитников. Конан расслышал и жалостные причитания слабейших обитателей дворца, уже позволивших страху победить себя.

Киммерийцу не пришлось утруждать себя, чтобы разбудить спавших по соседству нескольких солдат своей роты. Первый сержант уже с руганью носился по комнате, пинаясь, размахивая руками и, если надо, просто вытаскивая людей из постели, заставляя их немедленно облачаться в боевое снаряжение.

Сержант поднял руку в знак приветствия и сообщил Конану:

— Я уже отправил гонца в казарму с приказом всей роте бегом двигаться ко дворцу.

— Отлично. Отправь еще одного. Боюсь, что уже далеко не каждый сможет прорваться к казармам. Я отправляюсь к Декиусу. Встречаемся в Зале Красной Рыбы.

— Слушаюсь, капитан Конан.

Конан хотел было определить запасное место встречи за пределами дворца, но решил, что такое сообщение будет воспринято как неуверенность в исходе еще не начавшегося сражения. Фраза застряла у него в горле.

Конан направился к Залу Красной Рыбы, прозванному так из-за характерного рисунка мозаичного пола. Это помещение, имевшее потайной выход из дворца, можно было обронять горсткой людей против большого отряда. В одном из углов сохранилась лестница, изрядно потрепанная временем, но все же достаточно крепкая, чтобы ловкий человек мог подняться к проломленной крыше и оглядеться вокруг.

Добравшись до зала, Конан обнаружил, что добрая половина отряда Райны уже там. Оставив их сооружать баррикады из камней, он вскарабкался по ступенькам полуразвалившейся лестницы.

Звуки труб и барабаны, слышавшиеся поначалу вдали, сейчас притихли. Темнота скрывала тех, кто двигался к замку. Низкие облака большую часть времени закрывали луну. Конан не удивился бы, услышав сейчас колдовской гром.

Вместо этого он увидел, как внизу, на склоне холма, ведущем ко дворцу, зажегся рубиновый огонек. Яркая точка росла, увеличивалась в размерах и превратилась в огненный шар, ставший из рубинового темно-бордовым.

При этом свете Конан разглядел то, что поначалу показалось огромной армией. Со второго взгляда он понял, что она не была огромной, да и вообще едва ли могла быть названа армией.

Граф Сизамбри восседал на своем жеребце во главе группы из двух десятков всадников. За ними стоял отряд побольше, в основном — стрелки, слабо защищенные доспехами и не имевшие серьезного вооружения, не считая своих луков. Еще одна группа — дюжины три человека — окружила здания казарм, где оставалась часть дворцовой стражи. Судя по тому, что нападавшие старались соблюдать дистанцию до казарм, стражники не проспали начало атаки и не собирались сдаваться.

Этого было достаточно для Конана. Сизамбri, наверно, использует какое-то колдовство, но пока что единственное, чего он добился, — это показал Конану малочисленность своего отряда. Конечно, его отряд не был мальчиками для битья, но сказать, что им заранее обеспечена победа в этом сражении, было бы преувеличением.

Сейчас если бы только стражники в казармах догадались ударить в тыл людям Сизамбri, как только те двинутся вперед...

Огненный шар стал цвета высохшей крови. Он стал таким большим, что Конан едва видел графа из-за него. Маленький человек развел широко руками, и от шара отделилось что-то дымящееся и упало на землю у его ног.

Порыв ветра донес до Киммерийца запах нагретого металла и горелой травы. Сильное шипение послышалось из клубов дыма и пара, когда это нечто коснулось лужи дождевой воды.

Затем шар снова сжался до размеров огненной точки. Поднимавшийся дым тянулся к ней, входил в нее, напоминая стебель диковинного растения с красным цветком на конце.

Вдруг земля вздрогнула. Дым и кроваво-красный свет начали двигаться в сторону дворца, словно влекомые какой-то силой, недоступной человеческим чувствам.

Впрочем, не так уж недоступной, как рассудил Конан в следующий миг. То, что вело за собой огненный цветок, оставляло за собой по-

лосу перепаханной земли шириной с человеческую руку. От нее шел дым, камни и глина разлетались в разные стороны, и при этом дрожание земли становилось все сильнее и сильнее.

Конан оставил идею отправить своих людей в обход отряда Сизамбri. Сейчас главной задачей всех офицеров короля было уберечь своих солдат от гибельного действия этой колдовской штуки, подползавшей все ближе ко дворцу. Если для этого надо будет оставить дворец, чтобы не похоронить всех людей под его развалинами, значит, это будет сделано.

Одно из зданий казарм рухнуло. Звук падающих стен потонул в гуле вспоротой и шевелящейся земли. Пыль и дым взметнулись столбом, и солдаты рванулись во все стороны, как муравьи из развороченного муравейника. Но все же они отходили с оружием в руках, поддерживающая или вынося на себе раненых товарищей.

Конан спустился по лестнице. К лучшему или к худшему, но солдатам, застигнутым в казармах, сегодня придется самим искать выход из положения. Его бой будет проходить здесь, настолько долго и ожесточенно, насколько человек может противостоять колдовству.

Когда Киммериец был всего в нескольких ступенях от пола, земля сильно вздрогнула. Ступеньки хрустнули, затрещали камни стен и крыша. Когда ступеньки под ногами обрушились, Конан прыгнул, затем — еще один прыжок, чтобы

увернуться от камней, летевших со стен, падение на руки, кувырок, и наконец он оказался лежащим у ног Райны.

Она деланно улыбнулась, скорее чтобы приободрить себя и своих людей. Улыбнувшись в ответ, Конан вскочил на ноги.

Почти все те, кто был в зале, когда Конан полез наверх, остались здесь же. Лишь немногие исчезли в неизвестном направлении. Зато подошли другие люди из отряда Райны. К сожалению, несколько человек остались навеки погребены под обломками стены и лестницы.

Конан попытался приподнять один из камней, из-под которого доносились стоны; он навалился изо всех сил, но лишь тяжелое собственное дыхание было результатом его трудов.

Вдруг под сводами дворца ясно и звонко, словно принесенная волшебным ветром, зазвучала мелодия далекой флейты.

Флейта и действительно была далеко, но графу Сизамбри казалось, что эти звуки раздаются прямо у него над ухом.

Он знал, что это обман, наваждение. Сколько раз колдуны из Поуджой повторяли ему это. Он даже устал от этих повторяющихся наставлений:

— Только страх, пересиливающий твою волю, сможет быть сильнее нашего колдовства.

Бери то, что мы даем тебе, и обладай этим без страха. Колдовство само сделает все, чего ты ждешь от него. Но мы ничего не можем обещать человеку, объятому страхом:

Обычному человеку хватило бы и одного оскорбительного намека на предполагаемую трусость графа, чтобы рассчитаться за него кровью. Но колдуны — совсем другое дело. Сизамбри понимал, что они не просто так вновь и вновь повторяют слово «страх», что если ему не хватит мужества, то все его планы рухнут в одну минуту.

Итак, граф попытался вытолкнуть звуки флейты из своего сознания, если уж он не мог заткнуть уши и не слышать этой мелодии. Он не мог позволить ей окружить его, сплеловать как младенца, эхом раздаваться в мозгу.

Графу удалось одержать эту первую победу. Звуки флейты теперь казались ему лишь жалобными причитаниями над покойником или умирающим. Они больше не подчиняли себе мысли графа.

Более того, сила флейты, которая должна была противостоять магии колдунов из Поуджой, обернулась против дворца. Дымящаяся траншея почти добралась до внешних стен дворца, когда сама земля взметнулась ей навстречу, словно пытаясь преградить путь еще одной стенной. С этой новой стены посыпались камни. Они летели сквозь дым, шедший от траншеи, причем многие почти долетали до людей графа.

Лошади попятались, их испуганное ржание утонуло в грохоте разверзшейся земли. Даже самые храбрые и много повидавшие на своем веку воины побледнели и стали испуганно переглядываться.

Сизамбri боролся сам с собой, пытаясь подавить тот страх, который мог уничтожить все так удачно начатое колдовство.

Дымящаяся траншея и земляной вал переплелись, стараясь задушить друг друга, как два обезумевших невиданных зверя. Камни стали перелетать через людей графа, падая дождем на покосившиеся домишкы казарм гвардии.

Обломок скалы превратил в груду щебня один из домов. Графу показалось, что из-под обломков доносились слабые крики заживо погребенных. Он готов был помолиться, чтобы камни похоронили всю королевскую стражу, если бы имело смысл молить богов или демонов, когда в дело вступала звездная магия.

Сизамбri заставил себя следить за борьбой двух колдовских сил. Он старался разглядеть хоть что-то сквозь завесу пыли. Когда легкий ночной ветерок чуть развеял пылевое облако, сердце графа учащенно забилось.

Дворец разваливался на глазах. Разваливался с такой скоростью, словно вся звездная магия обрушилась на его своды. Осыпались стены, проваливались крыши, открывая небу целые анфилады комнат за секунду до того, как они

превращались в груду камней. Новые облака пыли нависли над дворцом, совершенно не давая возможности взгляду графа проникнуть сквозь них.

Да в этом уже и не было необходимости. Если во дворце и оставались живые защитники, вряд ли они были в состоянии организовать сопротивление. Любой человек будет сломлен, обнаружив в качестве врага не других людей перед собой или на флангах, а саму землю снизу и град камней сверху.

Колдуны объясняли графу, что в этом деле было неважно, где находится человек, использующий их колдовство. Важна его воля и вера. Но что может лучше укрепить веру и желание графа и его воинов, чем решительный бросок на дворец.

Сизамбri передал поводья своего жеребца оруженосцу, а сам вылез из седла. Земля под его ногами заходила ходуном, как дно лодки, спускающейся по течению бурной горной речки, но граф устоял, не позволив себе упасть.

Он выхватил меч, подкинул его в воздух, поймал за лезвие, перехватил обеими руками и, показывая на дворец, крикнул:

— Сами боги покарали Элоикаса и его людей! Вперед, за мной!

В течение доли секунды Сизамбri не слышал ничего, кроме грохота взрываемой изнутри земли. Затем, прежде чем он решил повернуться,

десятки клинов вылетели из ножен и со свистом рассекли воздух. Раздался боевой клич:

— Стальная Рука! Вперед, Стальная Рука!

Во дворце короля Элоикаса царил хаос. Хаос, приведший в смятение даже таких опытных бойцов, как Конан и Райна.

Правда, им некогда было разбираться в причинах происходящего. Все их мысли были заняты тем, чтобы уберечь своих подчиненных от града падающих камней.

Вдруг раздался боевой клич. Он звучал громче и громче, перекрывая шум трескавшихся стен и грохот вздымающейся земли. Значит, из громыхающей темноты, из облаков пыли кровавого цвета люди графа Сизамбri начали атаку.

Если в рядах атакующих и был какой-то порядок, когда они начинали движение, то к тому моменту, как они оказались на расстоянии удара меча от людей Конана, этот порядок сам собой куда-то исчез, не выдержав неожиданного появления на пути земляного вала. Судя по крикам, доносившимся из рядов противника, некоторых из солдат графа завалило землей и камнями.

Конан молил богов, чтобы неведомый союзник использовал магическое оружие не столь разрушительной силы, как у графа Сизамбri. Защитить дворец, обрушив его на головы защитников

и нападающих, не было, по мнению Конана, ни благородно, ни разумно.

Солдаты роты Конана и отряда Райны поняли, что их единственный шанс если не на победу, то на спасение — это вступить в бой и прорываться вперед. Позади лежал лишь разрушающийся на глазах дворец, грозивший стать всем им общей погребальной пирамидой. Впереди — враги, смертные люди, а за ними — открытое небо.

— За короля! — проорал Конан, перекрикивая шум битвы, и бросился вперед. Как магнит притягивает железо, так и Конан увлекал за собой тех, кто видел его. Лишь немногим отставала от Киммерийца Райна, тоже ведя за собой всех, кто мог ее видеть.

Люди графа Сизамбri растерялись, не зная даже, куда можно поставить ногу без риска подвернуть ее. Здесь они действительно превосходили числом защитников. Они были опытнее и лучше вооружены, но этого оказалось недостаточно.

Ничто, кроме прицельной стрельбы из десятка-другого луков, не могло остановить Киммерийца. Его широкий меч свистел в воздухе, со звоном ударялся о сталь доспехов, высекал искры из других клинов и, как нож мясника, входил в тела противников. Если ситуация навязывала Конану ближний бой, то в ход шел кинжал или тяжелые кулаки Конана.

Действуя всем возможным оружием, Конан уложил полдюжины противников раньше, чем ему на помощь подоспели его первые товарищи. Устроенная Конаном мясорубка воодушевила и других защитников замка.

Люди графа уже начали отступать, когда их господин появился на гребне земляного вала и смог правильно оценить ситуацию, складывающуюся не лучшим для него образом. Он услышал, как боевые кличи его солдат сменились возгласами «Берегись!» и даже чем-то вроде «Уходим! Назад!». Увидел он и Киммерийца, рвущегося вперед так естественно и уверенно, как будто сам по себе он был одной из природных стихий.

Короткий приказ графа — и на гребень вала забрались стрелки. Секундой позже град стрел из луков и арбалетов обрушился на защитников дворца. Теперь крики предупреждения и стоны раздавались не только из рядов бойцов графа. Скрытые запыленной бородой губы Сизамбri расплылись в улыбке.

Конан полагал, что, рискуя зацепить своих в этой пыли и мешанине боя, люди графа прекратят стрельбу. Но град стрел не утихал. Время от времени они попадали и в своих, но и стражники несли большие потери. Становились понятно, что защитников перебьют всех до единого, не побоявшись даже значительно сократить число своих людей.

Киммериец прикинулся расстояние до графа. Если бы в силах смертного человека было пересечь заваленную обломками стены площадку и влезть на склон, чтобы скинуть графа вниз...

Стрелы мягко входили в землю и со звоном отбивали куски камня, попадая в остатки стен, как бы предостерегая от безрассудных действий. Стрелки уже приметили мощную фигуру Конана среди других защитников. Лишь попытайся Конан прорваться вперед, ближе к ненавистному графу, — он превратится в утыканный стрелами труп, не проделав и половины пути.

Конан начал отступать, значительно медленнее, чем продвигался вперед, несмотря на продолжающийся обстрел. Отступать и вообще-то было против его правил, а сейчас он отходил вдвойне осторожнее, чтобы не спровоцировать панику среди своих.

Как только стража чуть оторвалась от нападавших, стрелки из отряда Райны и роты Конана принялись за дело. Застигнутые врасплох, на открытом месте, рассчитывая лишь на удачу и на свои легкие доспехи, многие стрелки из отряда графа оказались на земле, со стрелами в груди и голове. Остальные поспешили искать защиты, скатившись по склону вала, и далеко не сразу ругань и проклятия графа смогли вернуть их на прежнюю позицию.

Итак, Конан, Райна и более половины их подчиненных вернулись под весьма сомнительную

защиту дворцовых стен. В пылу и шуме битвы Конан даже не заметил, что дуэль магических сил под землей, похоже, прекратилась. Только перевязывая Райне руку, слегка зацепленную стрелой, он обратил внимание, что земля нема и не-подвижна. Да и дворец больше не рассыпался до-ждем из камней и черепицы.

— Ну, и что дальше? — спросила Райна, мор-щась от боли, когда Конан посильнее затянул по-вязку, чтобы соединить края раны. — Мы едва смогли выиграть только первую стычку. Победой это никак не назовешь, скорее уж наоборот.

— Думаю, граф и такого не ожидал от нас, — проворчал Конан.

Киммериец готов был отдать половину сокро-вищ Пограничья (если бы они у него были) за несколько глотков вина, чтобы смыть пыль и песок изо рта и утолить жажду. Подумав, он продолжил:

— Если ребята, оставшиеся в казармах, смог-ли вовремя выбраться, а потом не потерять друг друга в лесу, то они будут серьезной угрозой гра-фу с тыла. Черт возьми! Я сейчас и сам готов умолять любого колдуна, будь он неладен, лишь бы он передал моим парням мои распоряжения...

Райна знаком остановила Конана, а затем так же молча показала пальцем за его спину. Обер-нувшись, Киммериец увидел одного из офицеров отряда Декиуса, пробиравшегося среди разва-лин. Он все время посматривал вверх, опасаясь,

что какой-нибудь булыжник свалится ему на голову, и при каждом таком взгляде спотыкался о какой-нибудь из уже упавших и лежащих пря-мо посреди дороги камней.

Наконец Райна сжалась над ним и, быстро пробравшись к нему, показала уже пройденный и сравнительно безопасный путь через развали-ны. За обрушившейся стеной того, что раньше называлось галереей со скульптурами, все три командира остановились, чтобы посоветоваться.

— Декиус считает, что вы должны присоеди-нить своих людей к его отряду и вместе с ним выбираться отсюда... — начал было гонец, но был остановлен рыком Конана:

— Да он что, с ума... разве Декиус изменил свои планы? Или он просто прислал сюда труса, которому страшно возвращаться в одиночку?

Вопросы Конана громом раскатывались по помещению, отдавались эхом и заставляли еле держащиеся камни падать с полуразрушенных стен.

Райна одной рукой схватила и сжала руку Конана, а второй прикрыла ему рот:

— К чему так кричать, Конан. Ты же гово-ришь не с графом и даже не с Декиусом, а с человеком, который всего в шаге от тебя.

Под взглядом Конана человек побледнел, но спокойно произнес:

— Капитан Конан, господин капитан-генерал не упрашивает или советует. Он приказывает.

— Мне наплевать, даже если Митра вместе с Эрликом прикажут мне сделать такую глупость. Пойми, у меня там, снаружи, осталась добрая половина роты. Если ребята выдержали эту заварушку ночью, то удары они по графу сзади...

— Король Элоикас не может двигаться так быстро, как того может хотеться, — упрямо продолжал гнуть свое офицер. — Ему нужно срочно покинуть дворец, чтобы избежать встречи с еще одним отрядом графа, который сейчас заходит к нам в тыл.

Конан почувствовал, что человек что-то не договаривает об истинных причинах такого поспешного отступления короля.

— Я ведь не прошу короля лично возглавить нас в этом деле, — сказал Конан, — пусть он только вспомнит о верных ему воинах и даст последнюю попытку достичь победы. Мы все еще можем свернуть шею графу. А если и нет, то все равно мы здорово пощиплем его отряд и замедлим их продвижение.

— Ну, может быть... — Офицер, казалось, не знал, чего больше бояться: короля и Декиуса, которые были далеко, или Конана, стоявшего рядом. Или он тоже убедился в том, что в предложении Конана есть смысл?

— Райна, — сказал Конан, — собери человек пять с луками. Пусть будут готовы прикрыть меня. А я поднимусь по стене повыше и попытаюсь высмотреть, как там дела у ребят в казар-

мах. Если они разбежались или перебиты, мы сделаем все так, как предлагает Декиус.

Офицер уже открыл рот, чтобы вступить в спор о правилах подчинения старшему по званию, но вовремя заметил, как рука Райны потянулась к рукояти меча. Он захлопнул рот, при этом раздался ощутимый щелчок челюсти о челюсть.

Конан прочел на лице Райны надежду, что он пошлет кого-нибудь другого. Он также увидел, что она понимает: любая просьба такого рода привела бы к бесполезным спорам, быть может, в последние минуты их жизни. Конан едва ли приказал бы своему подчиненному идти туда, куда не пошел бы сам, особенно если этого подчиненного едва-едва можно назвать солдатом.

Конан сбросил медвежью шкуру и перекинул через плечо лук и колчан. Сапоги были сняты, чтобы пальцы ног помогали найти малейшую опору при лазании. Увидев, что стрелки готовы, он подобрался к выбранному участку стены.

Когда Райна подняла руку, он сделал первый шаг. Рука опустилась, в воздухе свистнули стрелы, и Конан начал взбираться вверх по стене.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Граф Сизамбri не был человеком, готовым смириться с неудачей, еще меньше — с поражением. Он мог изменить план действия, если дела явно шли неудачно.

Идти напролом через дворец — для этого нужно больше людей, чем было в его распоряжении. Нужно ведь не только разбить королевскую стражу, включая этого черноволосого великана, который один стоил целой роты. Следовало учесть и неизбежные потери от обвалов, приготовленных ловушек, оставленных засад и еще бог знает от чего, если он решится продолжать штурм.

Если он свяжет действия противника, то его люди с другой стороны дворца смогут захлопнуть ловушку. Даже удержаться здесь будет нелегкой задачей, но вполне выполнимой для его людей.

Сизамбri быстро принимал решения. Еще быстрее он отдавал приказы.

— Половину людей от казарм — сюда, в первую линию. Остальных передвинуть поближе, пусть будут между ними и казармой охраны. Всем приготовиться к наступлению.

Некоторые явно решили, что он спятил или, по крайней мере, сильно повредился умом. Это читалось в глазах солдат. Но они молчали, так что ему не придется ослаблять отряд ни на одного человека, устраивая показательную казнь за невыполнение приказов.

Ослабить наблюдение и охрану казарм дворцовой стражи означало дать возможность уйти тем, кто еще там оставался. Каждый слуга короля, выживший в эту ночь, еще пожалеет, что не погиб вместе с другими. Воины Поуджой отказались идти с ним на штурм дворца, но они ничего не будут иметь против того, чтобы поохотиться на солдат короля в лесах. Тогда Звездным Братьям еще долго не надо будет беспокоиться о том, чем кормить их любимчика.

Когда люди Райны еще не успели выстрелить и трех раз, Конан поднялся, насколько позволяла стена без риска свалиться на землю. Третий залп унес стрелы в сторону противника, и тут Конан понял, что стрелки графа Сизамбri не ведут ответную стрельбу.

И действительно, казалось, что люди графа хоть и не покинули поля боя, но предпочитали не ввязываться в новую стычку. Конан напрягал зрение, пытаясь разобраться в том, что происходило за гребнем колдовского земляного вала.

Пыль все еще висела в воздухе. Магический огонь погас, и лунный свет с трудом пробивался через пылевую завесу, сам становясь тусклым и грязным. Другого света Конану было ждать неоткуда, если, конечно, кто-нибудь не затеет новое колдовство. Но, честно говоря, он предпочитал начинать бой, представляя себе, где находится противник, чтобы чувствовать себя чуть уверенней, чем слепой, двигающийся по коридору, полному крыс.

Конан понял, что там, где его глаза ничем не могли ему помочь, будут полезны уши. Он осторожно снял лук, натянул тетиву и послал стрелу в направлении казарм.

Пять стрел подняли изрядный шум. Киммерийцу стало ясно, что люди графа все еще караулят казармы. Значит, стражники были там или ушли так тихо и незаметно, что люди графа не заметили этого.

Часть отряда Сизамбri двигалась вправо от Конана. Прибыли ли к графу свежие силы, или он снял часть охраны казарм? Скорее всего, и то и другое. Но в любом случае граф не собирался нападать сию минуту.

Это был отличный момент, чтобы застать его врасплох. Такая внезапность обеспечила бы половину победы.

Конан знаком подозвал поближе Райну и офицера из отряда Декиуса и шепотом поведал им свои соображения. Они выслушали его с интересом,

но выражение сомнения не сходило с лица офицера.

— А если Сизамбri сможет обойти нас и зайдет в тыл Декиусу?

Конан понял, что недооценил этого человека.

— Отправишься сейчас к нему и предупредишь...

Офицер отрицательно покачал головой:

— Любой из ваших людей сделает это не хуже меня. Я не уйду с поля боя. А кроме того, я знаю, где найти Декиуса, если мы оба выберемся живыми из дворца.

Теперь Конан был уверен, что зря сомневался в храбрости этого воина.

— Ну что ж, отлично. Но если ты и вправду хочешь скрестить свой меч со сталью солдат графа Сизамбri, то, сделай милость, скажи мне и Райне, где вы с Декиусом договорились встретиться. Тогда можешь смело отправляться в другой мир, считая, что привел в порядок свои дела и позабылся о ближних.

Офицер улыбнулся, подождал, пока Конан снимет лук и колчан, а затем последовал за ним мягким кошачьим шагом.

Граф Сизамбri проклял неизвестного стрелка, но сделал это тихо. Гораздо тише, чем его люди, когда стрелы стали падать на них неизвестно

откуда. Двое умерли в стонах и мучениях, а остальные, хоть и остались целы и невредимы, находились в сильном смятении.

Бесполезно убеждать их, что погибшие стали случайными жертвами, что человек, пустивший наугад эти стрелы, не видел и пальцев вытянутой перед собой руки. Слишком многое колдовства видели они этой ночью, чтобы поверить в случайности. Нет, ничто, кроме жестокого ближнего боя с мечом в руке против противника из плоти и крови, не могло вернуть их мужества и хладнокровия.

По рядам солдат графа прошел ропот. Графу удалось разобрать, о чем шептались его люди.

— Люди короля что-то задумали. Они готовят нам ловушку. Они знают, где мы. Если мы будем наступать, — нам всем конец.

Граф Сизамбри шепотом повторил свои обещания страшных наказаний, ожидавших трусов и паникеров.

В шеренгах воцарилось молчание. Граф снова смотрел вперед. Дворец лежал перед ним: лабиринт теней, которые, перекрециваясь и налезая друг на друга, затрудняли наблюдение. Сизамбри был уверен, что противник использует эту темноту и путаницу теней. Надо снабдить людей факелами, когда они будут пробираться по дворцу.

Переплетение теней стало, похоже, еще запутаннее. Но что это? Некоторые из них двигались!

— Стальная Рука! Тревога! — Графу стоило немалых усилий, чтобы его голос не сорвался на подобный женскому визг. Но ему пришлось перевести дыхание, прежде чем смог снова закричать:

— Тревога! Живей, к бою! Вот они!

Сигнал тревоги, поданный врагом, не остановил Конана. Не задержало его движения вперед и то, что он узнал голос Сизамбри. Он лишь успел подумать, что граф, видимо, почти в пределах досягаемости меча, если его слова так хорошо и отчетливо слышны.

Снова воцарился хаос.

Большинство людей Конана не было так опытно в сражениях, как Киммериец. Одни неподвижно остановились, раскрыв рты, другие закричали, а некоторые и вовсе бросились бежать. Все вместе они превратили наступление в шумное топтанье на месте.

В это же время огненные стрелы стали втыкаться в крыши казарм. Солома, которой они были покрыты, сухая как порох, вспыхнула в мгновение ока. А через несколько минут пламя уже плясало на крышах половины зданий, устоявших во время землетрясения этой ночью.

Среди людей графа, видимо, был кто-то из офицеров, которому свет был нужен любой

ценой. Что ж, в цену вошло и то, что огонь показал его людей стрелкам из отряда Конана.

Они, разумеется, не замедлили воспользоваться возможностью помочь своим товарищам. Но стреляли они так азартно и так плохо целясь, что представляли не меньшую угрозу своим, чем противнику.

Конан предоставил Райне навести порядок среди стрелков. Сам он пытался организовать своих людей в единую группу, способную нанести точный и продуманный удар. Свет, падавший от горящих крыш, высветил то, во что Конан даже не мог поверить: у ближнего конца земляного вала стоял сам граф Сизамбri, окруженный лишь горсткой бойцов.

— Хэррооо!

Этот крик принадлежал напросившемуся в бой офицеру Декиуса. Он продолжал издавать свой нечленораздельный клич, сломя голову несясь по валу к графу. Лишь приблизившись вплотную, он крикнул:

— Я — Микус, сын Кийома. Я несу смерть мятежникам и предателям короля Элоикаса Пятого! — С этими словами его меч, сверкнув в свете пожара, взлетел в воздух над головой графа.

Тот стоял неподвижно, видя, что подвергается смертельной опасности. Один из охранников с коротким копьем в руке выскочил из-за спины графа. Наконечник копья блеснул в темноте;

вонзился в живот Микуса, а затем снова заблестел в фонтане крови, выйдя из его спины.

Меч еще не успел выпасть из ослабевших пальцев Микуса, а Конан уже лез на склон вала. Но прежде, чем он добрался до гребня, граф исчез в темноте, а вместо него Киммерийца ждала дюжина охранников Сизамбri. Они стояли сплошной стеной стали доспехов и клинов, отделяя Конана от удалявшегося графа.

Что ж, Конан не упустил возможности вывести из боя троих из них. Двое остались умирать тут же, а третий отступил, волоча ногу и придерживая раненую руку. Но оставшиеся девять продолжали теснить и окружать его; кроме того, стрелки Сизамбri приметили себе такую соблазнительную цель; стрелы попадали все ближе и ближе.

Стрелки все еще пытались попасть в Конана, спустившегося по склону, несмотря на то что охранники графа продолжали теснить его, находясь совсем рядом с ним. Так что стрелки получили возможность попрактиковаться скорее на своих товарищах, чем на противнике. К тому же девять человек представляли собой явно более легкую мишень, чем один Киммериец.

Дело шло к тому, что следующий бой завяжется между графскими стрелками и их товарищами, сражавшимися другим оружием. Пока офицеры Сизамбri призывали к порядку своих людей, Конан занялся тем же самым среди своих.

Только тогда он смог оценить результаты столь желанного им боя.

Все казармы горели. Люди графа, охранявшие их, возвращались и присоединялись к своим товарищам. Лишь в дальнем конце ряда казарм мелькали исчезающие в темноте фигуры: это спасались бегством последние солдаты дворцовой стражи.

Конан выругался, не особо заботясь о том, кто его мог услышать. Если бы стражники не разбежались, они смогли бы влить свежие силы в захлебнувшуюся атаку. А теперь, к тому времени, когда их удастся собрать, люди Сизамбri будут уже во дворце.

Киммериец снова выругался, на этот раз потише. Он скорее ругал себя, чем кого-либо другого. Декиус тоже имел бы на это полное право. Его заместитель Микус показал себя разумным и мужественным бойцом. В сравнении с ними капитан второй роты Конан сделал мало чего полезного этой ночью.

Но теперь уж ничего не поделаешь. Если только объединенные отряды короля могли противостоять графу Сизамбri, то следовало объединить их как можно скорее. Дворец снова можно будет взять, а если король потеряет своих бойцов, он, скорее всего, навсегда потеряет и все остальное.

— Куда теперь, Конан? — Это была Райна.

Конан даже не сразу ответил, потому что на языке у него вертелись одни ругательства.

— К месту, назенненному Декиусом. Он, наверное, нас не похвалит за то, что мы натворили этой ночью, но надо дать ему возможность высказать нам это в лицо.

— Как будет угодно богам. Кто поведет отряд?

— Я останусь прикрывать. Я лучше других вижу в темноте, а это нам понадобится, чтобы отбиваться от преследования.

Райна поспешила к голове отряда. Конан переждал, пока последний человек прошел половину пути до пылающих казарм, и лишь затем вылез из своего временного убежища, чтобы присоединиться к отступающим.

Уходя, он услышал шум падения камней во дворце. Спустя секунду послышались крики и стоны.

Он не знал, сработала ли это одна из подготовленных ловушек, или просто неосторожный солдат слишком сильно оперся об ослабленную стену. Это было неважно. Важно было то, что с каждым человеком, нашедшим свою смерть внутри дворца, уменьшалось число тех, с кем предстояло сражаться в будущем.

Стон во дворце эхом отразился в голове графа Сизамбri. Он и сам был на грани того, чтобы застонать.

Он закусил губу и задавил стон в себе. Рана от меча этого юнца Микуса была не первой, полученной им в боях. И наверняка не последней, даже если победа уже близка. Ни один захваченный трон не может быть удержан без кровавой борьбы!

Но какая же это боль! Ни одна из его ран не была такой болезненной. Граф готов был молиться, чтобы ни одна из последующих не болела так сильно. Но по своему опыту он знал, что такие молитвы обычно остаются без ответа. Да и сам он с трудом мог вспомнить имена добрых божеств.

Сильный озноб бил его, заставляя почти забыть о боли. Быть может, магия сделала его недостойным в глазах богов? Может, он сделал что-то запрещенное и сейчас был проклинаем этой жуткой болью от самой обычной раны? Не ждет ли его еще более страшная боль?

Сизамбри по-прежнему сдерживал стон. Но сквозь сжатые губы прорывалось что-то похожее на вой раненого зверя.

Где-то вдалеке он услышал неясный голос, принадлежавший, скорее всего, какому-нибудь призраку. Графу показалось, что среди невнятного бормотания были произнесены слова «сонное зелье» и даже «магия Поуджой».

Да, магия долины Поуджой. Именно так. Магия колдунов племени заставляла его так мучиться. Но наверняка она может также и снять боль.

Она должна это сделать, или колдуны Поуджой потеряют своего верного друга. Это ведь была его идея вооружить племя и использовать его для борьбы за трон. Он так и не отказался от этой мысли. Пусть только эти колдуны его вылечат. А если они этого не сделают... Он ничего не скажет.

Ему придется вылечиться самому. Может быть, придется обратиться к лекарям и хирургам. Выздоровление займет больше времени, но вкус мести не станет менее приятным, а скорее наоборот, как это бывает с вином, это чувство только окрепнет с течением времени.

Да, время пройдет, его рана будет залечена, он сам взойдет на престол и даст оружие всем врагам Поуджой. А уж эти враги разберутся сами и с племенем, и с колдунами, и с их чудовищем.

Нет смысла оставлять чудовище в живых, чтобы потом молиться на того, кто возомнит себя его хозяином и будет шантажировать короля Пограничья.

Голос снова начал бессвязно бормотать. Вдруг полоска холодного металла прикоснулась к искусанным губам графа. Он почувствовал запах каких-то трав и крепкого вина, а потом и ощутил их вкус, пока кто-то вливал эту смесь из кубка ему в рот.

В какой-то момент ему показалось, что он захлебнется. Но кубок опустел, и дыхание

восстановилось. Сизамбри лишь успел понять, что засыпает, и отключился, почувствовав, как боль уходит из его тела.

Давно затихли позади последние звуки битвы у дворца. Ничто, кроме ночных шорохов, не нарушало размежеванного движения отряда Конана. Вернее, тех из его роты и из отряда Райны, кто сумел выжить в эту ночь. Легкий ветерок шуршал листвой деревьев. Ночные птицы перекликались между собой.

Один раз они услышали протяжный и тоскливый вой волка. Ему ответил отнюдь не волк, а нечто другое, что, наверное, было темнее ночи и могло грохотать, как вздывавшаяся в сегодняшней битве земля.

Конан заметил испуг в глазах его людей и тихо, почти шепотом выругался, назвав их слюнтями и слизняками.

Когда они добрались до пшеничного поля, Райна остановилась и, дождавшись Конана, пошла с ним рядом.

— Боги, похоже, сегодня далеки от этих мест, — сказала она. Ее лицо было неподвижно, как маска. Казалось, что стоит ей пошевелить губами, чтобы сказать хоть слово, — и маска расколется, разлетится на куски.

Конан протянул руку, чтобы стереть запекшуюся кровь с ее щеки.

— Они никогда не бывают так близко, как нам твердят жрецы. Сегодня мы остались в живых исключительно без их помощи, готов поспорить на что угодно...

— Тсс!

Райне не пришлось на этот раз держать Конана за руку. Оба в один миг заметили: шеренга темных силуэтов выходила из леса. Самого слабого лунного света хватило, чтобы заметить мечи и копья, старую и рваную одежду, плохие доспехи и шлемы и отсутствие знамени или другого опознавательного знака.

Райна бросилась к голове колонны, на бегу отдав приказ остановиться. Воины повиновались и остановились, не избежав клацанья оружием, что должно было насторожить тех, что шли из леса.

По мнению Конана, их возможные противники были еще меньше похожи на настоящих солдат, чем некогда новобранцы второй роты. Они шли лениво и устало; время от времени кто-нибудь останавливался, чтобы хлебнуть из кожаного мешка, ломая тем самым даже подобие строя. Одни собирались в группу, как гроздь виноградных ягод, другие плелись, не в затылок друг другу, а как придется. Все это Конан подметил, пока проходил вдоль строя своих солдат, предупреждая, чтобы они хранили молчание, но были готовы ко всему.

— Я подойду к ним, когда из леса выйдут все, — сказал он Райне. — Как только увидишь, что я выхватил меч, или услышишь, как я проору боевой клич отряда графа Сизамбri, — бегом ко мне на помощь.

— Да почему же клич Сизамбri? — начала Райна, но ее слова разбились о широкую спину Киммерийца, уже шедшего вниз по склону.

Конан был не настолько глуп, чтобы не отметить по пути к незнакомцам каждый камень, каждую кочку, которые могли бы в случае необходимости прикрыть его. Таких мест было немало, так что с милостью богов...

— Ну, и как там дела вокруг дворца? — послышался голос человека, явно опустошившего не один кожаный мешок чего-то покрепче, чем вода.

Конан еще несколько мгновений молча рассматривал эту толпу человек в сто. Большинство и вправду годилось лишь на то, чтобы изображать толпу, но среди этих разгильдяев тут и там на глаза Конану попадались воины, выглядевшие как опытные наемники-профессионалы. У короля Элоикаса на службе не было наемников, а вот граф Сизамбri, между прочим, вполне мог бы...

Меч Конана вылетел из ножен и скользнул вверх, входя в горло ближайшему из наемников. В это же время Киммериец прокричал:

— Стальная рука! Вперед! Стальная Рука!

Голос Райны, ответившей ему со склона, был страшен, как голос демона, кружавшего над полем битвы и поджидающего свою добычу — души погибших. В следующий миг множество голосов подхватило ее крик, и с боевым кличем своих врагов на устах отряд Конана бросился вниз по склону, чтобы присоединиться к своему командиру.

Они подоспели как раз в тот момент, когда до противника дошло, что хотя дело и происходит вдалеке от дворца, но в бой придется вступать прямо сейчас. Кто-то, считавшийся здесь за старшего, начал отдавать приказы, и некоторые из его спутников даже старались выполнить их.

Единственную реальную опасность для Конана представляли наемники. Они кружились вокруг трупа его первой жертвы, не менее полудюжины, а может, и больше. Конану пришлось изрядно поработать мечом и кинжалом, чтобы не дать им возможности окружить его.

В этот момент люди Конана ударили по строю противника, который тотчас же рассыпался. На стороне солдат Элоикаса была скорость, склон холма, умение держать строй. У них, кроме того, еще был король — пусть изгнанный или убитый, — за которого надо было отомстить, и собственное доброе имя.

Толпа сторонников Сизамбri таяла быстрее, чем шелковая накидка танцовщицы сгорает в кузнечной печи. Бегство не стало спасением для большинства из них. Первый же удар унес десятка

два жизней. Намного больше людей распрошались с этим миром в следующие секунды, получив смертельные раны в спины. Закипела кровь в жилах у стражников, они превратились в свору собак, которую даже хозяин не может оторвать от их жертвы.

Конану пришлось нелегко. Он удерживал наемников на расстоянии, пока Райна не присоединилась к нему, зайдя к ним с тыла, как они собирались зайти к Конану. Двое погибли, почувствовав сталь клинка Райны в своих спинах, прежде чем остальные учли появление новой опасности. Оставшиеся четверо разделились: по двое на каждого из противников.

Два опытных воина — это уже не шутка даже для Конана. Особенно когда один из них ростом и мощью практически не уступал Киммерийцу. У Конана было преимущество в скорости, и он использовал его, стараясь держать обоих на расстоянии, выжидая удобного момента.

Такой момент подвернулся, когда больший из его противников оттеснил другого от Конана, собираясь нанести то, что, по его мнению, должно было стать последним ударом. Между двумя наемниками образовался разрыв, Конан ворвался в это пространство, замахиваясь кинжалом, чтобы заставить меньшего отскочить подальше от того места, где он мог быть опасен.

Хитрость удалась. Оставшись лицом к лицу лишь с одним опасным противником, Конан на-

нес удар по рукояти его меча, выбив оружие из рук неприятеля, а затем полоснул его кинжалом чуть выше запястья. Человек отступил на шаг назад, схватившись за окровавленную руку; в этот момент удар меча пришелся прямо ему в лицо. Он упал, крича и захлебываясь кровью.

Конан волчком обернулся, будучи уверен, что второй противник уже подбирается сзади. Вместо этого он увидел лишь мешанину из клинков и кулаков четырех из его солдат, обрушившихся на наемника.

— Остановитесь! — начал было Конан, хотевший заполучить хотя бы одного из наемников в качестве пленного.

— Конан! — Райна вложила в его имя мольбу о помощи, даже сейчас из гордости не добавив: «Помоги!»

Киммериец поторопился откликнуться на ее зов. Он немедленно воспользовался тем, что один из противников Райны оказался к нему спиной. В прыжке Конан схватил его за голову и сбил с ног. Человек повалился на землю с глухим звуком упавшего мешка и одновременно со звоном доспехов о камни. Оглушив его ударом головы о камень, Конан вывел несчастного из дальнейшего участия в поединке. Наконец-то Конан был уверен, что теперь у них есть пленный наемник.

Райна старалась держаться на безопасном расстоянии от оставшегося противника, так как его клинок был намного длиннее ее меча. Казалось,

что в жизни этого человека не осталось никакого смысла, кроме того, чтобы всадить это длинное лезвие в тело Райны.

С этой идеей он явно просчитался. Услышав шаги Конана, он лишь на мгновение отвел взгляд, переключив внимание, и получил удар мечом в шею. Его голова задергалась в конвульсиях, ноги подкосились, и в этот момент кинжал Райны оборвал его агонию.

Райна увидела приближающегося Конана. И улыбнулась. Правда, улыбка больше напоминала оскал волчицы, задравшей оленя. Свежие дыры и разрезы на ее одежде оставляли открытой все большую часть ее забрызганного кровью тела. Грудь поднималась и опускалась вместе с каждым вдохом и выдохом.

Она шагнула вперед и на мгновение замерла в объятиях Конана, все еще не выпуская свой меч. Потом она запрокинула голову и отбросила с лица пряди волос.

— Ну ладно, хватит нежностей, приятель, — сказала она с улыбкой. — А теперь скажи мне, почему ты решил воспользоваться боевым кличем отрядов Сизамбri?

— Если это его люди, как я предположил, то они потеряют время, гадая, кто же мы такие. Я прикинул, что наши люди смогут правильно воспользоваться этой паузой.

— Так они и сделали. Ну, а если бы это были друзья?

— Они бы предъявили доказательства и присоединились бы к нам. Или так, или же они убежали бы подальше от нас. По крайней мере, побежали бы они в сторону, противоположную дворцу. И это уже было бы неплохо. Там сейчас нечего делать людям короля. Любого из нас там ждет лишь смерть.

Конан почувствовал, как Райна вздрогнула, признав правоту его слов. Затем, поцеловав его, она отошла на шаг, сложила руки рупором и закричала:

— Эй, вторая рота! Бегом к капитану Конану! На сегодня это еще не все!

Так оно и было. «Все» — означало бы лишь гибель всего отряда. И все же — неплохо поработали! Граф Сизамбri потерял сотню человек. Да, в основном — форменный сброд, погибший, плененный или обращенный в бегство. Но может, именно эта потеря окажется решающей, чтобы сломить силу мятежника, рвущегося к трону.

В другое время Конан не потребовал бы от своих подчиненных совершить ночной марш-бросок после двух боев. Более того, раны некоторых воинов были достаточно серьезны, чтобы в нормальной обстановке не покидать постели. Кое-кого даже пришлось нести на кое-как сколоченных носилках, так как никто не решился бы оставить раненых на поживу волкам, разбойникам или на сомнительную милость людей графа Сизамбри, наверняка рыскающих по лесам в поисках тех, кто сумел уйти из дворца.

Так они и шли до самого рассвета. Под утро многие уже засыпали на ходу и могли идти, лишь положив руку на плечо идущего впереди. Им еще повезло, что их путь не лежал через самые труднопроходимые горы.

В пустой деревне, расположенной у опушки дремучего девственного леса, они встретились со стражниками, спасшимися из объятых пламенем казарм. Их было около семидесяти, в основном — сильные, не получившие ран, почти все — с полным вооружением, во главе с самыми опытными бойцами.

Сержант первой роты поднял руку, приветствуя Конана:

— Здравия желаю, капитан Конан. Жду приказаний. Вы здесь — единственный офицер королевской стражи.

Конану больше всего хотелось приказать сержантцу, чтобы его солдаты выставили караулы за оба отряда и дали возможность второй роте, от капитана до последнего в строю бойца, выспаться и отдохнуть. Но сначала он решил выслушать доклад сержанта.

Рапорт был предельно прост. Оказавшись вне дворца, сержант поискал кого-нибудь из офицеров, чтобы присоединить к нему своих людей. Не найдя никого, он взял командование на себя. Стражники построились и в походном порядке шли всю ночь. В слабом свете рассвета они и наткнулись на деревню.

— Она уже была пуста, так что мы никого не потеснили, устроившись здесь на отдых.

— Так прямо и пуста? — поинтересовался Конан. Ему сейчас не очень-то хотелось вступать в конфликт с человеком, который мог оказаться дельным помощником в ближайшее время. Но еще меньше ему хотелось воспользоваться помощью человека, грабящего собственный народ.

— Клянусь Красным Камнем!

Священный Камень, служивший подножием древнего трона Пограничного Королевства, действительно был одной из святынь страны, и мало

кто осмелился бы поклясться им, говоря заведомую ложь. Киммериец предпочел замять этот разговор, но сержант продолжил:

— Я говорю вам правду, капитан Конан. Все жители деревни ушли, унеся с собой то, что смогли. В лесу мы наткнулись на нескольких человек с пиками и копьями, которые могли быть их прикрытием. Но задержанные всячески доказывали, что не имеют к деревне никакого отношения. Мы отпустили их, и я не стал отряжать людей, чтобы они мотались по лесу вслед за этими несчастными.

— Согласен. Правильное решение.

Платя услугой за услугу, Конан пересказал злоключения второй роты.

— Уверен, что жители этой деревни сбежали, когда поблизости показалась эта толпа мерзкого сброва, которую мы потом разделали под орех. Ладно, потом вытянем еще кое-что из пленных, если повезет.

Сержант провел Конана в дом, где в углу лежал набитый соломой тюфяк.

— Вот только, похоже, в нем поселились мыши, но если нет ничего другого...

Конан решил прервать поток извинений:

— Сержант, если эти мыши или крысы не больше меня ростом, я смогу справиться с ними.

Киммериец не лег спать, пока не проверил, как обе роты разделили часы дежурства и как были расставлены часовые. Лишь после этого он

бросил сапоги и забрался под выношенное одеяло из овчины.

Его сон был крепок, хотя и не обошлось без пробуждения, впрочем, достаточно приятного. Приоткрав глаза, Конан убедился, что столь шикарное ложе делит с ним Райна. В отличие от Киммерийца, она сняла с себя не только сапоги и, словно не веря в достаточность этого приглашения, обняла его, поплотнее прижавшись к нему.

Потом оба заснули еще крепче. Когда же вдали зазвучала флейта, так далеко и негромко, что даже часовые не были уверены, что это не обман слуха, сержант решил не будить их из-за такого пустяка. Конан и Райна проснулись, лишь когда солнце стало клониться к западу.

Айбасу очень хотелось, чтобы сон, увиденный им этой ночью, выветрился из памяти. Более того, ему хотелось забыть о том, что он вообще видел какой-то сон.

Оба желания были тщетны. И он знал это. Зато его желание перейти на службу к принцессе Чиенне не было столь безнадежным, если только этот проклятый сон не лишит его остатков мужества и самообладания.

Картины из этого кошмарного видения не покидали его, всплывая время от времени,

независимо от того, чем он занимался. Сейчас он стоял перед дверью принцессы, а в его голове оживал тот момент сна, когда он сам прыгал с обрыва вслед за упавшим туда младенцем-наследником.

Он помнил свистевший в ушах ветер, поддерживавший его в воздухе и одновременно уносивший вдаль ребенка. Он уже ухитрился, чуть не вывернув из суставов руки, поймать младенца за одну хрупкую ножку. Но щупальца чудовищ тоже добрались до малыша. Стольких чудовищ, скольких не смогли бы укротить и все волшебники мира, гавкающих, вылезающих из своего зловонного болота, изрыгающих синее и рубиновое пламя и карабкающихся на скалу, чей цвет был чернее самой черной ночи...

— Принцесса Чиенна повелевает тебе зайти.

Голос и акцент выдавали жительнице деревни, уроженку окрестных холмов. Но слова вполне могли принадлежать девушке благородного происхождения, воспитывавшейся при дворе. Айбас уже поборол страх, а теперь ему пришлось бороться со смехом. Принцесса так убежденно и твердо требовала подобающего поведения, обслуживания и подчинения, что никому и в голову не приходило ослушаться.

Никому, кроме — разумеется — Звездных Братьев. Айбас пришел сюда с надеждой, что сможет заставить колдунов отказаться от некоторых из своих прихотей и прицуд.

Дверь на кожаных петлях скрипнула, впуская Айбаса внутрь дома. Грубые сальные свечи давали неровный, прыгающий свет, но неплохо освещали сидящую на привычном стуле принцессу. Сейчас на ней была женская одежда племени Поуджой, включая кожаные брюки и костяные гребни, украшавшие ее прическу. Но она сидела так, словно в приемном зале отца, принимая почетных гостей государства, будучи одетой в шелковые и шитые золотом одежды.

— Я бы сказала тебе «Добро пожаловать», лорд Айбас, если бы считала, что кто бы то ни было из служащих твоему господину заслуживает такого приветствия.

— Ваше Высочество, я бы хотел... поговорить... — Айбас посмотрел на служанку, которая, казалось, не собиралась уходить.

— Я как-нибудь попрошу ее рассказать тебе свою историю, если позволит время, — сказала принцесса, — но вкратце — она родственница одного из воинов, погибших в ночь, когда меня привезли сюда. Он, как и его товарищи, — все они погибли из-за какой-то нестыковочки в колдовстве Братьев. Так что можешь спокойно говорить при ней.

Айбас словно язык проглотил. Ничего себе! Если принцессе стало известно, что он не пытал дружескими чувствами к колдунам, не докатилось ли это и до других ушей?

— Эх, была не была. В конце концов, если тебя могут повесить и за украденную чашу вина, то если красть, тогда уж целый бочонок!

— Если я правильно понимаю, ваш сын был вскормлен грудью одной из женщин племени Поуджой. Следовательно, даже по законам равнинны, он становится молочным братом племени. А по законам горных племен, молочный брат по степени родства уступает лишь единокровному.

— Я это знаю, — сказала принцесса.

Айбас был уверен, что она тщательно скрывала свое неведение, ибо мало кто из жителей равнинны снисходил до того, чтобы хоть немного узнать о жизни горных племен, об их обычаях и законах. Если бы дело обстояло не так, Пограничное Королевство было бы более мирным местом.

Была она в курсе или нет, но роль свою принцесса исполняла великолепно. Айбас решил, что настало время следующей сцены этого спектакля.

— По законам Поуджой, молочный брат привязан к племени множеством нитей: прав, обязанностей, ограничений и привилегий. Среди всех этих законов есть один, которому следуют даже колдуны с тех дней, когда они впервые занялись своей звездной магией. Ни один человек из племени — мужчина, женщина, ребенок — никто из Поуджой не может быть принесен в жертву чудовищу. Это возможно, только если он сам выразит согласие или совершил серьезный проступок, например оскорбив колдунов.

— Грудной младенец никак не может выразить свое согласие с чем бы то ни было, — резко ответила принцесса, а затем вдруг улыбнулась: — разве что, уснув, не доводя мать и коримилицу до истерики своим плачем.

Айбас молчал, пока не убедился, что принцесса ничего больше не собирается добавить. Она не произнесла больше ни звука, но Айбас видел, как все больше напряжения появлялось на ее лице, как она ни старалась спрятать от посторонних глаз страх за ребенка.

Затем борьба за то, чтобы не показать страх, сменилась другими чувствами. Айбас мог бы прочесть все ее мысли, словно они вычерчивались в воздухе в виде огненных рунических посланий.

— Если я признаю, что принц Уррас хоть как-то связан с племенем Поуджой, это может вызвать кое у кого сомнения в его правах на трон. Многие уже боятся воцарения ребенка. И таких будет еще больше, если они решат, что он находится под влиянием какого-то племени грязных скалолазов, живущих едва ли не в пещерах. Но если я признаю этот закон и назову своего сына братом племени Поуджой, — колдуны никогда не смогут отдать его на съедение своему монстру. Их народ не простил бы такого нарушения законов. А если моего сына нельзя принести в жертву, — то и главное оружие против меня окажется бессильным.

— Именно так, — прошептал Айбас в знак согласия с решением принцессы. Сама она быда в безопасности до тех пор, пока граф Сизамбri намеревался вступить с ней в брак. А вот ее сын — наследник престола и конкурент — был в любом случае в худшем положении.

Не произнеся ни слова вслух, Айбас молился, чтобы она поняла, что это решение — верный способ улучшить ситуацию.

— Обычай Поуджой всегда были почитаемы мною и моим отцом, — принцесса говорила, словно обращалась к целому сонму придворных, — и я лишь могу сказать, что будет разумно и естественно провозгласить моего сына молочным братом племени Поуджой. Он будет пользоваться всеми правами мальчишки его возраста, предоставляемыми вашими законами, а когда придет время, приступит к исполнению своих священных обязанностей.

Со служанкой творилось что-то странное. Айбас даже испугался, но вдруг увидел, что она просто пытается всеми способами сдержать хохот. Вид принцессы, королевской дочери, взывающей к чести горного племени, — это было для нее чересчур.

— Госпожа... Э-э...?

— Мисса, — ответила женщина, когда сообразила, что Айбас обращается к ней, а затем, подумав, добавила в тон уже сказанному:

— Я буду свидетелем принесения этой клятвы. И чтобы она не была нарушена, я готова

убеждать, стоять насмерть и даже пролить кровь.

Айбас не решился показаться невежливым и не стал спрашивать, чью именно кровь готова была пролить служанка. Кроме того, он не хотел показать и свое невежество относительно традиций и обрядов Поуджой, из которых он выудил только то, что могло спасти принца Урраса.

— Отлично, — сказал Айбас. — Я же, в свою очередь, клянусь донести это до всех, кто чтит законы племени, чтобы они узнали о принесении клятвы принцессой, как того требует традиция. От себя лично клянусь расценивать принца Урраса как брата племени Поуджой отныне и впредь.

Эта клятва могла помочь избежать выполнения прямых указаний графа Сизамбri по поводу судьбы наследника. Хотя, честно говоря, Айбас не очень опасался таких указаний в ближайшее время. Он был достаточно наслышан о ране графа, чтобы быть уверенным в том, что этот человек еще долго будет командовать и приказывать только ночному горшку. Более того, он мог и вовсе умереть.

Тогда благорасположение принцессы Чиенны будет для Айбаса далеко не лишним. Граф раньше ввергнет страну в окончательный хаос, чем сможет захватить власть. А идея переждать этот хаос где-нибудь в другой стране — вряд ли придется по душе местной знати.

Завершив визит самой замысловатой почтительной фразой, Айбас вышел на улицу. Стояла глубокая ночь. Прежде чем его глаза снова привыкли к темноте, он дважды чуть не упал.

К счастью, кошмарный сон больше не преследовал его. Это было добрым знаком, ставшим приятной неожиданностью. Может быть, он наконец-то попал в милость к богам?

Возможно, что и так. Но Звездные Братья были куда ближе, чем боги. Убедить их — задача потруднее, чем втолковать то же самое Чиенне. Поднимаясь по деревенской улице, он начал повторять про себя обращение к колдунам.

Он так увлекся этим делом, что еще два раза чуть не расквасил себе нос. Виллу он просто не заметил, словно она вдруг стала невидимой. И даже раскат дьявольского грома не смог оторвать его от своих мыслей.

Конан превратил следующие двое суток в сплошной марш-бросок для своих стражников и для людей Райны. Он сквозь пальцы смотрел на то, что каждую ночь несколько человек исчезали под покровом темноты. Иногда это происходило и днем, когда густая чаща могла быстро и надежно скрыть дезертиров.

Райну бесило как дезертирство, так и явное равнодушие Конана.

— Если так и дальше пойдет, то дней через десять у тебя останется лишь горстка ветеранов.

— С нами останутся твои люди.

— Естественно, — выпалила Райна и прикусила губу.

Но Конан, по своему обыкновению, не обиделся на язвительное замечание в свой адрес, соответствующее истине. Еще несколько дней скитаний по горам — и предсказание Райны сбудется в полной мере.

— Нам некуда идти, пока мы не узнаем, сумел ли Декиус вывести короля из дворца, — сказал Конан. — Люди понимают это. Кроме того, они понимают, что если граф победит, то любому числившемуся в королевской страже жить останется немного, но смерть его будет долгой и мучительной. Тот, кто направился домой, чтобы собирать урожай и стать мирным крестьянином, если и не спасет себя от ищек Сизамбри, то хотя бы поможет семье.

Киммериец не стал говорить Райне, что она должна была все это продумать сама. Кому, как не ей, дочери боссонского крестьянина, знать, что лишняя пара рук в период уборки урожая могла спасти целую семью от голодной смерти зимой.

Через несколько мгновений Райна, смутившись, в замешательстве, положила ему руку на плечо:

— Прости меня, Конан. Я как-то не подумала об этом.

Вдруг она улыбнулась и подмигнула:

— Ты так застыдил меня, что я теперь и не знаю, как дальше смогу отдавать приказы людям, которых сама завела в эту дыру.

— Ну так собери их и отведи обратно, откуда вы пришли. Чего проще, а? — спросил он, шлепая ее по мягкому месту. — Да они за тобой — хоть в огонь, хоть в воду. Не понимаю, и чего они в тебе только нашли?

Однако Конан не сделал вид, что не слышит, когда несколько солдат заговорили о том, что можно было бы кое-чем поживиться в деревнях и на хуторах.

— И думать не смейте об этом. По трем причинам. Первое: нам нужны хорошие отношения с селянами, если мы не хотим, чтобы они с жалобами рванулись к Сизамбри, сообщая ему, где мы находимся. Во-вторых, мы еще сможем продержаться, охотясь, ловя рыбу, собирая ягоды, — хотя бы еще немного.

— Сколько еще держаться? Пока короля не найдем, что ли? — спросил кто-то из-за спин товарищей.

— Да, короля или его могилу, — спокойно ответил Конан. — До тех пор, пока Элоикас жив, наша присяга обязывает нас служить ему. Если он мертв, та же присяга обязывает нас спасти наследника и возвести его на трон.

Гробовое молчание встретило эти слова капитана. Было так тихо, что хрустнувшая ветка показалась огромным деревом, упавшим на сухие кусты.

Конан положил ладонь на рукоять меча и продолжил:

— И наконец, третья причина, по которой вы оставите крестьян в покое. Тот, кто только попробует сделать что-либо подобное, будет иметь дело со мной и моим старым приятелем.

Одним плавным движением меч вылетел из ножен, со свистом описал дугу в воздухе, блеснув на солнце, и неслышно скользнул обратно на свое место.

Отряд отправился дальше в еще более мрачном настроении. Даже Райна казалась потрясенной жесткими словами Конана.

— Слушай, неужели ты и вправду задумал... — начала она.

— Тсс! — Он прижал палец к ее губам и замедлил шаг, отстав настолько, чтобы никто не мог слышать его.

— Да почему бы и нет, во имя Крома! Если Элоикас мертв — младенец становится королем Пограничья. Он заслуживает лучшей резиденции, чем Поуджой. Если Элоикас жив, то Сизамбри все равно имеет перед ним непреодолимое преимущество, пока его дочь и наследник находятся в лапах колдунов.

Конан не уточнил, что стал бы рисковать жизнью даже ради того, чтобы вытащить последнюю посудомойку или безродного сопляка из этой ловушки. Оказаться в руках колдунов из Поуджой — такого благородный человек не пожелал бы и злейшему врагу.

— А если Сизамбри погиб?

Конан покачал головой.

— А если жив? Разве его люди не отправятся на поиски нас по всем окрестным лесам?

— Мы даже не знаем, сколько людей он потерял, — сказал Конан. — А кроме того, хоть меня и тошнит при одном упоминании об этом сыне последнего кушанского конокрада, но я точно знаю одно: убить его — ой как непросто!

Райна скорчила гримасу:

— Да ты просто от гордости ломаешься, изрекая как что-то новое само собой разумеющиеся вещи.

Дальнейшие претензии замерли на ее губах. Тихо-тихо, далеко-далеко, но... ошибки быть не могло — они ее слышали.

Флейта!

Рука Конана снова потянулась к мечу, но на этот раз клинок не покинул ножен. Вместо этого Киммериец сделал глубокий вдох и после паузы выпустил воздух с такими громовыми проклятиями, что эхо долго еще не могло успокоиться, блуждая от холма к холму.

— Ну, покажись, ты, шут со свистулькой! Покажись, козлиная шкура! Покажись, покажись в своем истинном обличье, если оно у тебя есть! Только покажись!

Вилобородый Брат пристально смотрел на Айбаса. Лицо колдуна выражало все возможные человеческие чувства, кроме одного — удивления.

Айбас не молился. Молиться добрым богам в этом вонючем, насквозь пропитанном запахом чудовища гроте, — сама мысль об этом была святотатством. Айбас только мечтал, чтобы желудок не подвел его.

Если аквилонец раньше и сомневался в том, что колдуны едят мясо чудовища, то теперь все сомнения были развеяны. Куски, валявшиеся по темным углам грота, запах, который душил его при каждом вдохе, — всему этому не было другого объяснения.

Сдавило живот, перехватило дыхание, — но на этот раз боги даже без лишних просьб проявили милосердие. Колдун уставился на крышку грубо сработанного дубового стола перед собой, выжидая, когда Айбас сможет справиться с подступающей тошнотой и взять себя в руки.

Когда он снова посмотрел на аквилона, в его глазах смешались ярость и чувство боли от поражения. Его руки кружились над столом, заставляя кататься и подниматься в воздух бронзовый шар. Неожиданно шар соскочил на пол и покатился к ногам Айбаса, которому стоило немалого труда удержаться и не отскочить, когда шар коснулся его кожи.

— Айбас, — обратился к нему колдун, не прибавив титула «lord». Имя, произнесенное само по себе, да еще таким тоном, уже звучало, как проклятие.

— Я здесь, Звездный Брат, жду твоих приказаний.

— Ты... да я... тебя... — Ярость и раздражение комом встали у колдуна в горле; он был вынужден замолчать, чтобы перевести дух. Айбас хотел было извиниться за непреднамеренно нанесенное оскорбление (он и сам не знал, в чем оно на этот раз выразилось), но счел за лучшее промолчать. Он не был уверен, что сможет подобрать нужные слова, сохраняя при этом подобающее выражение лица.

Никто не мог собраться с духом и нарушить затянувшееся молчание. Айбасу померещилось, что в тишине он услышал, как затрещали камни в стенах грота, и он представил себе, что сейчас воды озера вместе с чудовищем ворвутся в грот и...

— Айбас, — снова выдавил Вилобородый, — говорил ли ты с кем-нибудь о том, что, по нашим

законам, принц Уррас стал молочным братом племени Поуджой?

— Ни одному живому человеку, кроме принцессы и ее служанки, я ни слова не сказал об этом. Я не знаю, кому и что могли разболтать женщины, но за свой язык я отвечаю и готов поклясться любой клятвой, которая покажется тебе достойной доверия.

— Никакая твоя клятва не является убедительной для меня. Ты ведь — не один из Братьев. — Колдун, похоже, говорил просто для того, чтобы не стоять молча, в растерянности. Вдруг он резко сел и стал теребить бороду пальцами обеих рук.

— Может, ты и не виноват... но твои... сама мысль об этом... этот закон... как это стало известно воинам Поуджой? Они теперь не расстанутся с этой мыслью. Они ждут появления на троне Пограничья короля, — молочного брата племени Поуджой.

Он не стал добавлять, что теперь они ни за что не отдадут его в жертву чудовищу. Да этого было и не нужно. Его мысль висела в тяжелом воздухе грота и словно удары гонга проникала в сознание Айбаса.

Чтобы хоть что-то ответить, Айбас заговорил, опустив голову:

— Я всегда был рад наблюдать мир и сотрудничество Братьев и воинов. Поуджой смогут обрести величие, если правая и левая рука племени будут держать одно и то же оружие.

Во взгляде, брошенном колдуном на аквилонца, смешались подозрение и насмешка. Затем колдун встал и произнес:

— Ты говоришь разумные вещи. Воины — наша правая рука. А если правая и левая рука будут ссориться между собой, то долина останется беззащитной перед врагами.

Может, это и было сказано просто для красного словца. Но Айбас подумал, что в этих словах был заложен особый смысл.

Со дня штурма дворца он не получил ни одного известия от графа. Не слышал он, чтобы и кто-нибудь другой получил хоть что-то.

Может быть, Сизамбri и вправду не дожил до своей уже состоявшейся победы? Или какое-нибудь заклинание магии флейты встало на пути между графом и Братьями? Никто ведь не знал, какие чары и какие силы мог использовать этот проклятый Мэрр.

— Принц Уррас становится братом народа Поуджой, — выдавил наконец из себя Вилобордый. — Это должно быть оглашено во всеуслышание. Иди с миром, Айбас, но последи за своим поведением, а еще больше — за своим языком. Не забывай, что ты не кровный и не молочный брат никому на свете, кроме последней вшивой суки, выкормленной...

Колдун посвятил еще некоторое время перечислению всех тех грязных и противных животных, с которыми, по его мнению, Айбас состоял

в самом близком родстве. Айбас исполнил приказание идти с миром и с глубоким достоинством прослушал большую часть своей родословной, даже не рассмеявшись.

Лишь пройдя большую часть пути до своего дома, он не выдержал и захохотал. Приступ смеха был настолько силен, что он был вынужден остановиться и едва не рухнул на землю, согнувшись от хохота пополам. Отсмеявшись, он сразу же почувствовал, что мысли в голове пришли в относительный порядок.

Кто же мог так удачно поддержать его военную хитрость, его уловку, рассказать все, что нужно, воинам племени. Он не знал никого, кому мог бы доверить такие опасные сведения без риска, что собеседник донесет на него Братьям. Принцесса? Вряд ли и она могла очень доверять здесь кому-нибудь. Она была очень проницательной и мудрой женщиной, да-ром что годилась Айбасу в дочки. Но неужели настолько проницательной, что разобралась в расстановке сил и интригах племени всего за несколько дней пребывания в Поуджой в качестве пленницы? Айбас сильно сомневался в этом.

Вдруг в его голове громом прокатилось то самое имя: «Вилла!»

Это она все слышала, при помощи магии или просто, подслушав в нужном месте и в нужное время. Ее отец был не из последних среди воинов,

несмотря на уже солидный возраст. Он наверняка выслушал ее, а потом поделился с верными друзьями. Вооруженные законом и обычаем, воины могли обрести серьезное преимущество, чтобы противостоять Звездным Братьям и довершить дело, начатое Виллой.

Айбас встал на колени, возложив одну руку на ствол ближайшего дерева, а вторую положив на сердце. В первый раз с тех пор, как он покинул Аквилонию, он поклялся по всем правилам, так, как его научили в детстве.

Он поклялся не произнести ни одного слова и не сделать ничего, что могло бы нанести вред Вилле; он будет оберегать ее от дурных слов и поступков других людей. Он никогда не прикоснется к ней без ее согласия и не позволит другим сделать этого.

Если же он нарушит свою клятву, то пусть его жизнь оборвется в этой долине и пусть его душа не услышит ни одной заупокойной молитвы, ни единого доброго слова.

Шел четвертый день после падения дворца и исчезновения короля.

Появлялись все новые слухи о судьбе графа. Говорили, что Сизамбри умирает, уже умер, что его заколдовали, что он ранен, болен или и то и

другое вместе. Конан громко комментировал малую правдоподобность этих слухов и ненадежность их источников, чтобы не вселять в своих солдат напрасную надежду.

С Райной наедине он говорил более свободно:

— С Сизамбри и с его планами явно что-то не так. Готов поспорить на свое мужское достоинство. Но что с ним, и какую пользу мы можем из этого извлечь?.. — Он развел руками.

Райна соскочила с валуна, на котором точила свой кинжал, и сказала:

— Уж слишком серьезная ставка. Что же я буду делать, если ты вдруг проспоришь?

— А Декиус? Ты что, совсем забыла о нем?

— Знаешь что, женщина может помнить и думать о дюжине мужиков, Конан. Но спать она может только с тем, кто сейчас рядом.

Конан положил руку на плечо Райне, но та увернулась и бросилась вниз по тропе. Обернувшись, Райна крикнула:

— Там, чуть подальше, где ручей поворачивает, есть небольшое озерцо. Сначала давай искупаемся.

Райна побежала первой, но длинные ноги Конана быстро сократили расстояние до нее. К озеру они прибежали бок о бок, рука Конана обнимала Райну за талию.

Они, разбежавшись, бросились в воду, и в этот миг Конану показалось, что он услышал чьи-то шаги. Он оторвал взгляд от плечей и

груди Райны и осмотрел деревья, вплотную подступавшие к берегу.

Ветер, дувший с гор, шевелил кроны деревьев. Но Конан был почти уверен, что услышал не порыв ветра и не обычный звук леса. Хотя, быть может, олень, которого они спугнули своими громкими голосами и плеском.

На всякий случай Конан проверил, на месте ли его острый кинжал, привязанный к голени, и легко ли он вынимается. Райна подплыла к нему, и Киммериец почувствовал, как ее руки обвились вокруг его шеи. От неожиданности он потерял равновесие, и они со смехом окунулись в теплую прозрачную воду.

Отфыркавшись и покрутив головой, Конан вдруг прочел в глазах Райны, что настало время заняться чем-то другим. Он прижал ее к себе, а сам поиском глазами удобное место на берегу, где было бы побольше мягкой травы. Он уже выбрал, куда нести свою подругу, как вдруг увидел нечто, что выкинуло из его головы всякую мысль о том, чтобы позаниматься любовью.

На ковре из осыпавшейся хвои стоял человек. Трудно было бы описать его внешность. Конан только отметил, что незнакомец был ниже его ростом и поуже в плечах, как, впрочем, и большинство людей.

Его одежда было необычной: свободная туника и еще более широкие брюки из домотканого

полотна, покрашенного как-то по-шутовски — вперемешку зеленые и коричневые пятна. С одного плеча свисал кожаный мешок, а в левой руке незнакомец держал старый высохший посох.

Похоже, он был безоружен. Но на его поясе висело то, что привлекло и удерживало взгляд Конана. Набор флейт. Семь штук: самая маленькая — длиной не больше пальца, самая большая — примерно в две ладони. Они были искусно вырезаны из какого-то темного дерева, опоясаны серебряными кольцами и заканчивались серебряными мундштуками. Кольца блестели, отражая солнце, а при движении мелодично позванивали.

— Я приношу свои глубокие извинения, если своим появлением застал вас врасплох. Меня зовут Марр-Флейтист.

— Это я и так вижу, — пробурчал Конан. Он медленно продвигался к берегу, стараясь не сделать ни одного неосторожного резкого движения, которое могло бы встревожить или заставить насторожиться незнакомца. Кинжал все еще был скрыт под водой.

Райна помогала ему, как только может это сделать обнаженная женщина. Она даже не попыталась прикрыть свою наготу и стояла по пояс в воде, выжимая воду из волос. У нее не было при себе оружия, но такая женщина была отлично вооружена даже без единого клинка или

полоски стали доспехов, как и без единого лоскута ткани на теле.

И если свое тело мужчина мог обезопасить от ее оружия, то что касается мыслей и чувств...

Конан добрался до берега. Одним движением он выскочил из воды и схватил меч. Марр все это время наблюдал за ним.

— Это не нужно, — сказал он, кивнув на меч.

— Не нужно или бесполезно?

— Непохоже, чтобы ты хоть раз в жизни считал эту штуку бесполезной.

— Да, и даже если ты волшебник и водишь шашни с...

— Кто бы я ни был, я не враг ни тебе, ни твоим друзьям.

Конан не опустил меч, но, когда он снова заговорил, его голос был менее жестким:

— Неплохо было бы, чтобы ты кое-что объяснил.

— Если у нас будет время, потом, когда...

— Или сейчас, или проваливай отсюда.

Флейтист перевел взгляд с Конана на Райну и, найдя в ее лице не больше благосклонности, чем на лице Киммерийца, кивнул:

— Хорошо. Вы были свидетелями кое-какой моей работы. А не так давно я услышал, как ты, Конан, звал меня, чтобы увидеть во плоти и наяву.

— Что?! — Слово, словно стрела, одновременно вылетело у Конана и Райны, отразившись эхом от скал.

Марр покачал головой:

— Если вы собираетесь и дальше перебивать меня через слово, — мы здесь проторчим слишком долго. Излишне долго, вместо того чтобы я повел вас к Декиусу и королю.

На этот раз и Конан и Райна промолчали. Они лишь посмотрели друг на друга, а затем на Марра. Когда Конан убедился, что и он и Райна слышали и видели перед собой одно и то же, он кивнул ей. Она вылезла из воды, вся покрытая скатывавшимися серебряными каплями. Конан пододвинул к ней поближе ее меч, а сам собрал и натянул свою одежду, пока она стояла настороже. Затем то же проделала Райна.

Когда оба были одеты, они обнаружили, что все это время Марр сидел неподвижно, словно каменный. Только легкая улыбка, игравшая на его губах, выдавала, что перед ними не изваяние, а живой человек.

Конан убрал меч в ножны и обратился к Марру:

— Как видишь, мы не собираемся торчать тут дольше, чем нужно. Итак, ты сказал, что король и Декиус в безопасности?

— Я сказал, что они живы. Но про безопасность я ничего не говорил. И я ничего не знаю об опасностях, которые, вполне возможно, угрожают им.

— Слушай, волшебник ты или нет, будь так любезен ответить честно еще на один вопрос. И тогда мы, быть может, заключим сделку, идет?

— А какую сделку ты предлагаешь?

— Сначала ответь на вопрос, — прохрипел Конан. Люди, говорящие загадками, нравились ему почти так же, как колдуны.

— Что ж, спрашивай, и я отвечу. — Даже в голосе флейтиста было что-то похожее на музыку, отличающееся от всех голосов, — мужчин, женщин, детей, — когда-либо слышанных Конаном.

— Скажи, ты умеешь читать мысли?

— Если человек хочет, чтобы я их прочел, — то да. Так и получилось, когда ты просил меня показаться. Такие мысли мне удается прочесть даже на некотором расстоянии.

— А если человек хочет, чтобы его мысли оставались только при нем?

— Такие мысли я не читаю.

Что-то в интонации Марра давало понять, что под этим «не читаю» скрывается скорее «не стану читать», чем «не могу».

«Да и черт с ним, пусть делает что хочет», — подумал Конан. — Надо же хоть в чем-то доверять друг другу. Лишь бы этот лесной чудодей вывел их к Элоикасу и Декиусу.

Конан отжал из своей черной шевелюры последние капли воды и, прикинув что-то в уме, сказал:

— Если ты не солгал, то вот о чем я тебя попрошу. Ты отведешь нас к королю и Декиусу. Поведешь отряд, как будто ты простой

охотник, или дровосек, или еще кто-нибудь, кто хорошо знает эти места. И ни звука, ни намека на всякую магию, понял? А это значит, что ты спрячешь подальше свои проклятые дудки!

— Тяжелые условия, Киммериец.

— Со мной больше сотни отличных ребят. И я не хочу, чтобы, узнав тебя, они потеряли присутствие духа. Я, конечно, не знаю пределов твоей силы, но нам вполне хватило того хаоса, который ты устроил во дворце.

— Я думаю, что мне еще придется продемонстрировать свою силу раньше, чем мы доберемся до Декиуса. А что ты собираешься сказать обо мне, когда встретишься с королем?

— Расскажу все как есть, дальше — их дело, пусть сами решают.

По лицу Марра было видно, что такой ответ не вполне его устраивает. Конан задумался, а знают ли Элоикас и Декиус об этом человеке что-нибудь, что ему не было известно. Скорее всего, да. Но они ничего не смогут рассказать ему, пока он не найдет их лагерь, доверив свою судьбу этому флейтисту.

Марр подумал еще немного и кивнул головой. Сняв с плеча мешок, он вынул из него нож, немного хлеба и полотняный мешочек с вышитыми голубой нитью руническими письменами. Завернув флейты в мешочек, он разрезал хлеб и протянул по куску Конану и Райне.

— Если это для того, чтобы мы чувствовали себя обязанными... — начала Райна.

— Ну, разумеется... Да, кстати, соль. — Марр протянул руки перед собой, ладонями вверх. В мгновение ока обе ладони стали белыми от кристалликов соли. Он посолил хлеб и движением руки предложил приступить к еде.

Конан откусил хлеба, но кусок чуть не застрял у него в горле. Если этот человек мог из ничего добыть соль, то много ли толку от того, что его заставили спрятать флейты?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Граф Сизамбri проснулся от ставшей уже почти привычной мучительной боли. Он все еще был очень слаб, его сил хватало только на то, чтобы невнятно отвечать на вопросы врача. Ему стоило больших усилий не кричать и не стонать, когда неумелые руки солдат переворачивали его, как какой-то мешок, чтобы переодеть его или поменять простыни.

Подкрепив силы чашкой мясной похлебки и притупив боль глотком макового сиропа, граф снова лег и лежал, словно в забытьи. Так он делал для того, чтобы окружающие говорили при нем все, что думали. Иначе ни от врачей, ни от охраны правды не добьешься.

То, что он услышал, было далеко не утешительным. Похоже, что он дней пять провался без сознания. Рана была тяжелая и заживала не так, как обычно заживают раны такого вида.

Никто ни разу ни словом не обмолвился о колдовстве. Сизамбri надеялся, что это не из-за боязни перед самим словом. Видимо, врачи и вправду не находили никаких следов колдовства или чародейства в случае с его ранением. Это даже к

лучшему. Графу не хотелось бы обращаться к колдунам из Поуджой, так как он вовсе не собирался запугивать магией своих людей.

Сизамбri понимал, что, даже когда он выздоровеет, ему предстоит более долгая война, чем он предполагал раньше. Король, капитан-генерал Декиус со своим отрядом и еще один сборный отряд смогли уйти из дворца. Волшебство, заставившее вздышаться землю, дало им эту возможность.

По правде говоря, оба отряда, даже взятые вместе, — это всего-то несколько сот человек. Но они уже наголову разбили одну из его рот, возглавляемую опытными наемниками, которую Сизамбri собирался использовать для того, чтобы держать в страхе крестьян и грабить деревни. Сейчас основные его силы были заняты тем, что занимали и охраняли руины дворца и прочесывали его окрестности.

Там, где появлялись его люди, местное население не всегда было верно Элоикасу. Но после того, как в их деревнях побывали войска графа, они становились на сторону короля.

Граф прикидывал, как он мог бы усилить свои войска. Можно было собрать под свое знамя всех мужчин, от мальчишек до стариков, во всех подчинявшихся ему селениях. Не так уж много от них толку — от них и от их гнилых луков и ржавых ножей и мечей, — но так можно было убить сразу двух зайцев. Во-первых, держать их всех под наблюдением, что безопаснее, чем оставить

недоброжелателей на свободе в их родных местах. А во-вторых, обезопасить себя от того, что они могут присоединиться к отрядам Элоикаса.

Другой способ усилить свои ряды — это наемники. Слух о хороших деньгах, которые платят за службу у графа Сизамбri, быстро разлетится по всему Пограничью и другим странам. Так что в желающих повоевать недостатка не будет.

Но они захотят не только воевать. Им нужно будет платить золотом, а его-то как раз у Сизамбri не было и не будет, пока он не доберется до сокровищницы короля Элоикаса.

Стон вырвался из груди графа. Это не был стон боли от раны. Сизамбri стонал от ярости, от бессилия: эта рана отбрасывала его от победы, от трона почти к самому началу борьбы. Сколько же еще он будет прикован к кровати! Дождаться бы только момента, когда долгие переходы в носилках будут безопасны для него. Только немедленное продолжение войны может спасти его дело и воодушевить преданных ему людей на борьбу с его противниками, с мечом в руке.

Он снова застонал, но уже тише, почти неслышно для других. Наверное, лекарства начинали действовать, вытесняя из его мозга тяжелые мысли. Граф заснул, надеясь, что сон, как лекарство, приблизит его к выздоровлению.

Капитан-генерал Декиус проснулся в своей палатке, разбуженный шумом, поднятым часовыми. Первое, что пришло ему в голову, — что Сизамбri сумел разыскать их лагерь и теперь гнал своих людей на последний отчаянный штурм.

Декиус вынырнул из постели, накинул брюки, а в остальном ограничил свой наряд шлемом и мечом. Зацепив ногой за растяжку палатки, он чуть не опрокинул на себя все сооружение.

После этого он стал двигаться чуть более осторожно, но никак не менее быстро. Солдаты его отряда, примкнувшие к ним стражники и вооруженные дворцовые слуги — все так быстро и бодро занимали свои места в строю и на подготовленном рубеже, словно большинство из них и не провело ночь бодрствуя — дежуря или выполняя лагерные работы. Место Декиуса, их командира, было впереди всех.

Он одним из первых оказался на самом дальнем от лагеря изгибе тропы. Остановившись, он долго всматривался в даль, даже успев озябнуть на прохладном ветру, обдувшем его голый торс. Подозревав одного из часовых, он приказал ему передать королю, что недалеко от лагеря обнаружена большая группа незнакомых вооруженных людей. Разведчики будут высланы немедленно, все люди на своих местах и готовы к бою. Он не стал добавлять, что собирается сам возглавить разведку. Король просто-напросто

запретил бы ему это делать; Декиус только потерял бы драгоценное время и упустил бы шанс получить информацию самому, а не через вторые руки.

— И это все? — удивленно переспросил послынный.

Декиус собрался было отчитать солдата, но взял себя в руки и спокойно добавил:

— Скажи королю, что, как только мы выясним что-нибудь более конкретно, мы в тот же миг известим его...

Вдруг Декиус открыл рот от изумления, оборвав себя на полуслове. Надо сказать, что и у многих других в этот момент тоже отвисли челюсти.

Командир второй роты дворцовой стражи капитан Конан собственной персоной появился на тропе, выглядя изрядно пообретавшимся, похудевшим, но здоровым и готовым к бою. Раздававшиеся за его спиной шаги и бряцание металла, а также двигающиеся в предрассветных сумерках силуэты — все это говорило Декиусу, что Конан добрался до них не один.

Декиус собрал в кулак свои чувства.

— Ну, капитан Конан, надеюсь, что вы... — Он решил что продолжение в тоне: «наконец прекратили бегать от противника» — будет смертельным оскорблением, а возможно, и ложным обвинением. Поэтому он ограничился следующим: — Вы, я полагаю, пришли, чтобы дать некоторые объяснения по поводу вашего поведения.

— Безусловно, и более того. — Казалось, из-девка, звучавшая в голосе Декиуса, отскочила от Конана, как стрела, пущенная детской рукой, от стены замка. — Мое поведение в эти дни привело к тому, что мы в пух и прах разнесли один из отрядов Сизамбri, а также кое-что еще, о чем не следовало бы говорить на глазах у подчиненных. Когда я расскажу вам все, полагаю, что вы сочтете мои объяснения достаточными.

Декиус признался себе, что верит Конану. И не только из-за его самоуверенного тона. До королевского лагеря доходили слухи об уничтожении отряда наемников и о тяжелейшей ране, полученной графом Сизамбri в бою у дворца.

Один из стоявших за Конаном подошел поближе. Человек снял шлем — и по его плечам рассыпались длинные локоны. Сердце Декиуса екнуло в груди, он даже не смог скрыть волнения, захлестнувшего его.

— Добро пожаловать, госпожа Райна.

Ее улыбка заставила сердце капитан-генерала снова сжаться. Вдруг из рядов людей Конана вышел вперед человек в зелено-коричневом одеянии с кожаной сумой через плечо и с посохом в руке. Судя по тому, как расступились солдаты, Декиус решил, что этот человек был очень полезен отряду Конана в дни скитаний по лесам.

— Это — дровосек, из местных; он вывел нас к вашему лагерю, — сказала Райна.

— Он знал, где мы? — воскликнул один из часовых, протягивая руку за стрелой.

— Спокойно, — отрезал Конан, — этот дровосек — человек, верный королю. Ни раскаленные щипцы, ни дыба не вырвут из него нашего секрета.

Декиус почувствовал, что это заявление Конана соответствует истине. Более сомнительным выглядел этот человек в роли дровосека. Но Декиус счел разумным не пускаться в выяснения перед всеми присутствующими.

Капитан-генерал окликнул часового:

— Беги к Его Величеству. Сообщи ему, что Конан, капитан второй роты стражи, прибыл вместе с оставшимися в живых солдатами и никак не просит позволить припасть к ногам своего повелителя.

Часовой со всех ног бросился выполнять приказание, а Декиус вновь принялся рассматривать «дровосека». Это было далеко не столь приятное зрелище, как лицо и фигура Райны, но что поделаешь, долг превыше удовольствия. По виду «дровосека» можно было предположить, что ему не впервые стоять вот так, перед оценивающими взглядами, как выночный мул или тюк ткани на базаре.

Он так иостоял почти неподвижно под пристальным взором Декиуса, пока не вернулся часовой с известием о том, что король призывает их к себе. К этому времени Декиус был вынужден

признаться себе, что этот человек вряд ли расскажет больше, чем захочет. Значит, следует поутивее обращаться с ним, да и с Конаном, если, конечно, тот не совершил чего-нибудь непростительного. Вежливое обращение должно открыть рот и самому упорному молчальнику.

Палатка короля Элоикаса имела три стены и крышу из плотной ткани, укрытой травой и ветвями деревьев так, что полностью сливалась с окружающим лесом. Четвертой, задней стеной служила отвесная часть огромной скалы. В скале была узкая щель — проход, который предназначался для отступления короля в случае крайней опасности при захвате лагеря врагом.

По мнению Конана, этот проход мог стать дорогой лишь к более быстрой и менее мучительной смерти для Элоикаса. Киммериец сомневался, что слабое сердце уже немолодого человека сможет выдержать долгое карабканье по склонам гор.

Когда Конан последний раз видел короля, тот едва выглядел на шестьдесят лет. Сейчас ему можно было дать куда как за семьдесят. Его руки настолько похудели, что казались прозрачными. Белый налет покрывал его губы, да и каждый вздох сопровождался болезненным покалыванием в груди и хрипом в горле.

Но он все еще приказывал, что обрадовало Конана. Киммериец рассказал о своих приключениях коротко, чтобы не утомлять короля. Как бы он ни поступил и как бы это ни было расценено другими, Конан считал, что рассказ Марра будет серьезным доказательством правдивости его слов и правоты его действий.

Декиус, как подозревал Киммериец, был другого мнения о похождениях Конана. Конечно, не было смысла сомневаться в верности капитан-генерала королю; этот человек столько сделал для Элоикаса и так упорно сражался за него, что вряд ли можно было заподозрить его в каком-либо предательстве.

Коротко состояние Декиуса можно было бы передать следующим образом: разбитое женской сердце и яростное желание найти возможность унизить соперника. Мужчина из ревности может нанести столько же вреда, сколько не нанесет самое коварное предательство. Конану это было хорошо известно: не будь так, он сейчас бы продвигался по служебной лестнице туранской армии, а не мотался бы по неприветливым горным лесам Пограничного Королевства.

Капитан-генерал молча выслушал Конана, затем подождал, пока король задаст тому несколько дальних вопросов. Если тело Элоикаса и ослабело, то разум по-прежнему был остр и цепок.

— Нам кажется, что ты неплохо выполнил свои обязанности, и твой воинский талант, боевое

мастерство и верность нам не подлежат сомнению, — подвел итог беседы Элоикас. — Лорд Декиус, имеете ли вы что-нибудь добавить к сказанному нами об этом достойном похвалы Киммерийце?

Декиус не прочь был бы много чего добавить по поводу достойного Киммерийца. Но церемонность, интонация королевского голоса и, конечно, здравый смысл офицера сделали свое дело.

— Нет, Ваше Величество. Вряд ли кто-нибудь сделал бы столько, сколько сделал капитан Конан.

— Благодарю вас, мой господин, — сказал Конан с подчеркнутой вежливостью. — Ваше Величество, лесоруб, приведший нас сюда, сейчас находится рядом с палаткой вместе с госпожой Райной. Могу ли я получить ваше высочайшее позволение пригласить их сюда? Я полагаю, что королю будет сподручнее самому выслушать рассказ лесоруба.

Повествование оказалось намного короче, чем ожидал Конан. Просто-напросто Марр вошел в палатку с флейтами, висящими на поясе. Конан только услышал, как икнул Декиус, и увидел округлившиеся от удивления глаза короля.

— Я полагал, что моя персона не настолько популярна, — сказал флейтист, спокойно сидясь в присутствии короля, не спрашивая разрешения, — оказывается, мои сведения были неточны.

— Твои флейты стали легендой в этой стране, еще когда не родилась моя дочь, — сказал Элоикас.

Он пытался сохранить одновременно непринужденность и официальность. Но от Конана не ускользнуло прозвучавшее «моя» вместо привычного королевского «наша».

— Да и сам ты тоже стал персонажем легенд и сказок, — добавил Декиус. — Что же привело тебя сюда? Учи, что твоя магическая сила разнесла полдворца и похоронила немало королевских воинов. Так что в твоих интересах дать вразумительный ответ.

— Он ничего не ответит, пока ты не замолчишь. — Взгляд Райны встретился со взглядом Декиуса, и офицер первым, не выдержав, опустил глаза.

Марр вздохнул. Это был, пожалуй, самый человечный из изданных им звуков за те дни, пока Конан был с ним рядом.

Он дотронулся до своих флейт:

— Можно я сыграю? Я думаю, что у меня найдется пара мелодий, которые помогут уладить проблемы, возникшие в наших отношениях.

— Какая-нибудь колдовская песенка? — проворчал Декиус. Но Элоикаса больше интересовало мнение Конана и Райны. Оба иноземца согласно закивали головами. Король тоже склонил голову в позволительном жесте, и Марр заиграл.

Потом Конан с трудом мог описать чувства, возникшие в его душе вместе с музыкой и плавившие внутри него, как вода прозрачного горного ручья. Но он навсегда запомнил удивление от того, насколько просто и незатейливо звучала флейта: казалось, что мальчишка-пастушок наигрывает, успокаивая сам себя, в наступающих сумерках услышав вой волков.

Другим потрясающим, восхитительным чувством было ощущение мира с самим собой и со всем сущим. Нет, Конан, конечно, не обнял бы графа Сизамбri как брата, но тот точно мог бы не бояться клинка Киммерийца, пока играла музыка.

Для выражения остальных оживших в нем чувств Конану просто не хватило бы слов. Он только запомнил, что, когда музыка кончилась, все слушавшие ее словно проснулись после долгого исцеляющего сна.

Марр опустил флейты и вновь вложил их в мешочек.

— Я сделал что могу. А теперь, я полагаю, стойти послушать капитана Конана. Я уверен, что по дороге сюда он продумал отличный план спасения принцессы Чиенны и принца Урраса.

Конан пробормотал нечто непотребное, чего лучше не произносить ни при женщинах, ни при короле, ни при волшебниках. Доверь только этим колдунам заинтересовать окружающих чудом, а они потом взвалят всю тяжесть его осуществления на плечи простого смертного.

Правда, Конану казалось, что он менее подробно продумал план, чем рассказал его. Да и слова как-то легче и свободнее, чем обычно, слетали с его губ. Может быть, это Марр вложил в него свои мысли? Или флейтист всего лишь помог Конану подобрать лучшие слова для того, что уже крутилось у него в голове?

Запах дыма, нагретого железа и жженой хвои Декиус почувствовал, еще когда шел по лагерю. Ближе к палатке Киммерийца к ним присоединились запахи кожи и нагретого масла.

— Капитан Конан, ты один? — спросил Декиус.

— Да.

— Тогда я хотел бы... разрешите войти? — Декиус посчитал вежливость важнее субординации и обратил приказ в форму вопроса.

Вежливое «Да, пожалуйста» подтвердило разумность предложенного Декиусом тона.

Конан сидел скрестив ноги на земле. На нем было лишь нательное белье. Он обильно смазывал разогретым маслом все кожаные части своих доспехов. Его меч, уже наточенный и смазанный, лежал рядом с ложем.

— Приветствую вас, лорд Декиус, — сказал Конан. — Боюсь, что мое гостеприимство ниже

всякой критики. Но все, что у меня есть, — готов отдать вам.

Декиус принял это за приглашение сесть.

— Капитан Конан. Я буду краток. Все, чего я на данный момент хочу, — это чтобы ты или Райна остались здесь, в лагере. Отпустить вас обоих в лапы племени и колдунов Поуджой — мне это не по душе.

— А имеет ли значение, кто из нас останется?

Тон вопроса заставил Декиуса насторожиться. Вдруг его осенило, и он рассмеялся:

— Я вовсе не собирался этим добиваться твоего расположения, Киммериец. Еще меньше я собираюсь добиваться взаимности Райны, пока я не буду уверен, что смогу разделить с нею что-нибудь, кроме общей безымянной могилы в горах.

— Не завидую я тому, кто получит работенку похоронить тебя, Декиус. Твой труп замучает шутками и остротами любого могильщика.

— Ну, спасибо за такое понимание моего юмора, — сказал Декиус. — Ладно, а теперь — серьезно. Вы оба — ты и Райна — опытные командиры. У нас таких — раз-два и обчелся. Рисковать вами обоими — значит подвергать серьезной опасности и самого короля, и его дело.

Конан только пожал плечами и, подумав, ответил:

— У нас двоих будет больше шансов выбраться оттуда живыми, да еще с принцессой и

наследником в придачу. Если это вообще возможно — мы лучшие кандидаты, чтобы это сделать. Если это нереально и у нас ничего не получится, — то какая разница, сколько офицеров останется у короля.

Декиус вздохнул:

— Разница есть. Врачи говорят, что в лучшем случае король доживет до первого снега. Если у него не останется и последней надежды вновь увидеть дочь... — Молчание было красноречивее всяких слов.

— Я бы не возражал оставить Райну здесь, а с собой взять одного из ваших опытных бойцов или офицеров. Но Марр говорит, что это должны сделать Райна и я, и никто другой.

Декиус нахмурился:

— Это значит, что любой из вас... или... это...

— Слушай, из меня такой же колдун, как и кабацкая танцовщица. Райна — точно такая же, ей не до этих ведьминых премудростей. Что там этот флейтист в нас увидел — он не особо распространяется. Что может его разговорить, я не знаю и не собираюсь терять время в поисках ключа от его секретов.

Декиус чуть не проклял всех богов, графа Сизамбri, разумеется, Поуджой с колдунами да и всех волшебников поголовно, — всех, из-за кого они оказались в дурацком положении. Он чувствовал себя так, словно сталкивал лучшего, чем он сам, человека в яму со змеями, слабо

надеясь увидеть его вновь, выкарабкавшегося наверх.

— Ну? — спросил Конан.

— Знаешь, я подумал, что не худо было бы устроить для вас троих прощальную вечеринку. Ну, вино, мясо, музыка — все, что хотите.

— Не искушай богов, — ответил Конан. Он встал и выпрямился. Голова его почти доставала до крыши его палатки, а разведенные в стороны руки — ее стены. — Так что оставь празднование до лучших времен, когда мы сможем снова все вместе в полной безопасности собраться и попировать во дворце. Да, кстати, а что ты там сказал насчет вина? Неужели в лагере не нашлась бы пара глотков для страждущего...

Декиус слушал шутки Киммерийца и вдруг вспомнил об огромном кувшине с лучшим немецким вином, которое он наливал лишь тем, с кем отправлялся на самые отчаянные задания. Сейчас кувшин был похоронен и, вполне вероятно, разбит среди руин королевского дворца, как было разбито и похоронено многое из прошлого.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Конан, Райна и Марр встречали немало опасностей и неожиданностей в Пограничном Королевстве. Если бы они решили прихватить с собой все, что может понадобиться для преодоления любой подстерегающей опасности, им пришлось бы вести с собой целый караван, навыкленный до предела всяческим добром.

— Насчет мула или лошади для принцессы, — сказал Конан, — присмотрим что-нибудь подходящее на обратном пути. Самим нам важнее как раз идти налегке и побыстрее. Сизамбri, может быть, все еще при смерти, а может, уже выздоровел. Он и сам крепкий мужик, да еще эти его Братья...

— Колдуны Поуджой не умеют лечить, — сказал флейтист. — Их черная магия звезд умеет только...

— Тебя-то кто спрашивает, — грубо оборвал его Декиус.

Он сидел у входа в палатку, наблюдая за сборами. Конан подумал, что Декиус не хотел попадаться на глаза королю, а кроме того, он, наверное, надеялся, что Райне в последний

момент не понравится что-то в волшебнике и она останется в лагере.

С таким же успехом он мог ждать в небе стаи перелетных свиней. Конан отлично знал это. Ничто, кроме явной опасности, угрожающей ее отряду, не могло заставить Райну повернуть назад. А Декиус был слишком благороден, чтобы использовать такой ход.

— Меня никто не спрашивает, — отозвался Марр, — но разве мудрому человеку нужно ждать, когда его спросят, чтобы высказать истинную правду.

В голову Конана было хорошо вбито: если хочешь, чтобы все зубы были на месте и кости целы, запомни: правда — не та штука, которую всегда принимают с удовольствием. Он сидел молча и внимательно рассматривал шов на ножнах своего меча. Долго, пожалуй, не продержится, подумал Конан, но на эту прогулочку хватит, а там, глядишь, и переделывать будет незачем.

Все приготовления были закончены, и все дважды перепроверено. Конан вышел, увлекая за собой Марра, чтобы дать Райне и Декиусу сказать друг другу что они хотели.

Вечерело, начинали сгущаться сумерки. Все трое решили, что лучше выйти на закате, чтобы первый переход проделать ночью. Если поблизости и есть какие-нибудь нежелательные наблюдатели, то ночная темнота и флейты Марра сделают их слепыми и глухими.

— Кто ты, Киммериец? — спросил Марр.

В меркнущем вечернем свете лицо колдуна могло показаться как лицом юноши, так и старика. Только в глазах не было огонька молодости. Они были большими, темными и видели, несомненно, многое из того, что обычно скрыто от человеческих глаз.

— Мое настоящее имя — то, которым меня называют, — сказал Конан. — Если колдуны и пытались использовать это против меня, то пока что без особых успехов. Ты решил, наверное, превзойти их?

— Я спросил тебя не об этом. Кто такой, почему ты оказался здесь, ввязался в эту войну, да еще и взялся за почти безнадежное дело, по риску граничащее с безрассудством.

Конан пожал плечами:

— Я думаю, что я — просто человек, который не может сбежать, уйти с поля боя, на котором остались товарищи и друзья.

— Сталкиваясь с такой силой духа, с таким понятием о чести, разбиваются горы и рушатся государства. А я — один из этих друзей?

— Ты им станешь, если не будешь говорить загадками и задавать вопросы, на которые тебе не нужны ответы.

— Кто ты такой, чтобы судить, на какие вопросы не нужны ответы?

— Во имя Крома! Ты точно никогда не станешь моим другом, если ты так и будешь говорить,

словно жрец или служитель какого-нибудь храма: как будто надутый таинственным ветром, который несет тебя туда, куда никто не может за тобой последовать. По крайней мере, ни один нормальный человек. Впрочем, не больно-то и хотелось. Я тебя в последний раз спрашиваю: что я могу рассказать тебе, чтобы это было полезно для нашего путешествия?

— Ничего, кроме того, что я и так знаю. Прости меня. Я не хотел оскорбить или обидеть тебя. Я просто смотрел вперед.

— У тебя еще будет для этого время, мой музыкальный друг, когда мы разделяемся с этой прогулкой и будем снова в безопасности, дома, вместе с принцессой. А сейчас, вместо того чтобы искушать богов, пусть твоя магическая мудрость сослужит мне важную службу в одном деле. Я тут собирался посуетиться насчет винишка. Не поможешь поискать, а? Я не выйду из этого лагеря, не промочив глотку, даже если мне придется налакаться этого вонючего уксуса, который здесь называют вином.

Они шли всю ночь напролет и устроились на отдых на весь день, не установив дежурство, но и не разжигая костра. Эти действия Конан пояснил так:

— Если Сизамбri послал на наши поиски столько людей, что они могут обнаружить трех

человек в лесу без дыма от костра, — то дело короля — швах. Я готов поклясться, что нам важнее быть отдохнувшими и в здравом уме к тому времени, когда мы доберемся до долины.

Конан промолчал о том, что, по его мнению, им будет недостаточно ума и силы, когда они окажутся в долине племени Поуджой. Наверняка будет не обойтись без пары-тройки этих шуточек Марра или чего-нибудь в этом же роде.

Пока что флейтист вел себя совершенно не так, как подобает колдуну. Конан даже засомневался бы в его магических способностях, если бы не постоянное напоминание при виде его флейт. Да, даже самые благородные намерения не уберегли леди Иллиану от попадания в рабство магии, хотя она как раз собиралась, наоборот, покорить ее. Так что за этими колдунами нужен глаз да глаз. А если что, то и заточенная сталь клинка могла понадобиться против Марра-Флейтиста и его нежелательных или подозрительных чудес.

Вторые сутки прошли так же, как и первые. Сворачивая лагерь на закате, они услышали звук шагов множества ног. Конан отправился на разведку.

Вернувшись, он рассказал:

— Это группа селян, человек сорок-пятьдесят. Они так шумят, что хоть верхом на драконе катайся, они не услышат. Так что не составило труда подобраться поближе и рассмотреть их.

На них никаких доспехов, только рабочая одежда. Оружия тоже нет — только их рабочие инструменты. Только один или двое несли мечи, которые, похоже, последний раз брали в руки их прадедушка, наемник-неудачник.

— Это радует, — заметила Райна. — Если бы Сизамбри собрал их под свое командование, то вряд ли бы оставил безоружными.

— А может, у него нет запасного оружия, — предположил Конан. — И вполне вероятно, что они сами, по собственной воле перешли к графу на службу, чтобы обезопасить свои дома и посевы от его набегов.

Райна сплюнула:

— Ну, тогда они просто глупцы. Бросаться в объятия человека, благодарность которого меньше, чем у голодного медведя!

— Они этого не знают, — заметил Марр. — Они в отчаянии, и это застилает туманом их ум. Может, ты уже так давно не была в своей деревне, что не помнишь, как там живут люди?

Райна застыла с открытым ртом и покраснела. Конан мрачно уставился на флейтиста. В глазах Киммерийца явно читалось: «Я тебе ничего не рассказывал о детстве и происхождении Райны. Ты что, прочел ее мысли против ее воли? Разве ты сам не говорил, что не поступаешь так?»

Марр отвел взгляд, а затем потянулся к своим флейтам. Конан поднял руку, готовый выхватить их. Теперь взгляд Киммерийца требовал: «По-

проси прощения словами, а не своей волшебной музыкой!»

Марр встал и сказал, поклонившись:

— Госпожа Райна. Я приношу свои извинения, если вас обидело сравнение с этими крестьянами. Вы, видимо, неправильно меня поняли. Просто я по акценту понял, что вы родом из Боссонии, а я знаю кое-что об этой стране и ее людях.

— Если ты думаешь, что дело в сравнениях, то ты и вправду ничего не понял, — проворчала Райна, но при этом она выглядела уже более спокойной.

К этому времени шаги селян затихли вдали, и Конан и его спутники снова отправились в уже привычный им путь по ночному темному лесу.

Больше им на глаза не попался ни один человек. Это не было простым везением. Марр знал каждый холм, каждую долину, а иногда казалось, что и каждое дерево в лесу. Он знал, куда может занести в это неспокойное время охотника или лесоруба, а где не встретишь никого, кроме лесных птиц и волков.

— Раньше в этих лесах было много медведей, — сказал Марр, — но несколько поколений назад большую их часть истребили охотники. Но и сегодня я знаю пару деревень, неподалеку отсюда, жителей которых медведи просто одолевают.

Мало у кого там осталось хоть что-то из домашней скотины — корова или захудалая овца.

— Ну и что? Мы ведь не экспедиция по добыванию телятины для королевского стола, — сказала Райна.

— Я ведь не просто так болтаю. Одна из этих деревень — прямо у нас на пути.

— Ну так выводи нас отсюда, ради великого Крома! — воскликнул Конан.

Шел уже пятый день их путешествия. Mapp стал меньше, чем раньше, говорить загадками, но, когда это случалось, Конан еще быстрее, чем раньше, выходил из себя. Он был бы уже рад выйти один против половины всех воинов Поуджой или помериться силами с чудовищем колдунов, лишь бы положить конец этому шатанию по негостеприимной земле Пограничья.

— Я не могу провести вас слишком далеко. Если, конечно, вас не устраивает прогулка через Проклятую Землю.

— Исходя из того, что я о ней слышала, а также из ее названия, — я считаю, что наши шансы остаться в живых выше при встрече с медведями, да и с жителями деревни заодно, — сказала Райна.

— Разумно, — заметил Mapp, — народ Поуджой внимательно следит за дальней границей Проклятой Земли. Вряд ли кто сможет пройти незамеченным мимо их часовых, даже если во время перехода по Проклятой Земле его не

свалит с ног болезнь, сжигающая кости изнутри.

— Да, незавидными мы будем бойцами — хоть против зверя, хоть против колдунов — с костями, растекшимися, как вода, внутри наших тел, — пробурчал Конан. — Ладно, веди как знаешь. Тебе виднее.

Пол под ногами графа Сизамбri покачивался. Неужели опять вражеские заклинания вызвали землетрясение?

Нет, это собственное тело не слушалось его, дрожащие ноги готовы были подогнуться так, чтобы он, словно вывороченное ураганом дерево, повалился на землю. Он одной рукой схватился за спинку кровати, а другую вытянул перед собой в требовательном жесте:

— Мой меч!

Стоявший рядом Зилку, ученик главного лекаря, вытаращил глаза от удивления. Один из охранников невозмутимо и с почтением поднял клинок графа, лежавший на скамье у изголовья.

— Нет! — взмолился молодой врач. — Я не уверен, что такой вес стали...

— Зато я уверен, что сталь в моих руках пойдет на пользу мне и моему делу, — оборвал его граф.

Голос Сизамбri дрожал и срывался, но все еще сохранял в себе некоторую властность. Это было еще одним приятным открытием, как и возможность встать на ноги.

— Очень даже на пользу, — повторил граф. — Для начала эта сталь положит конец твоей дурацкой болтовне.

Его рука схватила рукоять меча. Одно мгновение хватка оставалась крепкой, но затем меч под своей тяжестью выскользнул из пальцев графа, едва не потерявшего при этом равновесие.

Меч Сизамбri со звоном ударился о каменный пол. Граф боялся встретиться глазами со взглядом Зилку. Он боялся увидеть в них торжество правоты, а тот, в свою очередь, опасался найти в глазах графа слезы ярости.

— Сталь в моих руках будет мне очень полезна... когда я снова смогу управляться с нею, как раньше. Похоже, что это время еще не пришло.

Он заставил себя посмотреть на Зилку:

— Позови своего учителя и передай ему, что я жду четкого ответа на вопрос: сколько еще я буду неподвижно прикован к кровати, вместо того чтобы возглавлять моих людей на пути к победе над врагами.

— Может быть, паланкин будет тем средством... — пролепетал Зилку.

— Я сказал «возглавлять», — пророкотал граф. Сила его голоса поразила как его самого, так и всех, кто находился в помещении.

— Паланкин или верховые носилки — это для женщин, детей и для всех остальных, кто остается позади воинов во время битвы. Тот, кто возглавляет своих людей, должен быть верхом, впереди всех, иначе он не заслуживает называться предводителем.

— Я повинуюсь, — сказал Зилку. — А еще, с вашего позволения, я посоветуюсь с теми, кто пользуется отличными от обычных врачей методами лечения.

— Хорошо, что ты сам догадался, что тебе потребуется, чтобы избежать гнева твоего учителя. Да и какую ты хочешь плату за свою работу?

— Мне потребуется ваше молчание, ваше и ваших людей. А награду вы сами определите, если я смогу отыскать средство, которое действительно поставит вас на ноги. Тут я всецело полагаюсь на вашу мудрость и щедрость.

— Правильное решение, — сказал граф, — только не забудь, что моя щедрость может обернуться острым мечом против того, кто обманет или предаст меня.

— Живой или мертвый, господин граф, я не предам вас. Я могу поклясться всем, что почитается за святыню вашим сердцем.

Сизамбri не был уверен, что даже в самом дальнем уголке его сердца осталось хоть что-то святое, кроме разве что хорошо закаленной стали клинка. Того клинка, который — видят боги! — он снова сможет однажды взять в руки. И если

Зилку сможет приблизить этот миг, — то в полной мере заслужит самую высокую награду и плату.

Шел шестой день похода, и, если Mapp еще мог правильно отличить одну скалу от другой, им оставалась всего одна ночь пути. Конан был бы рад, если бы чутье Mappa не подвело его и на этот раз. Скорей бы уж, и наплевать, что этот колдунишко просто раздувается от гордости.

Киммерийцу не терпелось убраться отсюда подальше. Слишком уж близки они были к Проклятой Земле, чтобы чувствовать себя спокойно. Даже в темноте он видел, что деревья, росшие здесь, были самых невероятных форм. Птицы вскрикивали редко и как-то испуганно. Даже насекомых — и тех не было слышно. Ничего, даже дуновения ветерка. Полнейшая тишина.

Все трое шли крадучись, как кошки, стараясь не потревожить ни один камень, не сломать даже самый тонкий прут. Хотя воины Поуджой и не несли здесь дежурство, как утверждал Mapp, но все равно каждый участок по соседству с Проклятой Землей охранялся своей стражей — не людьми и не колдунами.

Это все, что сказал им флейтист. Но Конан даже не попытался вытянуть из него большего. Mapp не сказал даже, опасна ли эта страна,

чтобы хоть как-то сориентировать Конана и дать ему возможность настроиться на отражение того или иного нападения. Оставалось только быть готовым к худшему и продвигаться с мечом в руках.

Флейтист шел впереди. Сейчас от забирал вправо, чтобы обойти огромный, весь перекрученный, узловатый дуб, дюжина корней которого — каждый толщиной с человеческое тело — словно приподнимали могучий ствол над землей. Сквозь легкие облака проходило достаточно лунного света, чтобы можно было рассмотреть желуди, ковром устилавшие землю у подножия великана. Среди желудей лежали останки какого-то существа, которое с первого взгляда можно было принять за дикого кабана. Только ни у одного кабана не может быть такого разбухшего живота и такого черепа, словно до отказа набитого чем-то изнутри.

Конану припомнились рассказы о Проклятой Земле. Она стала Проклятой с того дня, как чудовище Звездных Братьев спустилось с неба в огромном камне. Огонь и обломки от взорвавшегося камня выжгли кратер, шире, чем можно проехать верхом за день. С годами растительность и животные вернулись сюда, но с ними стали происходить страшные изменения.

Флейтист вскинул руку. Райна с Киммерийцем замерли, глядя, как их проводник исчезает в темноте ночи. Им показалось, что прошла

вечность или, по крайней мере, время, достаточное, чтобы принц Уррас вырос и возмужал, прежде чем Марр вернулся.

— Я ничего не вижу, — прошептал колдун, — но я чувствую присутствие и слышу мысли кого-то, кто за нами наблюдает. Он тоже может чувствовать мысли.

— Это зверь или человек? — спросила Райна. Марр пожал плечами:

— Готов поспорить, в нем есть что-то и от первого и от второго. Ясно одно: это существо засекло нас по нашим мыслям и идет за нами не по запаху, а по следу мысли.

— Я в восторге, — процедила Райна, провеся, легко ли вынимаются из ножен меч и кинжал, — ну так и что, мы будем ждать, пока он... или оно... приблизится к нам, или выйдем ему навстречу?

Конан осмотрел территорию вокруг.

— Если только наш новый приятель не умеет летать, то я предпочел бы оставаться на месте. Отличная площадка — ни тебе пней, ни кротовин, насколько я вижу. Есть где развернуться с мечом.

Флейтист собрался что-то сказать, но в это время часть черноты за его спиной начала двигаться. Сначала — лишь небольшой бесформенный участок, который быстро увеличился в размерах и принял узнаваемую форму гигантского медведя. С кольцом серебристой шерсти вокруг

шеи, наподобие густой львиной гривы. Лунный свет высыпал поседевшую от старости морду; при этом на густой шкуре не было видно шрамов или проплешин. Его морда была короче, а череп шире, чем у других медведей, виденных Конаном за всю его жизнь.

Конан и Райна рванули с плеча свои луки. Марр отскочил, чтобы оказаться позади них. Он схватил флейты, но не стал подносить их к губам.

Стоило Конану и Райне натянуть тетиву, как медведь отпрянул и попытался уйти с открытого пространства. Не найдя глубокой и большой тени, которая спрятала бы его целиком, он начал быстро перемещаться, превратившись в трудную для попадания подвижную мишень. Конан пытался определить направление его движения по звуку шагов, но медведь, похоже, умел ходить практически бесшумно.

Если бы у Конана и Райны было побольше стрел, они стреляли бы в разные стороны наугад, надеясь зацепить зверя. Но Декиус едва смог найти им по дюжине хороших наконечников, да и то — некоторые из них уже побывали в деле во время добывания дичи для общего котла.

Конан уже встречался с разъяренными медведями и знал, на что они способны. Знал он и то, как много стрел можно всадить в такого зверя, так и не свалив его. Значит, стрелять нужно только в уязвимое место наверняка, а не просто чтобы попасть.

Теперь только едва слышное колыхание листвы и пляска движущихся теней говорили Конану о передвижениях медведя. Похоже, он собирался обойти их сзади, отрезав путь, по которому они пришли.

Затем на некоторое время воцарилась полная тишина. Вдруг ночь разорвалась треском ломаемого дерева. Конан всматривался в темноту, но тщетно — луна совсем скрылась за облаками. Было видно лишь, как дуб раскачивается, словно во время сильнейшего урагана.

Когда же луна наконец вышла и осветила поляну, Райна застыла в изумлении. Да и Конан, надо признать, сжал зубы. Медведь оторвал от дуба огромный сук, длиной в два человеческих роста и толщиной с руку Конана. А затем медведь встал на задние лапы и поднял сук, зажатый в передних... В руках! В лунном свете можно было с уверенностью разглядеть большие пальцы, правда заканчивающиеся когтями длиной почти с кинжал Райны.

Но будь он порождением магических заклинаний или обезумевшей природы — медведь все же подставил Конану столь долгожданное уязвимое место. Стрела скользнула к тетиве и со свистом рассекла воздух, глубоко воткнувшись в тело зверя сквозь толстый мех под левое плечо.

Рев медведя наполнил лес диким шумом. Животное перехватило сук, чтобы освободившейся лапой вытащить стрелу из своего тела. Конан

всадил ему в бок еще две стрелы. Тогда зверь присел, наклонил голову и, поставив поудобнее задние лапы, словно бегун на низком старте, рванулся вперед.

Все три противника медведя разлетелись как солома на ветру. Им просто не оставалось никакого выбора. Даже Конан вряд ли смог бы противостоять натиску животного дольше, чем снежной лавине. Такому противнику можно было противопоставить единственную тактику: держаться на должном от него расстоянии и стараться нанести ему как можно больше ран, хотя бы легких царапин, и при этом не получить ни одной. Множество легких ран могут обессилить любое чудовище. Но любая рана, полученная человеком от такой громадины, стала бы тяжелой, а скорее всего, и последней.

Райна оказалась смелее всех. Она нырнула под сук и, проскочив за медведя, полоснула мечом по его задним лапам. Отломанный сук взлетел в воздух и с силой опустился вниз. Райна отпрянула и резко прыгнула в сторону, уходя от удара, который снес бы ей череп.

Но избежать разлетевшихся во все стороны щепок, песка и мелких камней ей не удалось. Прочищая глаза, она чуть не упустила второй удар поднятого сука. Все, что могла сделать Райна, — это успеть присесть, а затем упасть на землю. При этом она приземлилась на пятую точку, ногами вверх. Эти длинные ноги были

созданы не только для того, чтобы обвиваться вокруг мужчины во время занятий любовью. Они были словно налиты не огромными, но эластичными и сильными мышцами. И вот эти-то мышцы, сократившись до предела, словно выстрелили обутыми в сапоги пятками в живот медведю. Зверь превосходил Райну весом раз в десять, но даже его огромный, скрытый за толстой шкурой живот вовсе не воспринял этот удар как легкое похлопывание.

Медведь вздрогнул, его оружие покачнулось. В этот момент Райна откатилась в сторону, успев полоснуть кинжалом по левой ноге животного. Верный глаз не обманул ее: лезвие задело подколенное сухожилие. Нога подогнулась под весом медведя, и он вынужден был встать на все четыре лапы. Отпущененный сук упал, навалившись одним концом на лодыжку Райне. Она не издала ни звука, но Конан успел заметить громасу боли, исказившую ее лицо.

Он тут же воспользовался возможностью для нанесения удара. Медведь остановился, колеблясь между выбором звериного оружия и тем, чем подобало сражаться мыслящему существу. Инстинкт восторжествовал над разумом, и медведь направил на Райну свои страшные челюсти.

Одно движение вперед — и сук приподнялся, освободив ногу Райны. Она снова перекатилась дважды с боку на бок и нанесла еще один удар. На этот раз клинок прошелся по морде зверя. Чудо-

вищное создание огласило лес громовым ревом и повернулось вслед за вскочившей на ноги Райной. В этот момент Конан бросился сзади на загривок медведю. Его свободная рука охватила шею животного, словно гигантская змея в джунглях Бенджана, которой досталась особенно аппетитная свинья. Меч свистнул в воздухе. Содранная шерсть обнажила зияющую рану; правая передняя лапа медведя безжизненно повисла.

Раскаты медвежьего рева, разносившиеся над лесом раньше, показались бы полнейшей тишиной по сравнению с тем, что сейчас изрыгалось его глоткой. Но чтобы обескуражить Киммерийца, вступившего в бой с противником, нужно было нечто большее, чем звук. Медведь попытался стряхнуть с себя непрошеного наездника, но было слишком поздно. Конан уже успел выхватить кинжал, который и всадил по самую рукоятку в горло зверя. Кровь забила фонтаном. Еще один удар — и еще сильнее кровавая струя. Довершил дело меч Райны, которая воспользовалась возможностью всадить его в сердце чудовищного создания.

Победители едва успели отскочить в сторону, чтобы не попасть под рухнувшую тушу или под судорожно дергающиеся в конвульсиях когтистые лапы. Еще несколько хрипов, скрежет когтей по камням — и медведь затих.

Перед тем как встать, Конан внимательно осмотрел себя и пошевелил руками и ногами,

чтобы убедиться, все ли они на месте. Все его тело было покрыто ссадинами, царапинами и синяками, оставшимися после кратких, но искренних объятий медведя.

Райна выглядела ничуть не лучше. Стоило лишь добавить, что ее брюки были вконец разорваны, куда-то подевался один из рукавов рубашки, и одна щека к утру будет представлять один сплошной синяк. К тому же она прихрамывала на одну ногу.

Конан схватил ее обеими руками, сгреб в объятия и приподнял в воздух.

— Спасибо богам, что схватка была короткой, — сказала она, когда восстановилось дыхание, — еще чуть-чуть — и вряд ли бы кто-нибудь из нас смог не то что сражаться, а просто продолжать идти.

— Если не считать Марра, — сказал Конан, осматриваясь по сторонам в поисках их спутника. Его нигде не было видно, но Конану показалось, что где-то вдалеке раздавалась мелодия флейты.

Неужели флейтист сбежал, заведя их специально в эту ловушку? Это было первой мыслью Конана и, надо сказать, достаточно оскорбительной. Райна, похоже, догадалась по лицу Киммерийца, о чем он думал.

— Стоит ли искать его? — спросила она, вгоняя меч в ножны со страшным ударом. Конан решил, что с неменьшой скоростью она выхватит его, увидев Марра.

— Ну, только не ночью, — ответил Конан, — сейчас лучше поискать место для сна. Без проводника нам придется пройти остаток пути днем, иначе мы рискуем заблудиться.

— По крайней мере, хоть позавтракаем медвежатиной, — предложила Райна.

— Едва ли это будет разумно. — Знакомый голос звучал откуда-то сверху, словно прямо из ночного воздуха.

— Всемогущий Эрлик!

Марр соскользнул с дуба и чуть ли не прогулочным шагом, вразвалочку направился к ним. Он, скорее всего, получил бы страшнейший удар кулаком в зубы, но Райна вовремя перехватила руку Конана и показала пальцем куда-то за спину флейтиста. Конан посмотрел туда же и тоже открыл рот от удивления.

За флейтистом следовала молодая девушка, еще почти девчонка. Ее волосы были сплетены в косы на манер племени Поуджой, а лицо с трудом можно было разглядеть из-за слоя грязи, специально размазанной по щекам с целью маскировки ночью. Но даже в темноте Конан разглядел легкость ее движений и изящную фигуру, скрытую туникой.

— Прошу прощения, — сказал Марр. — Капитан Конан, госпожа Райна, знакомьтесь — это Вилла. Она — из племени Поуджой и наш друг.

— Тогда она может рассчитывать на кусок медвежатины после того, как ты объяснишь, где

ты просидел все это время, — сказала Райна. — Мы ждем.

— Не следует есть мясо этого медведя. Он ведь вел себя почти как человек. И его мясо — наполовину человечина.

Райна икнула, услышав такое, а Конан согласно кивнул головой.

— А ты тоже согласен с этим, — сказал Марр, — хорошо. Что касается того, где я был, — мне пришлось поиграть на флейтах. В ином случае мысли медведя могли быть услышаны Звездными Братьями. Это могло бы стать преждевременным сообщением о нашем приближении. Пока я занимался тем, что не давал мыслям зверя вырваться наружу, я почувствовал приближение Виллы. Мне пришлось продолжать играть, чтобы провести ее в целости и сохранности к месту нашего нахождения.

Конан кивнул, больше изображая понимание, чем действительно разобравшись, что к чему. Во всяком случае, становилось ясно, что магия флейтиста не имеет ничего общего с искусством других встречавшихся Конану волшебников. Это было искусство предотвращать то, что могло произойти, а не умение вызывать какие-то неестественные события типа поворота рек вспять, переноса гор или, наконец, оживления дохлых собак, чтобы они терзали еще живых людей.

Несомненно, такая магия так же затянет, подчинит себе человека, пользующегося ею, как

и всякая другая. Но в этом случае порабощение шло более медленно. Достаточно медленно, чтобы Марр мог помочь Конану и Райне спасти принцессу и благополучно покинуть долину.

— Нам лучше убраться отсюда в более безопасное место, — предложил Марр. — А там, перед тем как идти дальше, следует обмозговать изменения в наших планах. Вилла принесла мне совершенно неожиданные известия.

— Я полагал, что и старый план достаточно хорош, — сказал Конан. — Если только твоя нога не помешает тебе карабкаться по склонам долины, — добавил он, обращаясь к Райне.

— Вниз — пожалуйста, а вот вверх... даже не знаю. Этот монстр, конечно, мог обойтись нам дороже, чем одна поврежденная нога.

— Нам, может быть, вовсе не придется так много карабкаться по горам, как мы предполагали. Вилла говорит, что у нас в Поуджой есть друг или по крайней мере человек, который не враг принцессе, даже несмотря на то, что он служит графу Сизамбri.

— Что? — Конан готов был раскричаться громче, чем медведь, но Райна закрыла ему рот ладонью. Чуть успокоившись, он продолжил: — Знаешь, это требует еще больших объяснений, чем лазание по деревьям с дудками, пока мы внизу развлекались с этой милой зверюшкой.

— Я объясню все, когда мы будем на безопасном расстоянии отсюда, — сказал Марр. — Мысли медведя не были услышаны Звездным Братством, в этом я уверен. Но я не могу поручиться за то, что их не услышали родственнички этого плюшевого медвежонка. Вам, наверное, уже стало скучно, и вы решили познакомиться с ними?

Когда Вилла и Марр закончили рассказ о лорде Айбасе и его странном поведении, было уже поздно рассчитывать успеть добраться до долины затемно. Четверо путников прошли две трети пути и остановились, чтобы выспаться днем в пихтовой роще, такой густой, что даже целая армия вряд ли нашла бы их в этой чащее.

Рассказ мог бы получиться более запутанным и менее убедительным, если бы Вилла не сочла Райну и Конана достойными доверия. Она напрягла все свои познания в языке равнины и большую часть рассказала сама.

Не то чтобы история Виллы не внушала доверия сама по себе. Просто этот лорд Айбас мог вести свою игру, слишком искусную и сложную для понимания Виллы.

— Но тогда эта интрига недоступна и для понимания нашего трубача. А если он не мастер интриги, то я тогда родом не из Киммерии, а из Стигии, — сказал Конан.

— Может быть, он знает только то, что рассказала ему Вилла, — предположила Райна.

— Вполне возможно, — ответил Конан. — Но не бежать же нам теперь назад, поджав хвост, после того как мы забрались так далеко. Мы пойдем вперед, в долину. Если это и ловушка, я думаю, у нас будет подходящий момент, чтобы перерезать глотку этому Айбасу.

— Да, и Вилле тоже, — сказала Райна, обнимая Конана. — То, что ты не воюешь с женщинами, говорит в твою пользу. Но я не чувствую себя связанный такими обязательствами. И если Вилла предаст, она отправится с нами туда, куда отправимся мы. Я всегда хотела иметь служанку, не в этой жизни, так в загробной.

Конан тоже раскрыл объятия, но одна мысль все же не покидала его: любой мужчина, ставший врагом Райны, мог не рассчитывать на долгую земную жизнь. Интересно, задумывается ли об этой ее маленькой слабости капитан-генерал Декиус, когда пытается покорить ее сердце.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Айбас проснулся, будучи уверенным, что его опять мучил кошмар: какой-то верзила чернее ночи нависал над ним. Его глаза сверкали ледяной синевой и не столько излучали или отражали, сколько поглощали свет. Кроме него, в кошмаре были и другие лица, но Айбас не успел внимательно рассмотреть их.

Затем он явственно ощутил холодную сталь, царапнувшую его кожу, и острие клинка на горле. Да, или демоны научились по-новому воздействовать на чувства людей, или... или он уже не спал.

Айбас предпочел смириться с реальностью и признаться себе, что не спит. Прикинув, как можно наиболее деликатно сформулировать свое удивление, он спросил:

— Чем могу быть вам полезен, друзья?

— Что? — спросил верзила. — Или забери последнее слово обратно, или хватит прислуживать мятежнику.

Парень был, видимо, не силен в дипломатии, сразу выдав, что он и его друзья были людьми короля. Это сразу же дало понять Айбасу, что к нему особых симпатий эти люди не испытывают,

а кроме того, он почти наверняка мог предположить, зачем они здесь.

Несмотря на сталь, упиравшуюся в горло, Айбас улыбнулся. Эта ночь преподнесла ему хороший сюрприз. Что ж, теперь он преподнесет нечто подобное своим неожиданным визитерам.

— Если вы пришли, чтобы освободить принцессу Чиенну, то я в полном вашем распоряжении.

Великан, стоявший над ним, пробормотал что-то бессвязное, видимо выражавшее удивление. Айбас с трудом мог рассмотреть его в темном доме, не это уже не так его волновало. Куда интереснее было другое: позади гиганта стояла длинноволосая женщина, чья красота соответствовала ее годам и не могла быть скрыта от глаз одеянием воина и солдатской манерой держаться. Рядом с ней — тут Айбас судорожно глотнул — стоял человек, который, несмотря на то что рядом с первым великаном казался совсем маленьким, излучал силу и энергию, явно превышающие его скромный вид.

Набор украшенных серебром флейт висел на его поясе. Айбасу не понадобилось и второго взгляда на эти музыкальные инструменты, чтобы понять, кто стоял перед ним.

Марр-Флейтист, волшебник, зачастую игравший с заклинаниями Братьев, как кошка играет с пойманной мышью, — тот самый Марр-флейтист перешел на службу к королю Элоикасу.

— Ну что ж, тогда, будь любезен, отведи нас к дому, где содержат принцессу.

— Я сделаю это и многое другое, но при одном условии, — сказал Айбас.

Острье меча сильнее впилось в его тело. Еще одно легкое нажатие руки — и кровь Айбаса зальет ложе.

— Подожди! Выслушай сначала условие. Оно может быть очень дельным.

— Вполне возможно, — сказал Марр.

Айбас почти улыбался. Он-то полагал, что Марр — немой и общается с другими только с помощью своей музыки. Легенды, как оказалось, не совсем соответствовали действительности.

— Нам нужно спасти и капитана Ойжика, — выпалил Айбас.

Острье меча чуть отодвинулось назад, но взгляд незнакомца был более страшен, чем острая сталь. Окончательно проснувшись и привыкнув к скучному освещению, Айбас разглядел, что этот гигант, судя по чертам лица, был родом из Киммерии. Неужели это тот самый новый офицер дворцовой стражи, о котором ходит столько слухов. Если так, то ему не было никакого резона испытывать симпатию к Ойжику.

— Вы ведь здесь для того, чтобы выполнить повеление Элоикаса — освободить принцессу и наследника, вырвать ее из лап как Звездных Братьев, так и графа Сизамбри. Прихватите с

собой и Ойжика — и вы сослужите королю еще одну добрую службу.

— Как? — Киммериец, похоже, не любил пространных вопросов.

— Начнем с того, что Ойжик предал короля. Но он знает и достаточно много секретов графа, который к тому же не заплатил ему за предательство. Звездные Братья держат его взаперти, как пленника, и в ближайшее время собираются скормить его своему чудовищу. Если вы его спасете, не поделится ли он своими знаниями с вами, даже из чувства благодарности.

— У Ойжика не больше чувства благодарности, чем у репы, — сказала женщина, — но, если король простит его...

— Райна, — прошипел гигант, — ты что, уже поддалась на удочку вот этого прислужника Сизамбри?

— Нет, — ответила женщина. — Я просто думаю, что если есть возможность одержать вторую победу, не упустив первой, то почему бы...

Она, похоже, уже решилась. Судя по виду флейтиста, он тоже был согласен. Зато Киммериец был против и явно был готов к спору.

Дверь дома тихонько открылась, и внутрь бесшумно вошла Вилла. Она сказала:

— Я предупредила отца. Он сказал, что не доверяет никому настолько, чтобы предложить поучаствовать в этом деле, но сам он будет ждать нас у дома принцессы.

— Есть что-нибудь подозрительное? — спросил Конан.

— Я не видела никого из Братьев. А если бы они заподозрили что-то, то явно были бы на виду.

— Да уж, наверное, повылезали бы отовсюду, — согласился Конан.

Он тяжело вздохнул и поднял глаза, призывая богов вооружить его терпением для общения с дураками и умом, достаточным, чтобы отделить этих самых дураков от мудрых людей. Затем он посмотрел на Айбаса с таким выражением, что тот пожалел, что все происходящее — не ночной кошмарный сон.

— Ты поклянешься помочь нам. Нарушишь клятву или только дашь повод усомниться — и ты будешь десять раз мертв прежде, чем воины Поуджай найдут тебя.

— Да я уж думаю, что не меньше десяти.

Его ночные гости явно не ожидали услышать такую длинную клятву. Айбас поклялся, перечислив чуть ли не всех богов — отчасти ради того, чтобы доставить удовольствие слушателям, но в основном, чтобы действительно сделать клятву крепче. Впервые в жизни он вспомнил несколько особых священных имен. А почему бы и нет? Эта клятва вполне могла стать его последней клятвой на этом свете и первой за двадцать лет, которую он не имел ни малейшего желания нарушить.

Конечно, если слухи о смерти или полной неподвижности Сизамбri не соответствуют ис-

тине, эта смена господина могла стать смертельно опасной. Остается только всегда держать на готове главное оружие — быстрые ноги. Графу будет чем заняться, даже если он завладеет троном. Ему наверняка уже будет на до сбежавшего неизвестно куда вассала.

К большому неудовольствию Конана, Ойжик и принцесса были размещены в разных концах деревни. Спасателям пришлось разделить свои силы и условиться о месте встречи у подножия хребта для последнего рывка вверх по скалам.

Айбас и Марр отправились за принцессой. Без Айбаса ее пришлось бы успокаивать флейтой Марра. Сначала ее, а затем и младенца. А без флейтиста было никак не обойтись, случись нужда и вправду успокоить мальчика.

Ойжик же содержался так строго, что один человек — даже Конан — мог не справиться с задачей. Вилла пообещала разыскать отца и прислать его к тюрьме Братьев вместо дома принцессы.

Конан готов был рассыпать проклятия направо и налево: Айбасу, Ойжику, Братьям, — но боялся увлечься и поднять слишком много шума. Куда спокойнее было бы отказаться признать клятву Айбаса, а потом заставить его замолчать навеки. Но они решили принять его

клятву и таким образом связали себя не меньше, чем их новый приятель.

Тихо, как розовый лепесток, упавший с цветка и влекомый ветром по лугу, щел Киммериец по направлению к резиденции Звездного Братства. Над гребнем дамбы клубился туман, и легкий ветерок доносил зловоние чудовища до носа Конана. Время от времени лицо Киммерийца содрогалось от позывов к рвоте. Одного запаха было достаточно, чтобы понять, что чудовище было явно не из этого мира.

— Тсс! — раздалось из кустов.

Конан остановился.

— Пять? — спросил он. Если ответ в сумме даст десять — значит, он встретил отца Виллы.

— Пять, — послышался сдавленный голос. Тень, которую Конан принял было за куст, зашевелилась и направилась к нему. Подошедший оказался человеком ростом почти с Конаном. Седая голова и короткая борода делали его похожим на старого мудреца, но глаза Киммерийца сразу отметили его мышцы воина под высохшей кожей пожилого человека.

— Рад встрече, Конан Киммериец, — сказал человек, — меня зовут Тайрин, я отец Виллы.

— Мое имя — Конан, капитан королевской стражи, командир второй роты стражников и сам точно не знаю, чей отец, — ответил Киммериец. — А твоя дочь с тобой?

— Она просила взять ее, но я отправил ее со второй группой. Она сможет понести младенца, быть еще чем-нибудь полезной, да и, в конце концов, там будет безопаснее, чем здесь. Не нравится мне эта затея с Ойжиком, Киммериец. Не убеди меня дочь, что живой он будет полезнее нашим союзникам, чем мертвый, — я бы, ни секунды не колеблясь, отправил его на тот свет. К тому же выбираться отсюда с этим мерзяком будет вдвое более рискованно.

— Да ты просто мои мысли читаешь. Ладно уж, ничего не поделаешь. Будем надеяться, что Марр сможет задержать тревогу. Пошли, Тайрин, вперед.

Айбас собрался напрямую подойти к дверям дома принцессы, пользуясь тем, что стража хорошо знала его. Райна же не хотела так рисковать.

— Если бы я была членом Братства...

— Да вам никогда не удастся так изуродовать себя ни морально, ни физически.

Райна, казалось, сердито смотрела на него, одновременно улыбаясь:

— Есть места, более подходящие для комплиментов аквилонского двора. Но сейчас нам не до любезностей. Итак, если бы я была в Братстве, я бы настояла, чтобы охрану несли самые

надежные люди, особенно сейчас, в связи с этими слухами о проблемах Сизамбri.

— По традиции Звездных Братьев, самые доверенные стражники охраняют тех, кто предназначен стать жертвой чудовищу. Так что Конану и Тайринку осторожность понадобится больше, чем нам.

— Ты нам этого не сказал! — воскликнула Райна.

— А меня никто особо и не расспрашивал, — ответил он, стараясь придать словам вежливый тон.

— Да если бы у тебя хоть капля мозгов была, ты бы понял, о чем нам можно говорить безо всякого разрешения или вопросов.

— Госпожа Райна, зачем... здесь... сейчас... — начал бормотать Айбас, проглатывая гнев, так как увидел, что рука Райны потянулась к мечу.

— Тихо! — прошептал Марр. — Я смогу работать против сознания всех стражей, если это понадобится. А то, что принцессу Звездные Братья охраняют меньше, так это понятно: она ведь всего лишь женщина.

Райна скривила рожу, изображавшую, по ее мнению, лицо «всего лишь женщины», слабой и беззащитной. У Виллы, только что присоединившейся к ним, отвисла челюсть. Вдруг она высунула язык и показала его обоим мужчинам. Вся компания беззвучно рассмеялась.

Хорошей новостью оказалось для Конана то, что Ойжик содержался в отдельном домике, в стороне от общей тюрьмы для всех приговоренных стать жертвами. Несомненно, Звездные Братья хотели избежать какой-либо возможности для Ойжика передать сведения о плохом с ним обращении графу Сизамбri или кому-нибудь из друзей капитана.

Но несомненно было также и то, что Братья решили ни за что не выпускать такого важного пленника: его домик стоял у самой стены обрывистого склона, и перед единственную дверью постоянно находились четверо охранников. У двоих были луки, у двоих — копья, и все четверо, кроме того, имели мечи — редкое по полноте вооружение для Поуджой, даже для воинов, отобранных на службу Звездному Братьству.

Не облегчал дело и тот факт, что домишко Ойжика стоял всего-то в сотне шагов от главной казармы охраны Братьев. Если все четверо, стоявших на часах, не умрут быстро и без единого звука, то им на помощь примчатся еще десятка два их товарищей, причем раньше, чем Конан и Тайрин смогут освободить Ойжика.

— На приговоренных надевают кандалы? — спросил шепотом Конан.

— Нет, — покачал головой Тайрин, — только в качестве наказания. А они не рискнули бы наказать Ойжика так, чтобы остались следы.

Кусты и тени могли скрыть и дюжину человека даже такого роста, как Конан и Тайрин. Только часовые, делая обход, могли обнаружить их. Но они стояли у двери словно каменные изваяния.

Ночное зрение Конана, даже со слабой поддержкой лунного света, смогло разглядеть возможный для подъема путь-тропу по краю обрыва.

Она не вывела бы их из долины, даже имей они уже на руках Ойжика. Нет, все, на что можно было рассчитывать, — это на возможность подобраться к дому и спуститься на его крышу.

— Я полез, — сказал Киммериец. — Когда я доберусь до ближайшего к дому уступа, ты отвлечешь внимание охраны, пока я спрыгну на крышу. А потом можешь спрятаться так, чтобы никакие Звездные Братья...

Тайрин так посмотрел на Конана, словно метнул в него камень из пращи:

— Не думай, что моя честь не ровня твоей, Киммериец. А если ты сомневаешься в ней, то можешь хотя бы быть уверен в моем здравом смысле. Виллу и меня объяют завтра вне закона за эту ночки, независимо от того, видел нас кто-нибудь или нет.

Похоже, им больше нечего было сказать, и Конан растворился в тени ночных леса. Он добрался до подножья стены обрыва и подождал,

пока появится луна, чтобы пооценивее видеть первые ступени, уступы и опоры для ног. Дождавшись, он полез вверх.

— Привет, ребята, как дела? Принцесса у себя? — небрежным тоном спросил Айбас.

Оба вооруженных копьями часовых громко захохотали:

— Да куда же она денется. Ей ведь никак мимо нас не пройти. А что с нею станется, только сунься, — она знает. Да, слишком нежная штучка, на наш вкус, как и все на равнине.

В поле зрения одного из них попала Райна.

— Да неужели и на равнинах рождаются женщины, которые могут так нравиться нам, жителям гор?

Только ее спутники догадались, чего стоила Райне непринужденная улыбка в ответ.

— Я действительно приехала с равнины, по приказанию графа Сизамбри. Он велел мне проверить по женской части, сможет ли она выносить ему сыновей.

Айбас еле сдерживал смех. Он еще не встречал женщины, менее похожей на акушерку, чем Райна. Но прежде чем стражники высказали свои сомнения, она сообразила занять их чем-нибудь более приятным:

— Я также имею полномочия на то, чтобы наградить тех, кто хорошо несет службу на благо делу Сизамбri.

Тону, которым это было сказано, игривой улыбке на губах могла позавидовать любая кабацкая девчонка. Охранники не могли не догадаться, о какой награде идет речь, и, судя по их поведению, евнухами они не были.

Пока стражники глазели на Райну, Айбас и Марр подкрались к ним сзади, и каждый нанес всего по одному удару короткой дубинкой по тому месту, где череп соединяется с шеей. Несчастные беззвучно упали.

— Поднимите их и посадите на скамейку у входа, — сказал Айбас. — Они там частенько кротают часы дежурства. Вилла, останешься здесь наблюдать. Изобрази, что вы тут с ребятами... в общем, наслаждаетесь обществом друг друга.

Вилла показала ему язык, но повиновалась приказу. Она скинула тунику и опустила брюки пониже на бедра. Красивая грудь и осиная талия привели Айбаса в сильное волнение. При этом он и сам удивился тому, что пронеслось у него в голове: он начал молить богов, чтобы эта живая красота не погибла этой ночью. Конечно, эта девушка — не для него, но все равно она еще слишком молода, чтобы умереть из-за безрассудства других.

Пока Марр и Райна усаживали стражников на скамейку, Айбас постучал в дверь. Вилла уже устроилась на скамейке между двумя оглушен-

ными стражниками, обняв их, чтобы те не упали. Айбас услышал шорох за дверью.

— Кто там!

— Клянусь бородой Митры — лорд Айбас собственной персоной, причем с добрыми известиями.

Тихий писк, словно мышь попала в мышеловку, — вот все, что он услышал в ответ. Айбас тихо выругался и продолжил:

— Я что, должен сообщить их всей деревне, или Звездным Братьям, или мне позволят войти и передать то, что нужно, принцессе?

Через некоторое время, за которое, по мнению Айбаса, можно было растопить ледники и вскипятить образовавшееся озеро, он услышал звук отодвигаемого засова. Распахнув дверь, он вошел в дом, минутя служанку. Она еще раз пискнула, а затем затихла: Райна заткнула ей рот одной рукой, показав кинжал — другой.

Принцесса не спала. Младенец тоже проснулся и, увидев в комнате матери каких-то незнакомых людей, вознамерился огласить окрестности своим плачем, перебудив всех обитателей долины до единого.

Мягко зазвучала мелодия флейты. Мягкая, тихая, она успокоила малыша. Плач сначала стал тише, потом прекратился совсем. Младенец крепко заснул.

— Это не вредно для него? — спросила Чинена, перекладывая его на одну руку. Другой

она, казалось, искала рукоять ножа или кинжала на поясе.

— Вот, пожалуйста, Ваше Высочество, — сказал Айбас, вытаскивая из-за голенища сапог второй кинжал и протягивая его принцессе. Она уставилась на него, затем перевела взгляд на Райну и чуть не выпустила ребенка из рук.

— Что ему может сильно повредить, так это если его уронят, а вовсе не моя музыка, — сказал Марр. — Он всего-навсего уснул и будет спать, пока мы не окажемся в безопасности и не разбудим его.

— В безопасности? — Похоже, Чиенна собиралась лишиться чувств. Айбас заскрипел зубами. Ну почему даже здравомыслящие женщины так и норовят потерять этот здравый смысл в самый неподходящий момент.

— Ваше Высочество, я... мы пришли, чтобы отвести вас и принца Урраса к вашему отцу. Король жив и неплохо себя чувствует, хотя все еще вынужден скрываться. Если вы и наследник будете рядом с ним, то королевство скорее снова будет объединено под его знаменем.

Принцесса покачала головой, рассыпав черные длинные волосы по белоснежным плечам, отражавшим свет ночника в изголовье кровати. Это движение выражало конец ее сомнений.

— Что ж, добрые люди, тогда позвольте мне облачиться в подобающие слухаю одежды, — сказала она с истинно королевским ве-

личием. — Будет смешно и едва ли небезопасно лазать по горам в моем ночном одеянии.

Властным жестом она подозвала служанку. Райну оставили подержать ребенка, пока служанка поможет принцессе переодеться. Чисто инстинктивно она прижала младенца к себе и начала укачивать, а ее лицо выражало столько нежности и ласки, сколько никогда не сорвалось бы с ее губ, воплотившись в словах.

Переодевание принцессы заняло не больше времени, чем потратил бы Айбас, чтобы расправиться с доброй отбивной. Но ему показалось, что за это время луна успела взойти и сесть за вершинами далеких хребтов.

Принцесса оделась на манер воинов Поуджой, с добавлением ремней и перевязей через спину, чтобы нести на себе ребенка. Айбасу и в голову не пришло бы предположить, что у нее все это наготове. Он все больше начинал уважать эту женщину.

Он и вправду поставил не на ту лошадь, пойдя на службу к Сизамбри. Если он и не получит никакой награды за перемену хозяина, то, по крайней мере, умрет, оценив выше прежнего свой ум и проницательность.

Айбас шагнул к двери. Голова одного из охранников лежала на груди у Виллы. Другой уже свалился со скамейки. Не в силах одна поднять его, Вилла спустила с него штаны, чтобы придать ему более подобающий вид для человека, изрядно поразвлекавшегося и подуставшего.

— Все в порядке?

Вилла пожала плечами. Это движение отправило вслед за первым и второго, все еще не пришедшего в себя стражника.

Айбас счел пожимание плечами за положительный ответ и дал остальным знак выходить из дома. Принцесса осталась на месте. Аквило-нец собрался уже обратиться к ней в выражениях, не привычных для королевского уха, когда увидел, что она выразительно смотрит на служанку. Флейтист кивнул и заиграл.

Тихая музыка едва ли была слышна даже в соседней спальне, но Айбас почувствовал, как она пробирает его до костей, которые становились теплыми и мягкими, словно мокрая вата. Веки отяжелели. Ему пришлось ухватиться за дверной косяк, чтобы не упасть.

Музыка прервалась неожиданно. Айбас встряхнулся, осмотрелся вокруг и увидел служанку, лежащую ничком на полу. На его лице появилось выражение омерзения.

— Не бойтесь, — сказал флейтист, — это всего лишь музыка, а не удар дубиной по затылку. Лучше пусть ее найдут без сознания, чем отправят на съедение чудовищу, обвинив в соучастии.

Айбас сдержал уже готовые вырваться обвинения. Он протянул Вилле руку, и она не отдернула ее. В первый раз он смог коснуться ее.

Но вскоре все нежные мысли вылетели у него из головы: по долине прокатилась барабанная дробь и завывание труб Звездных Братьев, воззвавших общую тревогу.

Конан воспользовался тем, что луна ненадолго спряталась в облаках, и в темноте преодолел последние несколько шагов по стене обрыва. Когда луна снова показалась на небе, он уже лежал на краю крыши, наблюдая, как Тайрин приближается к страже.

— Здорово, мужики. Как тут вам ночью? — приветствовал Тайрин своих соплеменников.

— Да вроде и ничего, — ответил один из охранников. — Ты-то чего шатаешься по лагерю в такое время? — Подозрение в его голосе просто сверлило уши Киммерийца.

Но никакие подозрения не смогли помочь им вовремя обнажить оружие, когда Конан нанес свой удар. Его первым оружием стал камень размером с кулак, который он с размаху запустил в затылок охраннику с луком за плечами. На том был шлем, но сила броска Конана была такой, что камень пробил бы и дубовую доску. Он прошел сквозь шлем и проломил солдату череп. При этом охранник еще и налетел со всей силой удара на своего товарища.

Сверкнул меч Тайрина. С груди стражника потекла кровь. Тот схватился за рану обеими руками, открыв рот в беззвучном стоне. Второй удар снес голову с плеч.

Конан прыгнул с крыши на двух оставшихся стражей. Они стояли рядом друг с другом, и Конан повалил на землю обоих, изрядно тряхнув их. Кинжал в два удара завершил дело.

Этим же кинжалом Конан разрезал завязанный на узел ремень, удерживавший неподвижно засов на двери камеры Ойжика. Открыв дверь и сделав шаг внутрь, Конан отпрянул. Даже привычный ко многому нос Конана получил ощущимый удар вонью, шедшей из дома.

— Вонища! Похуже, чем в борделях Аграпура, — оценил он атмосферу, пока его глаза пытались проникнуть сквозь зловонную мглу и найти Ойжика.

Когда ему это удалось, Конан дал волю языку, припомнив множество солдатских присказок и выражений.

Ойжик лежал навзничь на загаженной соломе. Рядом с откинутой рукой валялась на полу пустая кружка. Все запахи явно указывали на то, как он проводил дни своего заточения. Но по крайней мере с ним хоть проблем не возникнет, решил Конан. Только бы не зря все это: еще выяснится, что несчастный спился до полной потери разума.

Конану пришлось нагнуться, чтобы войти в помещение. Еще больше он согнулся, чтобы

взвалить Ойжика себе на плечи. Разогнувшись и повернувшись к выходу, он увидел, что Тайрин одной рукой показывает куда-то, а другой делает знак, призывающий сохранять тишину.

Еще из дверей Конан увидел опасность. Несколько часовых направлялись в их сторону от казармы. Конан насчитал четыре силуэта на фоне горевшего у входа в казарму костра. Несомненно, это была новая смена для охраны Ойжика.

Никакой возможности избежать столкновения не оставалось. Так лучше начать драку первому, навязав свои условия противнику. Конан бесцеремонно сбросил Ойжика на землю и выхватил меч:

— Хай-а-а-а-а!

Такого душераздирающего воинского клича солдаты еще не слыхали. Они увидели гигантскую черную фигуру, несущуюся прямо на них. Стражников охватила паника. В один миг великан достиг их строя, врача мечом, едва ли не превосходящим длиной его собственный рост. Так показалось тем, кто успел рассмотреть хоть что-то.

Двоим из них это не удалось. Их черепа оказались расколоты от макушки до бровей. Двое других были убиты уже в спину, когда они пытались бежать. Один из них успел вскрикнуть от боли, смешав свой крик с воинственным воплем Конана.

Неожиданный звук заставил остальных солдат броситься к дверям казармы, но что-то остановило их на пороге. Представшая перед их

заспанными глазами фигура показалась им больше, чем человеком. Они решили, что это Длинноволосый Горец вернулся, чтобы наказать их за отступничество от его культа.

— Звездные Братья обманули нас! — воскликнул кто-то.

— Прости нас, Великий Длинноволосый Горец, — взвыли несколько голосов.

Конан решил не разубеждать их. Он подскочил к двери, резко захлопнул ее перед лицами солдат и быстро подпер куском бревна, приготовленным для костра. Выхватив горящую головню из того же костра, он закинул ее на крышу казармы.

К тому времени, как он вернулся к Тайрину и Ойжику, крыша уже здорово занялась огнем.

Взвалив Ойжику на плечи, он услышал барабанную дробь и завывания труб, перекрывавшие треск горящей крыши. Тайрин выругался:

— Я же просил богов, молил их о тишине; а они...

— Да оставь ты их. Не до них нам сейчас, — оборвал его Конан. — Сейчас куда важнее, как быстро мы сможем смыться отсюда.

— Учти, что путь через деревню или тот, по которому вы пришли, теперь будет перекрыт воинами Поуджой. Есть еще один путь. Он даже легче, особенно для женщины с ребенком или для человека с тяжелым грузом. — Тайрин показал на Ойжика.

— Ну так пошли туда, — огрызнулся Конан. Он хотел даже переложить Ойжика на плечи Тайрина, чтобы дать себе большую свободу действий, но затем решил не делать этого. Во-первых, Киммериец был намного моложе, и, кроме того, у него было меньше поводов «случайно» уронить Ойжика в пропасть.

— Мы-то пойдем. Но не менее важно, чтобы и Марр знал не только этот путь, но и способ пройти по нему, оставшись в живых.

— Опять эти загадки!

— Никаких загадок. Все предельно просто. Эта дорога очень легка для тех, кто сможет добраться до нее. Но чтобы сделать это, нужно всего лишь пройти по дамбе, сдерживающей озеро, где живет чудовище. Вот и все. Гребень дамбы превышает уровень воды не больше, чем на человеческий рост, — не так уж и много для шупалец чудовища.

Ужас Конана перед магией заставил его сердце сжаться на какую-то долю секунды. Затем он взял себя в руки и передернул плечами, приводя свою ношу в более «удобоносимое» положение.

— Я бывал в досягаемости и кое-чего похуже, чем ваше чудище, — Конан заставлял себя верить в то, что говорил, — и всегда мне удавалось прорубить себе путь мечом, — это уже было чистой правдой, — так что веди меня куда следует, приятель.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Услышав сигнал тревоги, поднятой в деревне, Айбас понял, что путь назад отрезан. Тем лучше: принцессе не придется выбиваться из сил, ползая по скалам с ребенком за спиной.

Узнав подробнее о том, что представляет собой другой путь, он почти потерял всякую надежду. Да, более легкий подъем на склон был бы вовсе не излишеством. Но чтобы добраться до этого места, нужно было пройти рядом с самым страшным врагом, и не просто рядом, а в пределах его досягаемости. Чудовище Звездных Братьев, несомненно, проснется и захочет жрать прежде, чем они смогут уйти на безопасное расстояние.

— Может, ты и прав, — сказал Марр, — но подумай: если мы сможем пробраться мимо чудовища, пока оно полностью не проснется, — оно станет нам отличным прикрытием. Даже Братья не могут полностью держать в узде своего любимчика, когда он окончательно просыпается, голоден или разозлен.

— А как мы удержим его в полусонном состоянии, пока не пройдем? — спросила принцесса.

— Надеюсь, что мое мастерство и знания смогут помочь нам, — Марр прикоснулся к своим флейтам.

Лицо Чиенны напомнило Айбасу физиономию Киммерийца, когда при нем кто-нибудь упоминал магию. Принцессу осенило, насколько они все зависели от колдовства в эту страшную ночь. Айбас не сомневался, что выражение его лица как в зеркале повторяло выражение лица принцессы.

Два месяца он мечтал убраться куда-нибудь подальше от Звездных Братьев и их зловредного колдовства. Сейчас он был на пути к исполнению своей мечты. Но дорога к ней лежала через другое колдовство, колдовство, которое могло в конце концов оказаться таким же черным, как и у Звездных Братьев. Ну, да так тому и быть. Альтернативой было остаться в долине и жить, ожидая, когда кто-нибудь из Поуджой всадит ему в сердце кинжал. Айбас понимал, что за службу графу он еще не раз поплатится, но молил только о том, чтобы это не произошло сегодняшней ночью.

— Отлично, — сказал он Марру. — Пойдешь впереди. Райна, проследи за ним, и повнимательнее. Вилла, веди нас куда нужно. Принцесса, ваше дело — позаботиться о малыше. Я пойду последним, как прикрытие.

Как легко и приятно было вспомнить, как отдаются приказы, а не только подобострастно

выполняются. Айбас подумал, что, выберись он отсюда, он мог бы рассчитывать на офицерскую должность в войсках Пограничного Королевства.

Громада дамбы неясно вырисовывалась на фоне темного ночного неба. Однако было ясно видно, что она раз в десять превышает рост Конана. На стене дамбы не было видно ступеней, но большое количество выступов и углублений делали ее пригодной для лазания.

— Борода Эллина! Да как только твое племя смогло найти столько народа, чтобы построить такую машину?

— Братья нашли животное, — ответил Тайрин. — А оно передало им свое знание. Они использовали это знание, в частности, для того, чтобы поднимать эти камни и соединять их на мертвое в одно целое.

Близкое присутствие такого количества колдовства и магии словно похитило у ночи последнее тепло, основательно охладив воздух. Конан стоял, положив руку на рукоятку меча, чтобы почувствовать ту уверенность, которую могла дать сталь надежного клинка.

— Говорят, что и само чудовище работало на строительстве дамбы, — сказал Тайрин. — Но это уж наверняка сказки. Никто, кроме Звездных Братьев, не приближался к дамбе, пока она строи-

лась... по крайней мере, никто не возвращался оттуда живым, чтобы рассказать, что он там видел.

— Колдунам нравится, чтобы их тайны умирали вместе с ними, — сказал Конан. — Даже если это не закон их братства, они все ведут себя так.

Оба собеседника неподвижно лежали в скрытом от посторонних глаз месте, за свинарником. Воняло здесь, как у любого другого свинарника, но, скорее всего, запах удержит на расстоянии нежелательного свидетеля. Свиньи проснулись и захрюкали, волнуясь от близости посторонних людей. Поднятый ими шум скрывал те тихие звуки, которые могли издать Конан с Тайрином.

Конан надеялся, что ожидание будет недолгим. Все участники этой гонки должны были поторопливаться: и принцесса, и воины, и Братья, и даже чудовище. Все, потому что ставка в этой борьбе была почти для всех одна — жизнь.

Мгла над дамбой сгустилась, раздался плеск волн, разбившейся о стену дамбы. Конану показалось, что он увидел, как в густом тумане над озером что-то мелькнуло. Возможно — просто струя пара. А возможно, что и щупальце.

Если это было щупальце, то в длину оно было с небольшой корабль, а толщиной — с человеческое тело. И похоже, что по всей его длине жадно раскрывались чавкающие истекающие ядовитой слюной рты.

Темнота достаточно скрывала Айбаса и его спутников. Им даже не надо было слишком стараться соблюдать тишину. Слоны долины многократно воспроизводили эхом барабаны и трубы, не говоря уже о криках в деревне. Казалось, что вся эта какофония наваливалась со всех сторон и одновременно звучала в самой середине мозга.

Айбас перестал обращать внимание на соблюдение тишины. При таком грохоте можно было совершенно спокойно прогнать через долину стадо коров, без риска быть услышанным.

Скорее следовало побеспокоиться за судьбу самой долины. Ведь за дамбой плескалось озеро, которое, прорвавшись, могло затопить всю долину, если дамба вдруг не выдержит. Айбасу доводилось видеть, как безо всякого колдовства громкие звуки вызывали снежные лавины или камнепады.

Он поспешил вперед, чтобы переговорить с Марром, обгоняя Чиенну. Надо было отдать ей должное: если она и не была так привычна к ночных походам по горам, как Вилла, но в любом случае обузой она не станет.

Когда Айбас поравнялся с Марром, тот как раз поднес к губам свой инструмент. Музыка, почти неслышная в общем шуме, потекла по долине. Волосы на голове Айбаса встали дыбом, как колючки испуганного ежа.

Они все еще стояли торчком, когда флейтист вывел компанию к подножию дамбы. Еще силь-

нее они зашевелились, когда из темноты выплыли два неясных силуэта, оказавшихся, к счастью, Конаном и Тайрином.

Вилла издала почти детский крик радости и бросилась в объятия отца. Райна была бы рада точно так же оказаться в объятиях Конана, но Киммериец казался не более приветливым и ласковым, чем его холодный, суровый северный бог Кром.

— Оставим нежности и приветствия до лучших времен, — сказал он. — Так. За нами, кажется, хвоста нет. А как у вас?

Райна и Айбас отрицательно покачали головами. Похоже, Конан чуть успокоился.

— Друг Марр, если ты можешь хоть ненадолго приручить эту зверюшку, хоть чуть-чуть успокоить или отвлечь ее — самое время приниматься за дело.

Айбас начал протестовать, когда выяснил, что на него возлагают ответственность за доставку Чиенны в безопасное место, тогда как Конан, Тайрин и Райна оставались прикрывать их от чудовища. Он счел себя униженным такой несправедливостью.

Но... присяга есть присяга. А он дал клятву Киммерийцу. Киммериец же, в свою очередь, стал доверять Айбасу, поверил в его искренность и честь. Айбас многих предавал в своей жизни, но ни за что на свете он не хотел бы предать это доверие.

Марр кивнул, а затем вопросительно ткнул в лежащего Ойжика:

— Он сможет идти?

— Это с бочонком-то вина внутри? — недовольно проворчал Тайрин. — Тащи его теперь. Делать нам больше нечего.

— Подожди, — коротко ответил Марр, вновь взяв в руки свои флейты. Слабые, дрожащие звуки мелодии доносились словно издалека до ушей стоявших рядом.

Что бы там ни было, а эти звуки подействовали на руки и ноги славного капитана. Они задергались, напряглись и поставили тело Ойжика для начала на четвереньки, а затем и более или менее вертикально. Он стоял покачиваясь, с широко открытыми, но ничего не видящими глазами, напоминая плохо сделанную марионетку в руках плохо знающего свое дело кукольника.

Флейтист прервал музыку, и Ойжик снова рухнул на колени, на этот раз — не бесцельно. Его начало рвать, причем основательно. Киммериец и Айбас едва успели отскочить, чтобы не запачкать сапоги. Трудно было бы определить, что внушало Конану большее отвращение — конвульсии пьяного Ойжика или магия, заставившая его делать это.

Едва Айбас помог Ойжику встать на ноги, как неожиданно замолчали трубы и барабаны. Вдруг победные крики прокатились по долине. Айбас

повернул голову туда, куда Райна показывала рукой.

Казарма охраны все еще горела, ярко освещая тропинку, ведущую к дамбе. По ней бежало человек двадцать, с копьями и обнаженными мечами, отражающими отблески пламени.

— Ну вот до нас и добрались, — подытожил Конан. — Марр, давай заставь Ойжика карабкаться на стену. Райна, Тайрин, мы остаемся прикрывать остальных.

Флейтист что-то строго сказал на ухо Ойжике. Тот только что честь не отдал, а затем рванулся к стене дамбы. По пути он дважды упал, пока не восстановил в себе равновесие, а затем прямо с обезьянней ловкостью полез по камням и бревнам к гребню стены.

Чиенна и Вилла последовали за ним. Торчащий сучок разодрал одну штанину брюк принцессы от колена до самого низа. Она словно и не заметила этого. Конан успел обратить внимание на мелькнувшую красивую ногу, а также на то, что принцесса была такого же роста, как Райна, и едва ли чуть поуже в плечах. На его вкус, она была чуть худовата. Но для маленького мужчины вроде графа Сизамбри она была чересчур крупной невестой. Конан вообще засомневался, пережил ли бы граф свою первую брачную ночь с принцессой.

Айбас, Вилла и флейтист начали подъем. Марр держал флейты в кулаке и лишь свободной рукой подыскивал выступы и углубления. Это был нелегкий способ лазания по отвесным стенам. Поэтому Айбас и Вилла спустились пониже, чтобы помочь ему.

Итак, авангард был уже далеко, в безопасности от всех, кроме чудовища. Конан кивнул Райне. Натянув лук, она сию же секунду выпустила стрелу в линию нападающих. Прежде чем та успела поразить цель, в воздухе засвистела следующая стрела. Вдруг сильная рука схватила Райну за плечо. Конан зло посмотрел на Тайрина, помешавшего Райне, и выхватил меч. Тайрин лишь покачал головой:

— Прошу прощения, госпожа Райна, капитан Конан. Но это ведь мой народ. Некоторых из них я сам сделал воинами. Они мне как сыновья. Если Звездные Братья смогли свернуть с пути истинного их души, то, может быть, я смогу вернуть их на нужную тропу.

— Да, если бы еще и петухи неслись... — съехидничала Райна. — Давай-ка...

— Говори, Тайрин, — сказал Конан, — только, пожалуйста, недолго.

Тайрин поднес сложенные рупором ладони к рту; его голос заглушил разом и барабаны и трубы:

— Воины Поуджой! Это сегодняшнее дело не принесет вреда никому из племени. Мы лишь

хотим прекратить грязную игру, которую затеял с нами граф Сизамбri. Мы сделаем только то, что нужно для этого, но не больше. Идите по домам, охраняйте их, и позвольте нам восстановить честное имя племени.

Линия нападающих замедлила движение. Тайрин прокричал что-то еще о коварстве и порочности графа Сизамбri и о бесчестии племени, взявшего его золото. Он ни разу не обмолвился ни о Марре-Флейтисте, ни о Звездных Братьях, ни о чем, что, казалось, само просилось на язык.

Теперь строй нападающих совсем нарушился. Некоторые совсем остановились. Другие шли вперед шагом, не быстрее, чем на прогулке. Несколько человек затеяли между собой спор.

Лук Конана тоже был готов к стрельбе. Если бы уговоры Тайрина не подействовали на его соплеменников, то вдвоем с Конаном они всадили бы стрелы в их ряды раньше, чем те успели бы повернуться.

Вдруг из рядов воинов послышались крики ярости. Оказывается, двое из них не на шутку сцепились друг с другом. Сверкнула сталь, и наконечник копья вошел в живот одного из соперников. Срывающийся на визг стон разорвал ночь.

Тайрин что-то пробормотал себе под нос, а потом хлопнул Конана и Райну по плечу и сказал:

— Прощайте, удачи вам, если больше не свидимся.

— Приводи всех, кого соберешь, к мертвому человеку-медведю у огромного дуба, это ближе к Проклятой Земле, понял. Найдешь. Мы приведем их к Элоикасу.

— Сначала я выведу их из бесчестья, в которое ввергли их Звездные Братья, и, лишь получив прощение Ее Высочества, мы сможем молить короля взять нас на службу.

И он побежал к своим дерущимся между собой соплеменникам настолько быстро, что Конан не успел даже подумать о каком-либо еще совете, не говоря уже о том, чтобы высказать его.

Пока они карабкались по стене дамбы, Райна пару раз помянула Тайрина недобрым словом. Конан лез молча, ничего не отвечая. Он лучше Райны понимал чувства Тайрина, ощущавшего свои обязанности по отношению к своим соплеменникам, пусть и сбившимся на темную тропу зла, обманутым неверным светом колдовства.

Не успели они добраться до гребня дамбы, как по долине прокатился раскат колдовского грома. Показалось, что сам мир дал трещину и начал рассыпаться. Райна заткнула уши, да и Конан ощутил, словно две раскаленные стальные иглы впились в его барабанные перепонки.

Им удалось-таки взобраться на вершину дамбы прежде, чем гром снова прокатился по склонам долины. На этот раз ему ответило не только эхо. Из глубины озера послышалось долгое тихое шипение.

Шипение, переходя в свист, преследовало Конана и Райну, бежавших по гребню дамбы. Ее длина составляла примерно три сотни шагов, и их товарищи преодолели пока что не больше половины.

Когда они нагнали своих, свист и шипение превратились в гул и бульканье, а затем и в рев. Озеро, казалось, загорелось, выбрасывая искры и языки пламени рубинового, сапфирового, изумрудного и других необыкновенных цветов. Его поверхность волновалась и покрылась пузырями, а затем зашипела, как огромный котел.

Марр, как видел Конан, все это время играл на своих флейтах. Но поди услыши слабую мелодию в этом адском реве чудовища. Однако, хотя музыка и не была слышна, она, похоже, пока что выполняла то, что обещал Марр. Судя по бурлившему, как кипящий котел, озеру, чудовище проснулось, было голодно и раздражено.

Но нигде рядом с карабкающимися по дамбе человеческими фигурами не поднимались из воды страшные щупальца. Они легко достигали гребня дамбы и могли в мгновение ока уничтожить всю компанию, даже просто стащив людей в бурлящую воду.

Но почему-то этого не происходило. Конан даже почувствовал в первый раз в своей жизни некоторое облегчение при виде работы колдуна и ее результатов. Но он вовсе не собирался поддаваться этому чувству. У Конана не было

сомнений, что в конце концов Марр начнет действовать против них — по своей ли воле или по таинственному закону колдовства, побеждающего самого колдуна. А кроме того, Конан чувствовал бы себя куда более легко, если бы оказался просто подальше от чудовища, вместо того чтобы вблизи быть свидетелем его борьбы с колдовскими мелодиями флейты.

Еще пятьдесят шагов по направлению к концу дамбы. Вдруг Вилла, только сейчас заметившая приближающихся Конана и Райну, крикнула:

— А где отец?

— Он решил вернуться, чтобы помочь своим товарищам решиться на отказ от службы у графа Сизамбri.

Вилла вцепилась зубами себе в руку, чтобы сдержать плач, а второй рукой, сложенной в кулак, ударила Конана в грудь. Айбас обнял ее за плечи.

— Он сам выбрал для себя то, что для него важнее, — сказал он. — Нам нужно исполнить наш долг. В конце концов, и он и мы делаем одно общее дело.

Приблизившись к флейтисту, они увидели, что тот вот-вот упадет от утомления. Ойжик выглядел ничуть не живее, чем труп, решивший прогуляться. Принцесса держалась просто великолепно. Она, да и ее все еще спящий ребенок. Конан даже положил руку на грудь малыша, чтобы убедиться, что тот дышит.

Вдруг дамба под ними вздрогнула. Конан почувствовал, как зашевелились огромные камни под ногами, хотя внешне ничего не изменилось. Но Конану уже доводилось переживать землетрясения и чувство дрожи под ногами было ему знакомо.

— Бежим! — прокричал он достаточно громко, чтобы быть услышанным даже сквозь рев чудовища. — Надо сматываться, дамба может рассыпаться!

Повторять предупреждение не потребовалось. Вновь вздрогнувшие под ногами камни словно приставили к каждому по паре крыльев. Даже Ойжик добрался до конца дамбы, почти перейдя на странный, спотыкающийся бег; а принцесса не смогла бы бежать быстрее, даже догоняя ускользающий слиток золота.

Тропа к вершине склона, открывшаяся перед их взором, была и вправду не тяжела для восхождения. Даже ребенок лет шести смог бы взобраться по ней.

Значит, она не стала бы препятствием и для любого из воинов Поуджой, не сумей Тайрин убедить их оставить в покое его друзей. Конан стал прикидывать, где они с Райной могли бы занять позицию, чтобы вдвоем сдержать натиск много большего числа противников. Имея луки, они могли бы продержаться, остановившись вне досягаемости щупалец чудовища... по крайней мере до тех пор, пока не опустеют их колчаны или же пока

Звездные Братья своими заклинаниями не освободят чудовище от колдовства флейт и не отправят его прогуляться вверх по склону, как это происходило в дни жертвоприношений.

Дамба вздрогнула в третий раз. Конан не только почувствовал толчок, но и увидел, как посыпались со стен дамбы, поднимая облака пыли, камни величиной с человека.

— Что ты встал как вкопанный, Конан? — окликнули его. — Решил порыбачить, а потом поджарить нам на дорогу по кусочку этой мерзости?

Райна чуть не кричала ему в ухо. Он подсадил ее на уступ, затем и сам вскарабкался на него. Камень, на котором они только что стояли, заказался и полетел вниз, увлекая за собой другие.

В несколько прыжков Конан и Райна догнали остальных на середине подъема. Там они перевели дух и осмотрелись.

Никто уже не смог бы преследовать их тем же путем, даже если бы чудовище издохло сию же минуту. В дамбе зиял, шире, чем королевская дорога, огромный разлом, сквозь который вода потоком неслась вниз. Туман над озером стал еще гуще, почти скрыв его от глаз.

Огни в толще воды окрашивали туман во все цвета радуги. Похоже, что чудовище чуть поутихло, хотя его щупальца все так же равномерно продолжали появляться над облаком тумана.

Конан окликнул Марра. Он не ждал от флейтиста ответа и не собирался консультироваться

с ним о тонкостях его борьбы с чудовищем. Ему просто захотелось узнать, слышит ли флейтист еще хоть что-нибудь, кроме своей музыки. Но лишь Конан успел открыть рот, чтобы еще раз произнести имя Марра, тот вдруг покачнулся, словно от тяжелого удара в голову. Еще один невидимый удар, и только сильная рука Конана спасла потерявшего равновесие колдуна от неминуемого падения вниз по склону, к дамбе и к озеру.

Судя по стонам вокруг него, Конан понял, что удар пришелся не только по Марру. Однако не всем так повезло, как ему: Конан не мог удержать всю компанию.

Он вытянул за ногу Виллу, висевшую опасно близко к краю обрыва, едва цепляясь за камни пальцами рук и ног.

Райне помочь не требовалась. Айбас же не смог устоять и приземлился на мягкое место. Он сыпал проклятиями и потирал задницу, и Конан понял, что такой шум мог поднять только человек не слишком пострадавший.

В такой ситуации Ойжик был обречен. И так-то не слишком хорошо стоя на ногах, держась лишь при помощи волшебной музыки, он потерял свой последний шанс в тот момент, когда она стихла. Конан увидел, как капитан-предатель покатился, подскакивая на камнях, раскинув руки и ноги, словно тряпичная кукла.

Ойжику не суждено было покоиться в могиле или хотя бы просто в щели среди камней. Из тумана навстречу метнулось щупальце. Даже самого кончика хватило на то, чтобы трижды обвиться вокруг его тела. Конан увидел, как хлынула кровь из раздавленной грудной клетки и лопнувшего живота, как открылись рты на щупальце и как, наконец, ненасытное чудовище и несчастная жертва растворились в густом тумане.

Наблюдая за этим жутким зрелищем, Конан совсем забыл про принцессу и ее сына. Он, держась руками за нависшее дерево, внимательно осмотрел склон. По крайней мере, не было видно ни одного камня, достаточного, чтобы придавить их при падении. Но, с другой стороны, на голом склоне не было видно ничего, за что она могла бы зацепиться, задержав падение. Вдруг словно из-под земли показалась голова и приветственно машущая рука принцессы. Конан благодарил богов за то, что его глаза обманули его, скрыв довольно большую трещину в скале, намного ниже по склону, недалеко от края воды.

Он добрался до принцессы лишь на несколько мгновений раньше Райны. Оба, выставив вперед мечи, приготовились достойно встретить противника: из туманной мглы появилось новое щупальце. Чудовище выло почти так же громко, как раньше. Оно вновь почуяло добычу. Но затем ему пришлось завыть еще громче, когда оба меча полоснули по щупальцу. На этот раз его вой

только взбодрил воинов. Чудовище состояло из плоти и крови. Оно чувствовало боль и, значит, могло быть побеждено.

Что такое боль, Конан и Райна напомнили чудовищу очень быстро. Никогда еще в своей жизни Конан так исступленно не орудовал мечом, хотя каждый удар отражался дикой болью во всей руке — от кисти до плеча.

Щупальце дергалось в такт с завываниями чудовища. Зеленый гной хлестал из ран, а пасты изрыгали какую-то желтую пену, которая, заливая руки Конана, делала его захват покрытой акульей кожей рукоятки меча менее надежным. Зловоние свинарника было просто ароматом тончайших духов по сравнению с воностью, исходившей от этой жижи.

Наконец последний лоскут кожи, связывавший конец щупальца с самим чудовищем, был перерублен ударом меча Райны. Чудовище подобрало изуродованную конечность и скрылось в глубине, оставив на поверхности не только облака тумана, но и клочья пены.

Принцесса протягивала младенца к самому верхнему краю трещины, из которой не могла выбраться. Ребенок плакал, лишенный успокоения Марровых флейт.

— Держитесь, я сейчас вытащу вас обоих! — закричал Конан.

— Госпожа Райна! Возьмите ребенка! — В голосе принцессы было столько мольбы, что Райна

повиновалась и, схватив младенца, бросилась вверх по склону.

Конан наклонился над трещиной в скале, взялся за красивые руки с длинными пальцами и выпрямился. Принцесса вовсе не была изящной придворной дамой, и даже стальным мышцам Конана пришлось поднапрячься, чтобы вытащить ее на ровное место.

Принцесса предстала в достаточно жалком виде. Наверное, и на кабацкой танцовщице после разгульной ночи осталось бы больше одежды. Но, к чести принцессы, нагота ее только больше красила.

Принцесса, казалось, хотела броситься Конану на шею, но в последний момент сдержалась и, подойдя к нему, обняла за плечи и положила голову на грудь Киммерийца. Так они и стояли, пока не услышали крик Райны:

— Опять! Вот оно!

Конан внимательно посмотрел на щупальце, приближавшееся к нему, придирично оценил иззубренный меч в руке, а затем свободной рукой хорошенко приложился к мягкому месту принцессы, подталкивая ее туда, где ждала Вилла с ребенком на руках. Райна бросилась вниз, чтобы последний раз встать в бою бок о бок с Киммерицем.

Вдруг земля подбросила обоих, словно на качелях. Они упали, растянувшись на склоне, но не скатившись к озеру. Щупальце выползло из

тумана и стало подбираться к ним. Конан вскочил на ноги, поминая всех богов, которые, по его мнению, могли помочь ему погибнуть достойно, как подобает настоящему воину.

Радуга, мерцавшая в тумане над озером, вдруг погасла. Мощный грохот, по сравнению с которым даже завывания чудовища показались сущей чепухой, наполнил ночной воздух. Туман поднялся выше, но стал заметно менее густым, и сквозь эту поредевшую завесу Конан увидел, что дамбу прорвало.

Воды озера белой стеной хлынули в долину. Поток несся быстрее самого резвого скакуна, наверное, так же быстро, как летящий сокол. Конан понял, что Поуджой гибнет на его глазах.

Увидел он и чудовище, хотя и неясно, сквозь дымку тумана. Большое, покрытое панцирем тело, усеянное щупальцами, скрылось из виду, затем мелькнуло в водопаде разрушенной дамбы и вновь пропало в потоке, несущемся в долину.

Больше Конан его не видел. Но он узнал о его смерти, узнал по последнему содроганию земли и по страшному реву, прокатившемуся над долиной. Даже издаваемый неведомым неземным существом, этот рев мог быть только одним — предсмертным криком боли.

Сколько Киммериецостоял так, глядя в туман, расползшийся по погибающей долине, — он и сам не знал. Его вернула к действительности опустившаяся на плечо рука Райны.

— Конан, взгляни, на расстоянии вытянутой руки от тебя оборвался кусок камня. Следующий оборвется вместе с тобой, если ты еще собираешься провести здесь некоторое время.

Конан осмотрелся и понял, что Райна права. Встремнувшись, он полез вверх.

— По крайней мере, проблема погони решена, — сказал он, переводя дух на полдороге. — Эх, жаль, мы не знаем, утонули ли вместе с другими соплеменниками и эти Звездные Братцы.

— Молюсь всем богам, — ответила Райна, — не думаю, что Марр еще некоторое время будет хоть на что-то годен. Да, не стоит забывать и о людях Сизамбri.

Когда они присоединились к своим товарищам, флейтист был, по крайней мере, в сознании. Он сидел, прижав к себе Виллу, плачущую и зовущую своего отца.

Айбас накинул на плечи принцессе свой плащ. Если выше пояса она все равно выглядела не лучшим образом, то ниже — развевающиеся полы плаща придавали ей чуть ли не царственное величие. Она сунула младенцу в рот палец, и это на время успокоило его.

— Лучше бы, конечно, найти молочную козу или овцу и смочить лоскут ткани молоком, — сказала принцесса. — Уррас окреп, став молочным братом Поуджой. Боюсь, как бы обратная дорога не слишком измотала его.

— Молочную козу? — как эхо повторил Конан, глядя куда-то в пространство. Вдруг он осознал, что до сих пор не вышел до конца из оцепенения. Встремнувшись, он приписал такую непростительную для воина слабость столь долгому и близкому соседству с колдовством.

— Конан, — обратилась к нему принцесса, — я же не могла попросить тебя взять с собой и кормилицу. Но ведь здесь на склонах пасутся стада Поуджой. Тут должно быть полным-полно коз. Причем любая из них, даже тот козел, от которого не добьешься молока для Урраса, не плохо сойдет нам на ужин, я правильно понимаю?

— Ну конечно же, госпожа... прошу прощения, Ваше Высочество.

— Извинения не нужны, Конан. Ты и твои товарищи не присягали мне как принцессе трона, но поступили так, как подобает давшим такую клятву.

Она посмотрела на небо, где неясно мерцали звезды среди нагнанных ветром туч и поднятого им тумана.

— Похоже, половина ночи уже позади, — добавила она. — Наверное, лучше использовать ее остаток на то, чтобы увеличить расстояние между нами и теми из Поуджой, кто смог уцелеть в этом потопе.

Конан ничего не имел против явного желания принцессы отдавать приказы, руководить возвращением домой. Сколько угодно! Пусть только

предоставит орудовать мечом тем, кто в этом больше понимает.

Он еще раз осмотрел долину. Сквозь туман блестело зеркало воды. Здесь и там дома и пригорки торчали из воды; на одном из таких островов он увидел неясные движущиеся силуэты.

Ничего более конкретного. Никаких знаков ни от Тайрина, ни от Звездных Братьев, ни намека на чудовище.

Конан встал, потянулся, расслабил и вновь напряг натруженные мышцы, а затем повернулся к Райне и, хитро прищурившись, спросил:

— Слушай, давай поспорим, кто из нас лучший пастух, ты или я? Ну, что скажешь?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Первые лучи рассвета застали Конана и его компаньонов на изрядном расстоянии от долины, идущими по направлению к дому.

— Дворца больше нет, Ваше Высочество, — сказал Конан. — Ваш отец находится со своим лагерем в глухом лесу и вынужден жить в палатке. Боюсь, что вы по-другому представляли себе возвращение домой.

— Капитан, можно подумать, что вы провели при дворах не меньше времени, чем Айбас в этой глупши.

Вырвавшись из плена, принцесса была готова улыбаться всем и всему подряд. Эта улыбка делала ее еще более миловидной и привлекательной.

— Я просто умею говорить принцессам правду, — ответил Конан, — или, по крайней мере, тем принцессам, которые хотят ее услышать. Некоторые, напротив, не желают ничего знать, и я вообще избегаю говорить с ними, насколько это возможно.

— Наша семья всегда была открыта для самой горькой и самой радостной правды. А еще

мы всегда называли своим домом все Пограничное Королевство. И пока моя нога не ступит в чужие владения — я дома. И скорее мой отец и я умрем, чем покинем наш большой дом.

Конан прикинул, что граф Сизамбri наверняка имел свои соображения по поводу желающего места пребывания королевской семьи, если не вообще по вопросу их жизни или смерти. Но чем скорее принцесса и наследник воссединятся с королем, тем скорее он вновь соберет под свое знамя достойных союзников. А как только их наберется достаточно — Сизамбri будет нечего сказать ни по какому поводу, включая даже вопрос его собственной жизни и смерти.

Конан очень надеялся на это. Ведь проиграть Сизамбri казалось равносильным позорной смерти от множества укусов змей или от безжалостных зубов стаи голодных крыс. Нет, это не смерть для воина. Это — позор для любого мужчины, женщины, даже ребенка, — любого, кто знал, что такое стыд, достоинство, честь.

На второй день пути Конан и его спутники наткнулись на следы большой группы людей.

— Поуджой, — сказал Марр, внимательно рассмотрев отпечатки ног. — Часть — воины, а с ними — женщины и дети.

Он выпрямился и внимательно посмотрел на поросшие лесом горные хребты к западу от них.

— Думаю, они просто стараются убраться подальше от своей затопленной долины. Но они не ищут королевский лагерь и могут наткнуться на него лишь случайно.

— Если они захотят, мы можем проводить их к Декиусу, — сказала Райна, — чего нам их теперь бояться.

— Если с ними женщины и дети, то они не станут вступать с нами в бой, если мы их к этому не принудим, — рассудил Конан, но у принцессы было на этот счет другое мнение:

— Они могут быть больше готовы к бою с нами, чем когда бы то ни было. Чувство мести может заставить забыть здравый смысл людей и поумнее, чем племя Поуджой, — простите меня, Вилла, но это так.

Вилла была так ошеломлена извинением принцессы крови, чья семья долго враждовала с ее племенем, что так и осталась стоять, открыв в изумлении рот. Марр положил ей руку на плечо и поклонился принцессе, как бы выражая благодарность от обоих.

— Я могу с помощью своей магии сделать так, что они не попадутся нам на пути, — подумав, сказал флейтист, — но ведь Звездные Братья тоже могли выжить, и сейчас они идут вместе со своими соплеменниками.

— А их сила не погибла вместе с их любимчиком? — спросил Айбас. По его тону было видно, что он очень надеялся на это, наверное, не меньше, чем Конан.

— Кстати, а что они могут сделать, лишившись чудовища? — спросил Киммериец.

— Ну, они в любом случае почувствовали, что без моего колдовства тут не обошлось. А раз так, то они наверняка найдут способ заставить воинов разведать, где мы и что замышляем.

— Тогда нам следует двигаться отсюда побыстрее, — решительно сказала принцесса. — Я не имею к племени Поуджой никаких претензий, если, конечно, они не имеют ничего ко мне.

Последняя фраза была произнесена подчеркнуто громко и четко. И не без результата. Тот, кто, затаившись, следил за ними, хорошо слышал эти слова. Он совершенно бесшумно удалился, направившись к своим товарищам с важным известием.

Беглецы повстречались с этим разведчиком и десятком его товарищей ближе к полудню. Уррас тихо причмокивал, переминая во рту смоченную в молоке тряпицу, вдруг возглас Райны заставил всех вскочить и схватиться за оружие:

— Поуджой!

Конан первым подоспел к месту, выбранному Райной для дежурства. Она уже спряталась за удачно стоящим деревом с луком и стрелами наготове. Конан подыскал себе такое же при-

крытие и стал наблюдать за подходящими воинами.

Все они были вооружены, но мечи лежали в ножнах, копья — опущены наконечниками вниз, а луки — закинуты за спину. Их было человек десять, и последним в строю...

— Отец!

Возглас Райны показался просто шепотом по сравнению с криком Виллы. Девушка побежала к своим соплеменникам и бросилась в объятия высокому мужчине, замыкавшему цепочку воинов. Он наклонил голову, целуя ее в лоб, но Конану удалось рассмотреть, что на его усталые глаза навернулись слезы.

Конан вышел из укрытия:

— Приветствую тебя, Тайрин. Рад видеть тебя и узнать, что не все твои соплеменники погибли вместе со Звездными Братьями и чудовищем.

Тайрин мягко отстранил Виллу, и выражение радости на его лице сменилось серьезностью и готовностью к действию.

— К сожалению, не все Братья погибли. Двум удалось спастись, их сила осталась с ними. Они ведут с собой воинов, не так много, как я, но достаточно, чтобы, объединившись с другими союзниками...

— Такими, как граф Сизамбri? — раздался голос принцессы.

Тайрин и Чиенна смотрели прямо в глаза друг другу. Каждый пытался понять мысли и

намерения другого. Наконец первой заговорила принцесса:

— Я не знаю, будет ли это соответствовать вашим законам и традициям, но если вам необходимо прощение королевской особы, то вы его получите. Считайте, что вы уже прощены. Более того, у вас снова будет своя земля, которую вы сможете называть своей. Земля лучше той, которую вы потеряли.

Воины слушали принцессу молча. Стояла такая тишина, что ветер, шевеливший верхушки сосен, казался громыхающим штормом.

Тайрин прокашлялся и поинтересовался:

— А откуда же возьмется эта земля?

— После поражения Сизамбri земли его союзников будут переданы тем, кто верой и правдой служил нашему трону. Пока я не знаю точно, что это будут за земли. Но я уверена, что если вы будете на нашей стороне и я останусь жива — то вы их получите непременно.

На этот раз молчание было прервано одним из воинов, задавшим вопрос, который, как видел Конан, был у всех на уме:

— Быть на вашей стороне, госпожа принцессы? Это значит — воевать против ваших врагов. А следовательно — против маленького графа, не так ли?

— А против кого же еще воюет моя семья? Кто еще может быть моим злейшим врагом? Да если вы даже доживете до седых волос сыновей

своих сыновей — вы все равно не встретите более страшного человека, чем граф Сизамбri!

Тайрин попросил разрешения отойти со своими воинами в сторону, чтобы посовещаться. Разрешение было дано. Они вернулись довольно быстро, при этом большинство довольно улыбались.

— Мы должны дать присягу все вместе или каждый по отдельности? — поинтересовался тот из воинов, который задал и предыдущий вопрос.

— Как это следует из ваших законов и обычаяев. Мне не нужны друзья, чья клятва дана не так, как им бы хотелось.

Это вызвало бурю восторга, продолжавшуюся до тех пор, пока Райна не оборвала их криком:

— Замолчите! Вы что, решили на весь лес сообщить, где мы находимся?

Эти слова восторга не вызвали. Скорее, наоборот. Лица приобрели недовольное выражение, кое-кто даже негромко выругался. Конан шагнул вперед и сказал:

— Госпожа Райна и я, Конан из Киммерии, мы оба являемся капитанами дворцовой стражи. Ваша клятва королевскому двору означает, среди прочего, и ваше подчинение капитан-генералу Декиусу и любому капитану, замещающему его. Но никто из офицеров королевской гвардии не вправе командовать вами напрямую. Только через выбранного вами командира.

Конан выразительно показал на Тайрина, даже в своем жесте отдавая должное его чести и заслугам.

Принцесса подозвала к себе Конана. И хотя она не отличалась маленьким ростом, ей пришлось привстать на цыпочки, чтобы сказать ему на ухо:

— Я думаю, капитан Конан, что мне только что было указано, каким способом я должна управлять отрядами воинов Поуджой. Я все правильно поняла?

— Простите меня, если я поторопился, Ваше Высочество, но...

— Понимаю, тебя поджимало время, и ты не смог подождать моего разрешения. Мой отец и Декиус рассказывали мне, как часто они слышат эти слова и от хороших, и от плохих офицеров.

Конан молчал, уставив взгляд в одну точку где-то посреди строя воинов. Затем он услышал легкий смешок.

— Ты — отличный капитан, Конан Киммериец, и поэтому тебе позволено больше, чем другим. Позови воинов сюда, и пусть они примут присягу на верность мне. А затем — пусть идут и приведут сюда своих женщин и детей. Все вместе мы сможем спокойно спспать.

Церемония была краткой. Конан и не ожидал другого, как не сомневался он и в том, что остальные воины, которых привел Тайрин, будут столь же лаконичны в выражении своей клятвы.

Некоторые из них раньше всегда старались держаться в стороне от всех интриг Сизамбri и Братьев. Другие словно увидели мир заново. И уже никто не сомневался, что у племени нет будущего, если оно не приобретет новых союзников. Без своей земли, потерявшие большую часть воинов, они столкнулись бы лицом к лицу с другими племенами, ставшими уже давно их смертельными врагами. Рейды Поуджой за человеческими жертвами продолжались уже давно и не могли быть так легко прощены.

Конану оставалось только надеяться, что Поуджой не станут использовать свое новое положение опоры трона в качестве еще одного оружия против своих врагов. Если дело пойдет так, то королевская власть окажется в затруднении. Заключив мир с одним горным племенем, она оказалась бы на грани войны с полудюжиной других.

Киммериец поблагодарил богов за то, что не он или Райна будут решать эту проблему. Это дело короля или принцессы. Если Айбас захочет остаться и вариться в этом котле — удачи ему. Кстати, богатый опыт аквилонца по части дворцовых интриг мог сделать его важным советником при троне Приграничья.

А для начала следовало убедиться, что трон действительно будет принадлежать тем, кому собирался советовать Айбас.

Отряд в сто с лишним человек, из которых пятьдесят — вооруженные солдаты, труднее спрятать, чем горстку людей Конана. С другой стороны, ему не так уж и нужно прятаться. Никто, кроме войска графа Сизамбri (если такое еще существовало) или Декиуса с его отрядом не мог бы помериться с ними силами в открытом бою.

Другое дело — засады, и совсем уж другое — Звездные Братья. Вот почему Конан решил, что его мощному, но еще не сработавшемуся отряду лучше передвигаться днем, а отдыхать ночью. Так как последняя присяга была принята ближе к закату, то следовало остановиться на ночлег тут же, а дальнейшее продвижение начать наутро.

Группа хижин, не заслуживавших даже названия деревни, дала приют и кров для женщин, детей и принцессы. Дома были пусты, но не тронуты. Похоже, их покинули всего несколько дней назад. Почему? Конан не знал и предпочел не советоваться по этому поводу ни с кем, кроме Тайрина и Райны.

После завершения церемонии принятия присяги Тайрин преподнес командирские дары группе Конана. Первым подарком стало предоставление наследному принцу Уррасу кормилицы по первому его требованию. Другим подарком стала палатка для Конана и Райны.

— Можешь оставаться в ней с нами, — сказала Райна Айбасу, — кто-то из нас все равно будет нести дежурство.

Конан ничего не сказал, но подумал, что Райна могла бы сначала сказать ему, что предпочитает сегодня спать врозь.

Айбас покачал головой:

— Нет, спасибо. Тайрин предложил мне разделить палатку с ним, в знак примирения. — Посмотрев на Виллу, Айбас продолжил чуть тише: — Да и не все ли равно, где мне спать, если она спит рядом с флейтистом прямо под звездами.

— Нет, не все равно. — возразила Райна. — Спать надо там, где ты проснешься с ясной головой. Нам нужен твой здравый смысл, твои знания. Аквилюния много потеряла с твоим уходом, зато мы много приобрели, узнав тебя.

По лицу Айбаса было ясно видно, что он давным-давно уже не слышал ничего подобного в свой адрес. Но он нашел в себе силы соответствовать моменту. Он молча поклонился, поцеловал Райне руку и удалился.

— Кто берет первую смену? — спросил Конан.

— Лучше я, — ответила Райна. — Сегодня ночью тебе надо восстановить силы.

— Интересно, когда это женщина могла утомить меня? Даже ты, а ведь я знал некоторых женщин...

— Мало же ты их знал, если не веришь, что женщина, если захочет, может измотать

мужчину до полного изнеможения. — Она легко ткнула его локтем под ребра. — Ладно, Конан, иди и поспи. Тебе нужно отдохнуть.

Конан вскинул руку в издевательски-уважительном приветствии:

— Слушай, я никогда раньше не называл тебя госпожой. А ведь придется. Помолвка с Декиусом фактически приравняет тебя к нему по званию. То-то будет потеха. Госпожа капитан-генеральша!

Райна резко обернулась, все еще улыбаясь. Вот только ее улыбка на этот раз была всего лишь чуть-чуть сдержаннее, чем обычно.

Ни странная улыбка Райны, ни что-либо еще не могло помешать Конану провалиться в глубокий сон. Перед тем как лечь, он лишь смазал свои клинки, твердо пообещав себе разыскать кузнеца Пруджой на рассвете. Если над мечом хорошенько не поработать, то им вряд ли удастся убить хотя бы барана.

Конан снял сапоги, завернулся в свою медвежью шкуру и повалился на сосновые ветки, устилавшие пол палатки. Запах свежей хвои был последним, что он заметил перед тем, как... проснуться и убедиться, что его ложе делит с ним кто-то еще. Действительно, кто-то подо-

брался под край его шкуры и теперь тихо лежал там.

Этот «кто-то», судя по дыханию, была женщина. Она притворялась спящей, но слух Конана был слишком остр, чтобы ошибиться.

А вот в чем она не притворялась, так это в том, что была одета только в собственную кожу. Конан провел рукой по мускулистой спине и нежно похлопал ладонью по лопаткам. Похоже, что Райна решила отложить раздельные ночевки на потом.

Женщина подобралась к Конану поближе и крепко обняла его.

Конан был не из тех мужчин, которые способны отклонить такое настойчивое приглашение. В один миг он разделялся со своей одеждой и в свою очередь обнял ее, прижав к меховому покрывалу. Он запустил пальцы в ее волосы и начал целовать. В это время ее руки тоже не лежали неподвижно, заставляя Конана издавать нечленораздельные звуки...

Но вдруг он понял, что волосы, струившиеся по его пальцам, были мягки и ласковы, как шелк, и спадали по плечам женщины почти до середины спины.

Но это — не волосы Райны! Ее короткие жесткие волосы едва ли закрывали ей шею.

Конан не перестал целовать, а женщина, не останавливаясь, продолжала ласкать его. Свободной же рукой Конан пытался составить

представление о той, что оказалась с ним в одной постели.

Сомнений нет — это не Райна. Такая же высокая и широкая в плечах, но чуть постройнее. Добавить к этому длинные волосы — так кто же оказался в его объятиях?

Догадка Конана пришла к нему в сопровождении смеха, который женщина приняла за выражение удовольствия. Она удвоила настойчивость своих ласк, хотя и много меньшее их количество было бы достаточным, чтобы сделать ее желанной любовницей.

Итак, принцесса Чиенна. Отлично. Он был мужчиной, в постели которого лежала красивая женщина. А раз так, то между ними не существовало различий ни по званию, ни по заслугам, ни по наличию королевской крови в жилах, ничего, кроме тех церемоний, которые установились между мужчиной и женщиной задолго до того, как на их головах появились короны, а на телах — хоть какая-то одежда.

Эти церемонии заняли большую часть ночи и принесли обоюдное удовольствие. Принцесса под конец все-таки уснула, и Конан задумался, не пора ли разбудить ее и предупредить, что Райна скоро должна вернуться с дежурства.

Вдруг — словно молния вспыхнула в его мозгу. Райна и принцесса договорились между собой об этом! Смеха ради, если не хуже. Но зачем? Спать с девушкой королевской крови

означало для любовника смерть в большинстве государств. Но Чиенна была уже далеко не девушкой и вовсе не той женщиной, которой можно указать, с кем ей делить ложе. Конан не боялся, что эта шутка может плохо кончиться.

Неплохо было бы узнать, кто затеял интрижку. Но для этого, похоже, нужно было обращаться ко всяким заклинаниям, которые позволили бы ему понять мысли женщин. А такие заклинания, как и всякие другие колдовские штучки вроде шапки-невидимки или мечакладенца, скорее принесут больше вреда, чем пользы.

По крайней мере, не нужно было больше бояться, что Райна «застукает» его с принцессой под боком. Натянув шкуру на обоих, он аккуратно и целомудренно обнял ее, всем своим видом давая понять, что лишь согревает замершую принцессу под меховым одеялом и ничего другого.

Шкура и принцесса так согрели самого Конана, что он уснул едва ли не крепче, чем в первый раз в эту ночь. Когда он проснулся, принцессы не было, а рядом на привычном месте лежала Райна. В бледном предрассветном сумраке она выглядела очень красивой, но Конан не стал будить ее.

Лагерь приветствовал новый день грохотом котлов и ножей, треском дров в кострах, хны-

каньем голодных ребятишек. Ночная стража возвращалась, утрення — ушла на посты. Тут Конан услышал знакомый голос, протестовавший по какому-то поводу.

Оказывается, это был Айбас, жалующийся всем, кто его слышал, и кое-кому из тех, кто явно не слушал его, на то, что он глаз не мог сомкнуть всю ночь. Тайрин хрюпал!

Вот тут-то смех Конана, сотрясший палатку, и разбудил Райну.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Боль продолжала мучить графа Сизамбri днем и ночью. Он все еще был очень слаб. По ночам его одолевали кошмары. Он был благодарен Зилку, ученику врача, за умелое использование им найденных в развалинах дворца снадобий. Если бы не Зилку, боль и слабость не удалось бы преодолеть, а значит, стало бы невозможным и продолжать вербовку и призыв людей под его знамена. А так, несмотря на боль, он спал спокойно, как и в ту ночь, когда в лагерь пришли представители Поуджой.

Часовыми были лучшие солдаты графа. Они передали ему сообщение о прибытии Поуджой, а сами встали рядом с оружием в руках. Сизамбri решил, что можно будет повысить их в звании за хорошую службу. Еще больше его чувство благодарности к своим солдатам возросло, когда он узнал, что среди прибывших из долины Поуджой находятся двое из Звездного Братства.

— Звездные Братья, — обратился он к введенным в его палатку под охраной колдунам, — я надеюсь, что вы принесли мне хорошие вести накануне нашей окончательной победы.

— Новости могли бы быть и получше, но и принесенные нами — не худшие, — замысловато ответил старший из двух Братьев. Его борода была разделена медной проволокой на три части. Он неплохо говорил на языке жителей равнин. — Мы пришли сюда без нашего питомца, который не смог жить нигде, кроме озера, которое мы создали специально для него. Кроме того, мы пришли только с частью воинов племени. Остальная часть охраняет наших женщин, стариков и детей от тех племен, которые не-пременно захотят воспользоваться минутой нашей слабости, чтобы отомстить нам за службу у вас.

Сизамбri не покидало ощущение, что ему говорят одновременно что-то большее и что-то меньшее, чем правду. Вежливые манеры Звездного Брата никак не проясняли ситуацию. Колдун, похоже, провел изрядную часть своей жизни, завоевывая себе союзников тем, что говорил им то, что они хотят услышать.

— Сколько воинов пришло с вами и кто их командиры? — спросил Сизамбri, надеясь заставить Звездных Братьев прямо отвечать на вопросы.

— Пятьдесят лучших воинов племени, но среди них нет командиров, имена которых вам были бы знакомы.

— Так кто же поведет ваших славных воинов на решающую битву?

— Мы будем рядом с самой линией боя, — сказал младший из Братьев. — А уж если мы встанем бок о бок с нашими воинами, то они будут выполнять с радостью наши приказания.

— Да уж я думаю... — сказал Сизамбri, голова которого просто раскалывалась от боли. Эта боль не была следствием какой-либо раны, а возникала по самым разным причинам, например из-за раздражения или гнева на дураков.

Он попытался прояснить причину своих сомнений:

— Вас-то они послушают, но услышат ли они команды людей, действительно понимающих толк в военном искусстве? Я не сомневаюсь в искренности вашего порыва, но... вы хоть когда-нибудь участвовали в сражении такого рода, какое предстоит нам?

Обоим Звездным Братьям не оставалось ничего другого, как покачать головами.

— И более того, я могу рассчитывать на то, что вы разрешите мне поставить капитаном над вашими воинами одного из моих людей? Я полагаю, что это будет благоразумно как для вас, так и для них.

— Вы сомневаетесь в нашей храбрости? — спросил старший, явно злясь.

— Я сомневаюсь, что лучший в мире волшебник сможет пристроить к делу хоть самое

простенькое заклинание, если он в этот момент занят тем, что не дает стальному клинку выворотить ему кишки наружу.

Сизамбри嘗試控制自己的聲音。看來他並非一個好樣的領軍，但他的威信卻是無可否認的。

— Хорошо. Тогда я через несколько дней назначу капитана и пришлю его к вам, чтобы вы познакомились еще до выхода из лагеря. Что-нибудь еще?

Колдуны помотали головами и удалились. Сизамбри выждал некоторое время и вызвал к себе Зилку, рассказав ему о встрече со Звездными Братьями.

Лекарь высушал его молча, но его лицо при этом побледнело.

— Итак, вы хотите, чтобы я шпионил за этими голожопыми, скатившимися с гор на наши головы?

— Я хочу, чтобы ты посидел с ними за чашкой хорошего вина. Сам пей немножко, больше подливай им. А главное — слушай. Слушай, запоминай и передавай мне все мало-мальски важное. Да, ты не солдат, но ты — то, что иногда гораздо важнее. Ты — человек с острым зрением и слухом. Рот ты умеешь затыкать на полуслове. А кроме того, я думаю, что ты больше понимаешь в магии, чем пытаешься изобразить.

При последней фразе на лице Зилку не дрогнул ни один мускул. Но он кивнул графу и заговорщицки спросил его:

— А, так вы тоже что-то учуяли; неспроста они вот так сюда явились, правда?

— А ты не забываешь ли со своими намеками на то, что я думаю?

— Простите меня, господин граф.

— Заработкаешь прощение, узнав, что утаили от меня Звездные Братья.

Конечно, была вероятность, что Звездные Братья оскорбятся, заметив за собой слежку, а их секрет, раскрытый просто ради любопытства, не будет стоить и ломаного гроша. Но Сизамбри был уверен, что с Поуджой произошло больше неприятностей, чем ему поведали колдуны.

Наверняка к этому причастен Элоикас и его любимчики. А если это было чем-то таким, что может придать силу слабеющему королевскому двору и сделать его более величественным и мощным в день сражения?

Сизамбри выругался и ударил ребром ладони по центральному шесту, поддерживавшему палатку. Удар отозвался болью в нескольких местах. Граф с трудом задавил в себе крик.

— Когда я буду коронован, — решил граф, — моим первым распоряжением будет — перенести приемный зал в спальню, пока я не оправлюсь от болей. И пусть все, кто жаждет его

королевской милости, ждут его там. А принцессе Чиенне придется подождать его в спальне совсем по-особому.

Когда Конан вернулся, приведя с собой не только принцессу и наследника, но и воинство племени Поуджой, Декиус лишь посочувствовал графу Сизамбri. Капитан-генерал не сомневался в правдивости рассказа Конана, каким бы невероятным он ни казался. Но очень сомнительна была искренность присяги Поуджой. Свои сомнения он выражал часто и вслух, пока наконец принцесса Чиенна не вызвала его к себе и не приказала попридержать язык.

— Этому народу некуда отступать. У них не осталось даже дома, — резко сказала она. — Они могут идти вперед двумя путями: или обрекая себя на поражение в войне со всеми своими врагами, или обретая хоть какую-то безопасность от дружбы с нами. Безопасность для тех воинов, кто переживет ту самую битву, о которой ты сам говорил, что она будет душераздирающей. Безопасность, естественно, будет касаться и их жен и детей.

— Вы почти убедили меня, — сказал Декиус, — но это дело слишком серьезно, чтобы решать его без короля Элоикаса...

В какую-то секунду Декиус был уверен, что Чиенна закатит ему пощечину. Вместо этого ее пальцы сжали рукоять кинжала. Когда она заговорила, то один лишь звук ее голоса мог заставить молоко скиснуть:

— Декиус. Я — не королева и даже не регентша, но если ты побеспокоишь отца со своей чепухой — я найду способ отплатить тебе, возможно, что и незаконно, если законно не удастся. Иди истрой глазки Райне или пообещай Айбасу офицерский чин, да и вообще, делай все что угодно, лишь бы хоть кому-то на пользу пошла твоя деятельность.

Декиус поклонился и направился к выходу. Честно говоря, он признался себе, что принцесса права. Сердце Элоикаса слабело день ото дня. Будет чудом, если он доживет до мига своей победы.

Миг победы... Когда? Снесение с лица земли долины Поуджой, смерть чудовища и наверняка большинства Звездных Братьев — все это нанесло серьезный удар по графу Сизамбri. Конец войны был уже не за горами.

Из городков и деревень, разграбленных гра-фом, в лагерь короля стекались люди, желавшие воевать за законного монарха. Но мало кто из них был хорошо вооружен, еще меньше имели опыт участия в войне. Айбас получит свою капитанскую должность и даже больше, если захочет. И вовсе не потому, что Декиус стал доверять

ему, а просто-напросто потому, что нищим выбирать не приходится. Дюжина хороших офицеров да сотни три доспехов и мечей куда более пришлись бы Декиусу по вкусу.

Поговаривали, что некоторые горные племена, переставшие опасаться Поуджой, собираются принять участие в войне. Но на чьей стороне? И даже если они выступят за короля, смогут ли они ужиться со своими давними врагами? Не лучше ли было бы для королевского дома, если бы эти племена оставались в своих горах и особо не высывались?

Эти и еще с десяток не менее важных вопросов крутились в голове Декиуса, когда он выходил из палатки Чиенны. Обнаружив, что дошел уже до конца территории лагеря, он решил последовать совету принцессы и навестить Райну. Не для того, чтобы «строить глазки», — в своих мечтах он заходил гораздо дальше, — а чтобы посоветоваться с нею. С нею, конечно, с Конаном, даже с этим лордом Айбасом и Марром. Если только удастся разговорить их...

Неожиданно у него за спиной тревожно забил барабан. Декиус развернулся и увидел, что по склону к нему со всех ног несется Конан. Лицо Киммерийца было мрачно и неподвижно, лишь только ледяные голубые глаза подтверждали, что это — не маска.

— Господин капитан-генерал! Вас срочно вызывает Ее Высочество.

Словно холодная рука сжала сердце Декиуса. Он все понял и уже не удивился, когда Конан, отвернувшись, дополнил:

— Король Элоикас только что скончался. Как старший среди присутствующих представителей благородных подданных, вы...

— Я знаю законы и обычаи своей страны, Киммериец. Поверь мне.

Голос Декиуса дрогнул, когда он еще не договорил последнюю фразу. Ему хотелось протянуть руки к небу и крикнуть: «Отец!» — так, чтобы звезды и луна услышали о его горе, чтобы они содрогнулись вместе с его сердцем.

У Киммерийца хватило тактичности отойти и отвернуться, переждав, пока капитан-генерал сберется с мыслями и чувствами. Когда Декиус наконец смог взять себя в руки, оба воина зашагали вверх по склону к королевскому шатру.

Граф, не переставая, покачивался в своем плетеном кресле. Он провел целый день не в постели, но за постоянной работой, прервавшись лишь на краткий послеобеденный отдых, на котором удалось настоять его врачу. Подумать только! Тихий час, как у ребенка, еще не выросшего из ползунков.

А может быть, этот дневной отдых уже не нужен ему? Может, это из-за него граф не мог

спокойно уснуть вчера, да и сегодняшний вечер превратился в бессонное ожидание ночной темноты.

Закат уже окрасил снежные вершины в алый и розовый цвета, покрыл скалы нежным золотом, рассыпал по ледникам огненные брызги драгоценных камней. Ветер стих с наступлением сумерек, все вокруг погрузилось в молчание. Но не красоты закатного неба волновали Сизамбri. Ему казалось, что весь мир, приглушив свои звуки, вместе с ним затаил дыхание в смутном предчувствии.

Предчувствии чего? Сегодня Зилку должен вернуться из компании Поуджой. Наверное, он все-таки сумел разговорить этих горцев и выяснить, какова на самом деле ситуация в племени и долине.

От разведчиков, следивших за королевским лагерем, он узнал, что по крайней мере часть воинов Поуджой поменяла цвет своего флага. Ими командовал человек, по описаниям — не кто иной, как Айбас. Если этот мерзавец и вправду предал его, — Сизамбri даже призадумался, какая мучительная смерть будет уготована аквилонцу.

Хорошо еще, что перешедшие к королю Поуджой не привели с собой никого из Звездных Братьев. По крайней мере, так докладывала разведка. Но, по правде говоря, никто из разведчиков давно уже не решался подходить близко к

лагерю ни днем, ни ночью. Тех, кто пытался сделать это, больше никогда не видели. Случайно обнаружен был лишь один — кастрированный со вспоротым животом и выколотыми глазами — одним словом, наглядное страшное предупреждение другим.

После этого случая разведчики предпочитали держаться подальше от лагеря Элоикаса, а то, что им удавалось выяснить, основывалось чаще на слухах, а то и просто домыслах. Кто-то в своих фантазиях зашел так далеко, что пустил слух о смерти Элоикаса. Впрочем, ничего невероятного в этом и не было. А если это правда? Может, стоит предложить противникам мир на условиях провозглашения графа регентом при princie Уррасе?

Сизамбri со всех сторон прикидывал такой вариант развития событий, не замечая, как мир вокруг теряет постепенно краски, погружаясь в ночную мглу. Лишь тут и там мелькали огни костров, светясь то ярким желто-алым пламенем, то темно-рубиновыми углами. Уже совсем стемнело, когда граф все-таки принял решение: пока что попридержать язык и выждать еще немного. Когда он получше узнает слабые места врагов и полнее сможет использовать свои силы, — тогда, может быть, и наступит черед хорошо подвешенному языку выполнить работу острого клинка.

Да где же это Зилку? Граф не мог точно рассчитать свои силы, не зная состояния, в

котором находятся воины Поуджой, до и все их племя. А узнать это он мог только от своего посланца.

По каменистой земле рядом с палаткой застучали сапоги. Со звоном скрестились мечи охраны. Часовые были начеку. Да и сам граф вынул меч и положил себе на колени, пока один из охранников поднимал загораживающее вход полотнище палатки.

Темная тень скользнула в круг света, отбрасываемый костром. Наконец-то Зилку. Почти такой же, как и три дня назад, только небритый. И еще новый темный плащ, накинутый поверх другой одежды. Зилку бесшумно подошел к костру.

Граф выскользнул из своего кресла, держа меч наготове. В свете костра он увидел, что его посланник был не обут. Кровавые подтеки и раны покрывали его босые ноги, как будто он несколько дней шел так, без обуви, по камням.

У Сизамбri от нахлынувшей тревоги перехватило дыхание. Он даже не смог набрать воздуха, чтобы вызвать охрану. Хотя этого и не потребовалось. Стражники и сами увидели то же, что и их господин, и подошли поближе, готовые выполнить свой долг.

Первые двое подошедших к Зилку аккуратно взяли его под руки, как если бы он был тихим безобидным сумасшедшим. Вдруг Зилку с удеся-теренной силой схватил обоих за горло. С еще большей силой он столкнул их головами. Треск

раскалывающихся черепов громом прозвучал в ночной тишине. Затем, как бы для большей уверенности, он плотнее стиснул пальцы, переламывая шейные позвонки и разрывая горла своим жертвам. Изуродованные трупы были брошены к ногам их товарищей.

Верные присяге, они не бросили своего поста. И хотя никто больше не рискнул приблизиться к Зилку, охрана выстроила живую стену, ощетинившуюся острой сталью, между графом и тем, кто еще недавно был учеником лекаря.

— Поднимите меня, болваны. Мне нужно видеть его! — впал в ярость граф.

Ему было ненавистно любое напоминание о собственной слабости, но тут уж ничего нельзя было поделать. Там, где он сейчас находился, ему была видна лишь череда прикрытых латами спин и одетых в шлемы голов.

Двое слуг подняли его кресло, сгибаясь и пошатываясь под тяжестью. Двое часовых присоединились к ним. Вчетвером они вынесли графа из палатки и подняли кресло себе на плечи, чтобы граф мог видеть, что происходит поверх голов охраны. Увидев жуткую картину двойного убийства, граф проглотил крик ужаса; при этом тело словно свело судорогой, оно как будто независимо от воли хозяина хотело выскочить из кресла и убежать подальше от этого кошмара. Кресло закачалось, раздались проклятия графа, испуганные крики слуг, ругань охраны,

решившей занять на всякий случай круговую оборону.

Лишь отчаянным усилием воли и всем своим авторитетом Сизамбri удалось остановить начавшуюся панику.

Наконец он снова смог откинуться на подушки и увидеть, что происходит на площадке перед палаткой.

Во время царившей неразберихи Зилку успел встать в самый центр костра. Языки пламени доставали до его колен, пламя уже начало обугливать его ноги. Он, похоже, не чувствовал боли, а скорее наоборот — стоял, словно опустив ступни в теплую ванну с настоем целебных трав.

Зилку открыл рот и заговорил. По крайней мере, зазвучала чья-то речь. Графу было не до размышлений о том, кто вложил эти слова в уста Зилку. Сизамбri обратился в слух.

— Граф Сизамбri, — сказал Зилку. — На этот раз не ты лично платишь за желание обманутым путем выведать наши секреты. Если ты будешь продолжать упорствовать в своем желании узнать то, что тебе не положено, то ты ответишь по-другому. Сегодняшний урок должен пойти тебе на пользу. Но если ты его не усвоишь, то каждый новый урок будет стоить тебе жизни одного из верных тебе людей. Подумай хорошенько, на сколько таких уроков хватит мужества твоих подчиненных?

Зилку замолчал, и тут же кончилось действие заклинания. Все его тело наполнилось болью заживо сгорающей плоти. Сизамбri готов был поклясться, что никогда раньше не слышал такого душераздирающего крика.

— Убейте его! — Приказание графа едва ли не перекрыло вопли горящего человека. Ему не пришлось долго мучиться. Полдюжины копий пронзили грудь Зилку прежде, чем он вскрикнул второй раз. Их могло быть и больше, если бы некоторые стражники не побросали оружие, чтобы заткнуть руками уши. Один из часовых даже упал на колени, содрогаясь от приступов тошноты.

Как только Зилку упал, костер погас. Граф поблагодарил богов за посланную темноту, ибо он не хотел, чтобы его люди видели бледное, перекошенное гримасой страха лицо своего господина. Хотя он давно уже сомневался, что за этой страной присматривает хоть одно божество, которое можно было бы молить или благодарить за милость.

По крайней мере, большая часть слуг и охраны достойно выдержала такое испытание, не потеряв головы от страха. Когда граф отвлекся от своих мыслей, он обнаружил, что его уже уложили в постель на меховые одеяла, а тело облепили лечебными пиявками.

Он вполуха слушал причитания врача о пользе кровопускания. Его мысли были заняты

другим — догадками о том, кто же сумел раскусить миссию Зилку, заколдовать его и послать на мучительную смерть.

Лишь у Звездных Братьев и у королевского двора были секреты, ради которых стоило пойти на убийство. Но на службе у короля нет колдунов, кроме флейтиста, неизвестно зачем помогающего Элоикасу добровольно. А вот у Звездных Братьев заклинаний и магической силы хватало с лихвой, даже без их чудовища.

Но ведь Братство — его союзник! Граф чуть не споткнулся на этом слове. Неужели это способ совершить предательство по отношению к союзнику, который не смог пока что выполнить обещания вознести их Братство и все племя на небывалую высоту за помощь, оказанную в войне? Довольно изощренный и верный способ: убрать верного человека, посеять страх среди солдат, внести смятение в их умы, да и в голову самого графа.

И все-таки это сделали они, Звездные Братья, его союзники. Наверное, после того, что с ними произошло, они стали действовать в соответствии с древними племенными обычаями, когда понятие чести распространялось только на своих соплеменников. А может быть, их не особо заботило то, что они натворили, потому что охраняли секрет, позволяющий им снова обрести былое величие даже без помощи графа Сизамбri.

Светильник в палатке погас, вокруг графа сгустилась непроницаемая тьма. Стало прохладнее, он почувствовал, как холод пробирается к его ранам, как они начинают ныть. Пробиваясь сквозь вездесущую боль, в его мозгу вновь возникла идея предложить мир королевской семье, оговорив, конечно, предварительные условия договора.

— Передай своему господину, что мир возможен только в том случае, если он предложит служить нам своим мечом безо всяких условий, — сказала принцесса Чиенна.

Глядя на лица горстки оставшихся в живых придворных, Декиус улыбнулся. Королевское «Мы» было прерогативой правящего монарха, а не регента при несовершеннолетнем короле. Не ускользнуло от общего внимания и то, что Урраса по-прежнему именовали принцем.

Становилось очевидно, что вопрос о регентстве откладывается на неопределенное время, по крайней мере до завершения войны против графа Сизамбri. Декиуса более чем устраивал такой поворот дела.

Безусловно, как капитан-генерал, он занимал бы одно из главных мест в Регентском Совете. Но в Совет вошли бы и другие, не столько умом и заслугами, сколько происхождением и

подхалимажем пробившие себе дорогу к королевскому знамени.

Кое-кто из этих аристократов полагал, что неплохо разбирается в военной науке. Никто из них, конечно, не собирался претендовать на должность Декиуса, но своими советами они просто сжили бы капитан-генерала со свету. А уж что касается его подчиненных и их места при дворе — тут уж Декиус был просто счастлив, что ему не придется бесконечно выслушивать рекомендации и суждения о том, быть ли Конану капитаном всей гвардии, быть ли Райне и Айбасу офицерами стражи, или о самом факте присутствия Марра-Флейтиста в королевском лагере.

Все, что ему теперь придется выслушивать, — это бросаемое Чиенной: «Мы желаем, чтобы это было сделано» или «Мы не желаем этого», а затем повиноваться и исполнять. Этого Декиусу было достаточно, чтобы не только вновь поверить в богов, но и убедиться, что они кое-что понимают в справедливости и даже не лишены минимального здравого смысла.

— Значит, я не могу обнадежить своего господина сообщением о полученном прощении? — спросил посол графа Сизамбri.

С истинно королевским достоинством Чиенна сказала:

— Безо всяких условий, как уже было нами сказано. Может быть, ты глухой, или твой гос-

подин плохо слышит то, что ты ему сообщаешь? Никаких условий.

Посол, видимо, понял, что его миссия исчерпана и что, задержавшись здесь подольше, он ничего не добьется, а скорее всего еще и потеряет шанс на достойное возвращение. Он церемонно откланялся и вышел из шатра королевы.

Декиус обошел караульные посты, предупредил часовых о возможном скором возвращении новобранцев из учебного полевого выхода под руководством Конана, а затем был вызван на краткую аудиенцию к королеве. Он застал ее подравнивающей ногти на ногах большим солдатским ножом, по выражению ее лица было понятно, что она находится в более благодушном настроении, чем раньше. Королева обратилась к Декиусу:

— Мы не спросили вашего совета, отклоняя предложение графа. За это мыносим наши извинения. Хотелось бы все же знать ваши мысли по поводу поведения графа.

Смех Декиуса был похож на лай:

— Ваше Величество, граф Сизамбri просто пытается заручиться вашей благосклонностью, чтобы выкрутиться из безнадежной ситуации.

— Может быть, правда, что он боится своих союзников — колдунов из Поуджой — не меньше, чем нас? — Она ткнула пальцем себе в грудь.

Почтительность Декиуса не позволила ему зевнуть, но на его лице отобразилось такое

показное безразличие к обсуждаемой теме, что королева не могла не рассмеяться:

— Декиус, я рассержусь на тебя, если ты и дальше будешь считать меня слишком маленькой, чтобы обсуждать государственные дела. Не забывай, я теперь — королева Пограничья, может быть, плохая королева, но... или ты думаешь, что от Сизамбri в роли правителя будет больше толку, чем от меня?

Настал черед Декиуса по достоинству оценить юмор Чиенны.

— Я думаю, капитан Конан в десять раз больше подходит на это место, чем Сизамбri.

— Как минимум, в десять, — негромко сказала королева и, отложив нож, одернула платье, закрывшее босые ступни.

— Что ж, мы очень довольны вашей службой и всегда ценим ваши советы. Мы надеемся, что всегда сможем доверять вам, как доверяем сегодня.

Декиус поклонился и вышел, думая о том, что человеческие надежды и желания, даже королевские, не могут заставить богов поменять предназначенный ход жизни. Декиус был уже не молод, он был раза в два старше Чиенны и считал бы себя счастливым, если дожил бы до того времени, когда принцу Уррасу понадобятся уроки военного мастерства.

Может быть, ему стоит снова жениться. После того, как он похоронил жену и всех трех сыно-

вей, прошло уже много лет. А теперь — его новые дети и принц Уррас росли бы вместе. Наследнику ведь нужны товарищи для игр, друзья...

— Господин Декиус, я не помешаю? Или вы хотите побывать один?

Это была Райна, вышедшая из темноты бесшумно, словно кошка. Декиус хотел было утвердительно ответить на последний вопрос, но вдруг осознал, что в глубине души он вовсе не хотел оставаться наедине с собой.

— Госпожа Райна, я совершенно искренне заявляю, что мне будет очень приятно ваше общество.

Они пошли по направлению к палатке капитан-генерала. Между ними было расстояние, равное длине меча. Одежда Райны была, пожалуй, даже менее вызывающей для мужского взгляда, чем обычно. Но никогда раньше Декиуса так не тянуло к ней как к женщине.

Они уселись на шкуры у входа в палатку Декиуса. Капитан-генерал отоспал ординарца и достал из-под шкур бурдюк с вином:

— Угощение, боюсь, небогатое...

— Не может быть бедным угощение, если оно — от чистого и благородного сердца.

Декиус надеялся, что неверный свет костра не выдаст его по-мальчишески покрасневших щек. Он почувствовал, что обязан этой фразой искренней симпатии Райны, а не желанием сделать формальный комплимент.

Райна сделала несколько глотков и передала бурдюк Декиусу. При этом несколько капель вина упали на его запястье.

— Простите меня, капитан-генерал. Разрешите...

Она приблизила рот к его руке и стала слизывать растекшиеся винные капли.

Жить вдовцом — вовсе не означало для Декиуса совсем поглупеть. Он аккуратно обеими ладонями поднял лицо Райны к своему, чтобы встретить его поцелуем. Ее губы шевельнулись навстречу ему, а руки обвились вокруг шеи.

Просто удивительно, как быстрые и точные движения пальцев в один миг расправились с тяжелыми застежками доспехов. А в том, что последовало за этим, ничего удивительного уже не было. Разве что Декиус был поражен еще ни разу не виденной им красотой тела Райны.

Лишь когда Райна уснула у него в объятиях, Декиус обратил внимание, что они даже не занавесили вход в его палатку. Они лежали на шкурах, одетые только в отблески огня, на виду у всякого, кому взбрело бы в голову прогуляться неподалеку. Например, Конан, любивший пройтись ночью по лагерю...

Нет, так невозможно. Декиус решил добиться ответа от обоих — от Конана и Райны. И только услышав, что эта женщина — сама себе хозяйка, он сможет снова обнять ее, если она этого захочет.

Он даже не осмеливался подумать о том, чтобы взять ее в жены, по крайней мере до окончания войны. Это означало бы просто искушать богов. А они и так дали ему много, даже очень много.

Конан вернулся в лагерь на рассвете. Новобранцам, с которыми он совершил этот учебный выход, следовало еще многому научиться. Вот разве что за организациюочных засад он был спокоен — солдаты быстро освоили все, что их капитан посчитал необходимым.

Конечно, воины Поуджой были настоящими мастерами такого рода военных действий, но королева не решалась отправлять их одних далеко, вне досягаемости ее проверенных людей. Тайрин переносил это недоверие с большим терпением и достоинством, чем ожидал Конан, хотя, понятное дело, в восторг его это не приводило. Он-то был уверен, что может отвечать за своих воинов...

Конана не очень удивило, что Райны в их палатке не оказалось. Значительно больше его заинтересовало, куда подевались ее одежда и оружие. И уж совсем неожиданно было увидеть Виллу, спящую в его палатке.

По крайней мере, волосы, рассыпавшиеся по шкуре, были того же цвета, что у Виллы. Да,

рука, расслабленно лежащая на полу, принадлежала, скорее всего, молодой стройной девушке. Но, уже попавшись однажды, Конан решил не рисковать. Он тихо снял сапоги и наклонился над шкурой. Поднять девушку не составило труда.

Вынеся ее на свет раннего утра, Конан убедился, что не ошибся в своих предположениях. Вилла спала как ребенок — как очень красивый ребенок. Киммериец понял, что для того, чтобы прервать этот глубокий сон, нужны более действенные способы.

Он наклонился над девушкой, собираясь поцеловать ее.

Вдруг ее руки ожили, поднялись, чтобы обвитьсь вокруг его шеи. Она так крепко обняла его и так тесно прижалась всем телом, что почти оторвалась от постели. Конан чувствовал каждый изгиб, каждую линию ее тела, и понял, что не может оставаться безучастным к теплу и ласке, исходящим от нее.

Вилла начала тихонько что-то напевать, когда почувствовала ответное объятие Конана. Конан вообще-то не считал этот момент самым подходящим для пения, но очень скоро перестал обращать внимание на такие мелочи.

Песня закончилась, и Вилла прильнула к губам Конана, отдавая ему свое тепло. Одну руку она запустила в его длинные волосы и перебирала их пальцами. Возникла пауза, прерванная смехом Конана.

— Над чем ты смеешься, Конан?
— Надеюсь, что все это смехом и кончится, ну, я про то, что ты здесь, со мной.
— Ты что, боишься Марра?
— Я побоялся бы оскорбить любого человека, обладающего такой силой, как он.
— Ты знаешь, мы с ним... нам обоим очень неудобно, но надо бы предупредить тебя, чтобы ты был поосторожнее с этим... — Она похлопала ладонью по шкуре, на которой лежала.
— Ты кого имеешь в виду? Себя или Райну?
— Обеих. Мы же обе свободные женщины, правда?
— А то как же. Хотя я думаю, что Райне не-долго осталось быть хозяйкой самой себе. Если, конечно, с Декиусом ничего не случится... Я не спрашиваю, где сегодня Райна, — догадываюсь. Но вот что я тебя хочу спросить. Это она...

— Послала меня? Конечно. Она еще сказала, что боги не создали Декиуса для того, чтобы он был таким одиноким, каким остался после смерти всех близких, и кроме того, некому быть с ним в ночь перед сражением. А чтобы ты не провел в одиночестве эту ночь накануне, быть может, твоей последней битвы, она попросила меня прийти к тебе. Вот я и пришла, а тебя все нет и нет...

— Знаешь что, я тебя сейчас за эти шуточки про последний бой просто отшлепаю по твоей симпатичной попке.

— Ну, если тебе это доставит удовольствие, я буду только рада. — Она привстала так, чтобы ему было удобнее перекинуть ее через колено и отшлепать, как будто он и вправду собирался сделать это.

Но в это же время ее руки так ласково гладили тело Конана, что любой мужчина на его месте сделал бы единственный вывод.

На этот раз Вилла уснула уже после того, как все выводы были сделаны.

Конан не спал. Он тихо выбрался из-под мехового одеяла, оделся, взял оружие и отправился полежать под открытым небом у соснового ствола почти на границе лагеря.

Он не стал просить богов, чтобы они научили его понимать женщин. Наверное, даже боги тут были бы бессильны. Но разве он просил очень многое, когда хотел, чтобы женщины не так легко читали его собственные мысли, как это могла делать Райна?

Разведчик вовремя не оглянулся, за что и поплатился. Следовало бы внимательнее смотреть вперед, а он... Впрочем, не такой уж это и позор для скромного охотника, нанявшегося на службу к графу Сизамбри много лет назад.

Он и подозревать не мог, что окончит свою карьеру рядовым разведчиком в одном из отрядов под знаменами графа. Он даже не верил, что Звездные Братья, колдуны племени Поуджой, существуют на самом деле, а уж чего там говорить о том, что они могут спуститься из своей долины на равнину.

Если бы кто-то сказал ему, что они могут заставить дрожать от страха самого графа и всех его воинов — более тысячи человек, — он бы решил, что его собеседник больше всего нуждается в хорошем лекаре, чтобы поправить дела с головой.

А если бы по какому-нибудь стечению обстоятельств он поверил, что ему суждено служить этим самым Звездным Братьям, — он сбежал бы из Пограничного Королевства куда глаза глядят

и так быстро, как только несли бы его ноги. А если бы ноги отказали, он бы пополз, цепляясь руками и зубами, чтобы хоть немного увеличить дистанцию между собой и этими служителями культа чудовища.

Не покинув вовремя страну и не оставив даже службу у графа, он теперь был повязан со своим господином клятвой и долгом. Эта клятва и чувство долга перед товарищами действовали не хуже железных обручей, не давая вырваться. А теперь к этому добавился еще и страх ослушаться Звездных Братьев.

Вот этот-то страх и заставил лазутчика оглянуться через плечо в неподходящий момент. Он просто решил убедиться, что никакой соглядатай этих чертовых братцев не шел по его следам. И вдруг чья-то стальная лапа обхватила его руку, державшую меч.

Разведчик попытался вырвать, выкрутить руку, закричать или перехватить меч левой рукой. Ничего из этого у него не вышло. Вторая лапа закрыла ему рот, затем обе чуть напряглись, и он полетел с размаху головой в кусты, выронив во время полета меч.

Конан легонько ударил разведчика головой о пихтовый ствол. Тот потерял сознание. Киммериец, прислушавшись к его дыханию, убедился, что человек жив и не получил серьезной травмы. Он счел несчастного готовым к путешествию и взвалил его себе на плечи.

Пристроив пленника на плече, как убитого оленя, Конан направился прочь от тропы, в самую чащу леса. Только оказавшись вне досягаемости слуха и зрения, он повернулся на запад, где его ожидал авангардный отряд королевского войска.

Граф Сизамбri не вышел ростом, но внушительного вида ему было не занимать. Кроме того, его опыту воина могли позавидовать многие, а доказательств его храбрости хватило бы на много лет вперед.

Он ехал верхом во главе своих воинов, когда посыльный от группы разведчиков сообщил ему о пропавшем бойце. Он отоспал гонца снова вперед, чтобы тот передал разведчикам приказ оставаться на месте. Затем вместе с небольшим эскортом личной охраны он тоже поскакал вперед, чтобы разобраться во всем самому.

Добравшись до разведчиков, Сизамбri спешился. Он все еще нуждался в посторонней помощи, чтобы сделать это. Его люди охотно помогали ему. К счастью, ему уже не приходилось стискивать зубы, сдерживая боль. Внимательно осмотрев место происшествия и все следы вокруг, он сам, не прибегая к помощи других, влез на своего жеребца.

Его боли обострились из-за слишком долгого пребывания в седле. Стыдно сказать, он натер

мозоли на заднице и внутренней стороне бедер — так давно он не ездил верхом, что теперь любой мальчишка мог дать ему урок правильного сидения в седле.

Он засмеялся, что приободрило его людей. Те, что служили ему больше из верности, чем за деньги или из страха, сочувствовали своему господину, переживая за его боли и слабость, как за свои. Они были рады увидеть его как раньше — впереди всех.

Это давало им большую уверенность в победе и меньший страх перед колдунами из Поуджой. А королевских отрядов они и сами не боялись. Что может сделать жалкая кучка беглецов, вполовину слабее их, сражающихся под руководством женщины? На что они могут надеяться?

Смех графа неожиданно оборвался, когда к нему подъехал еще один гонец. Это был один из воинов Поуджой, которого колдуны решили использовать, чтобы его устами сообщить то, что они хотели. Они также могли слышать то, что доносились до его ушей, но не могли — насколько это было известно Сизамбри — видеть посредством его глаз.

— Приветствую вас, Братья. Надеюсь, я получу лучшие новости, — сказал граф.

— Что случилось? — Звездные Братья поняли кое-что о войне. По крайней мере, они поняли цену времени.

Сизамбри объяснил, что может означать исчезновение разведчика, а закончил так:

— Конечно, он мог и просто сбежать от страха. Если это так, я разрешаю вам охотиться на него, сколько будет нужно.

Фактически он предложил Звездным Братьям использовать их магию, чтобы вернуть исчезнувшего. Граф уже делал такое приглашение несколько раз с тех пор, как его войско выступило в поход. Каждый раз Звездные Братья отказывались. Или они не были столь сильны, как заявляли, или боялись Марра-Флейтиста больше, чем признавали это, опасаясь обнаружить свое присутствие перед другим колдуном.

Ну, да это и не важно. Главное, чтобы они сняли с чаши весов битвы гирю Марра, заблокировав его магические мелодии. Тогда граф был бы уверен в победе. А затем, прежде чем у Звездных Братьев возникли бы какие-то подозрения, можно было бы разобраться и с ними.

Гонец снова заговорил, передавая своим языком слова Звездных Братьев:

— Мы не хотим использовать нашу силу против одного обыкновенного человека. Его неожиданная смерть в лагере врагов никого ни в чем не убедит, а лишь докажет противнику наше присутствие в этом войске.

Еще не хватало! Звездные Братья, предлагающие маскировку. Сизамбри сомневался,

чтобы офицеры королевской гвардии не знали или не догадывались о присутствии в его отряде Звездных Братьев. А если у них и были сомнения, то очень скоро пленник расскажет им обо всем в подробностях. И никакой магии для этого не потребуется. Хватит и раскаленного утюга.

Но если уж колдуны решили до конца скрывать свое присутствие, то графу не стоило большого труда пойти им навстречу. Чем больше, по их мнению, он действовал по их рекомендациям, тем менее осторожны они будут после сражения.

— Ну хорошо. Я все-таки предлагаю замедлить наше продвижение. Разведчики пусть отправляются вперед группами по два-четыре человека. Чуть позади пусть находятся стрелки с луками и арбалетами. Кроме того, ялагаю, следует отправить больше разведчиков на оба фланга. Капитан королевского отряда получил пленника из нашего авангарда. Его следующим шагом будет попытка устроить засаду. И если мы зайдем в тыл тем, кто сидит в засаде, раньше, чем они нащупают наш фланг...

— Эти военные дела мы оставляем на ваше усмотрение, — сказал гонец.

Пожалуй, это было лучшее, что они могли сделать. Если Звездные Братья лишь попытаются перехватить управление войском на себя,

то графу придется воевать сразу на два фронта — с противником и против собственного арьергарда.

Конану приходилось бывать на разных военных советах. Многие из них проходили в более приподнятом настроении, чем этот, в палатке Чиенны. Просто в большинстве случаев на заседаниях советов присутствовали сплошь глупцы, не имевшие ни малейшего представления о шансах на победу в предстоящем сражении. Несколько советов было собрано накануне сражений, где преимущество их стороны было настолько явным, что только глупец мог тратить силы на волнение и беспокойство.

Никто из присутствовавших в королевском шатре мужчин и женщин не был глупцом. Все понимали, что завтрашняя битва может пойти совершенно непредсказуемо. Шансы на победу были примерно равными и у той и у другой стороны.

Знали они и то, что завтрашнее сражение, выигранное или проигранное, должно положить конец войне в Пограничном Королевстве. Страну не должны топтать и опустошать воюющие друг с другом армии, пока в ней не

перестанут рождаться дети и собираться урожай.

— Чем принести такую судьбу моей стране, я лучше отправлюсь в преисподнюю, — сказала Чиенна. — Я готова сама пронзить себе грудь кинжалом и разбить голову Урраса о ближайший же камень.

Декиус вздрогнул, услышав такие слова от Чиенны. Он с тоской посмотрел на женщину, которую мог бы полюбить. И полюбил бы, если бы боги, во имя его спасения, не создали их наполовину братом и сестрой.

Ради самого Декиуса, Конан желал ему побыстрее привыкнуть к женщинам, прямо выражавшим свои мысли, женщинам с железной волей и цепким умом. Капитан-генерал, похоже, решился предложить руку и сердце одной из таких, и она вряд ли согласится измениться ради его удовольствия или ради удовольствия любого другого мужчины.

— Не будем хоронить наше дело, пока оно еще живо, — вступил в совещание Конан. — Со всем должным уважением к вам и вашему мнению, Ваше Величество.

— А сколько, по вашему мнению, капитан Конан, уважения должно выражаться по отношению к королеве? — спросила Чиенна. Ее лицо было мрачно, но Конан решил, что не ошибся, увидев тень улыбки в уголке рта и более чем намек на смех в глазах.

— Ровно столько, сколько она заслуживает, — ответил Конан, и на этот раз уже не только Чиенна, но и все участники совета рассмеялись вслух.

Разговор быстро перешел на завтрашний бой. Точные сведения о присутствии среди людей графа двух Звездных Братьев требовали корректировки их планов.

Марра нужно было защитить. Он был твердо уверен, что сможет сдержать натиск заклинаний Звездных Братьев. Но он не мог гарантировать, что оставит Звездных Братьев беззащитными перед хорошо отточенной сталью.

Что же касается нанесения активных ударов при помощи его магической силы, он ответил:

— Боги не дали мне мастерства, чтобы творить колдовство такого типа.

— Мастерства или желания? — спросил Декиус.

— Спокойнее, господин Декиус, — обратилась к нему королева. — Тайрин, ты, похоже, скажешь что-нибудь более разумное.

Командир отряда воинов Поуджой ответил:

— Марр говорит только правду. Его заклинаниями нельзя действовать как мечом. Они скорее больше похожи на щит или на старый добрый кожаный шлем.

Конану хотелось, чтобы заклинания Марра были бы больше похожи на железо, чем на кожу.

У кожаных шлемов есть один маленький недостаток: сильный удар мечом пробивал их насквозь, вместе с головой хозяина. Уж если колдуны оказались у противников с обеих сторон, то пусть свой колдун будет превосходить силой своих соперников.

Еще Конану хотелось узнать, правда ли все то, что говорит Тайрин, или же он просто выгораживает Марра, надеясь, что тот все-таки попросит руки его дочери. Выдать Виллу за легендарного Марра-Флейтиста — это могло серьезно усилить влияние Тайрина не только на свое племя, но и на всю страну. А уж что касается Пруджой, то он будет непререкаемым авторитетом для всех своих соплеменников, тех, кто выживет в решающем сражении, предстоящем им.

Что касается боевого построения их войска: если пятьсот человек заслуживали такого названия, то нужно было подождать до утра. Единственное, что можно было сделать сейчас, — это установить порядок перестроения, чтобы сделать маневр как можно более быстрым. Затем было уточнено место расположения королевы — в безопасном или, по крайней мере, хорошо охраняемом месте.

Можно было бы порассуждать на тему единства страны, судьбы королевской семьи и так далее. Но, как успел подумать Конан, что толку обсуждать известные всем вещи? Только горло пересохнет.

Словно прочитав мысли Киммерийца, Чиенна встала:

— Добрые люди. Мы полагаем, что этот совет сделал все, что мог. Госпожа Райна, не окажете ли вы нам услугу, налив немного вина во все кубки?

Граф Сизамбri не стал бы вступать в бой в это время и в этом месте, если бы у него был выбор.

Но выбора не было. Его разведчики незамеченными подошли к самому авангарду королевских отрядов. В том, что в авангарде шла дворцовая стража, не было ничего удивительного. А вот то, что великан Киммериец был ее командиром, стало новостью. Граф про себя уже решил, что Киммериец еще до заката должен стать на голову короче.

Правда, сначала для этого нужно было выиграть сражение, а чтобы выиграть — нужно сражаться. А вот сражаться в том месте, где нужно перестраивать все отряды, все шеренги, — этого он не мог. Такой маневр невозможно произвести без частичного отступления. А это может напугать или сбить с толку наиболее слабонервных или, того хуже, спровоцировать Звездных Братьев. Кстати, их молчание начиная с рассвета было

просто божьей милостью; Сизамбri сейчас только не хватало их болтовни под руку.

Ну что же, здесь — значит, здесь, в этой долине, где и половина людей графа не сможет занять боевой строй. Но не все было против него. Достанется и его противнику. Пересеченная местность замедлит любую атаку, деревья защитят графских стрелков, а несколько больших неровных площадок дадут возможность маневрировать и достойно участвовать в бою его всадникам.

Сизамбri сообщил гонцам все нужные приказания и разослал их по командирам отрядов. Гонцы моментально скрылись из виду, не только среди деревьев, но и по вине тумана, сгущавшегося над долиной. Сизамбri проклинал туман, впрочем, совершенно безрезультатно.

По крайней мере, Поуджой и их Звездные Братья оставались нозади него, в безопасности. Посреди круга из обозных телег, защищаемые своими соплеменниками, волшебники могли колдовать как хотели. Так оно и лучше. Нечего отвлекать человека, пытающегося завоевать царствование королевства.

Один из гонцов возвратился назад, причем значительно быстрее, чем уезжал. Он затормозил взмокшую лошадь и пытался поприветствовать графа поднятой рукой...

— Там, на краю поля, — королевские отряды.

— Где?

— Вон там!

Сначала граф не видел ничего, кроме тумана, чуть более густого, чем в других местах. Лишь затем в глубине туманной дымки он увидел движущиеся фигуры людей. Дворцовая стража занимала поле боя. Во главе ее отрядов шел Киммериец. Сизамбri вспомнил длинные черные волосы. Надо же, этот верзила настолько самоуверен, что выходит ему навстречу без шлема.

Но, в конце концов, не так уж и важно, был ли на этой голове шлем, если завтра граф насадит ее на копье и выставит на всеобщее обозрение около своей палатки.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Такой вариант сражения устраивал Конана меньше всего.

Оба войска просто-напросто бросились друг на друга, как две толпы мясников. Наверное, нельзя было винить в этом офицеров с обеих сторон: на пересеченной местности, покрытой туманом, трудно было рассмотреть что-то и оценить обстановку дальше, чем на несколько шагов вокруг себя.

Конан понимал все это. Он видел, как ветераны дворцовой стражи с копьями и новобранцы с мечами в руках удерживали свои позиции, отбиваясь от рекрутов Сизамбri. Увидел он и Райну, бросавшуюся то вперед, то назад, чтобы подбодрить своих людей и кое-кого из бойцов Декиуса.

Все, у кого были луки, принесли их с собой. Но Конан разрешил стрелять только лучшим. Стрел было очень мало, чтобы просто сыпать ими куда попало.

Киммерийцу показалось, что он увидел голубое мерцание в вершинах деревьев и в глубине облаков тумана. Значит, дуэль Марра и Звездных Братьев началась. Еще ему показалось, что

он заметил Тайрина и кое-кого из воинов Поуджой по правую руку от дворцовой стражи, хотя они должны были быть на левом фланге. Наверное, они оказались там, перепутав направление, из-за отсутствия навыка ведения боя в упорядоченном строю.

Тайрин неожиданно оказался рядом, выйдя из укутанной туманом пихтовой рощицы. Конан даже не стал спрашивать о его соплеменниках. Киммериец, спроси его, и сам не знал, сколько солдат участвовало в сегодняшнем сражении. Единственное, что он знал, так это сколько шума они производили. Пожалуй, все многотысячное войско Турана не могло бы перекричать их. Любой вопрос к Тайрину и его ответ потерялись бы в этом хаосе звуков.

— Стальная Рука!

Наёмники и новобранцы, двигаясь вперед, орали боевой клич графа Сизамбri. Конан все время искал глазами графское знамя в туманных перелесках за линией столкновения, но все безрезультатно. Жаль, ведь прихлопнуть графа означало то же самое, что и перебить всех его воинов, — конец войны.

Нет. Звездные Братья должны разделить судьбу графа, других своих братцев и их чудовища. Хватит. Нечего им больше сеять смуту в королевстве.

С их смертью Марр остался бы единственным колдуном в стране, это уж точно. С точки зрения

Конана, их все равно было многовато. Ровно на одного больше, чем нужно. Это уже было достаточной причиной для Конана, чтобы собирать манатки и сваливать отсюда подобру-поздорову сразу же после окончания боя. В конце концов, Марр не собирался сеять смуту в народе, если его, конечно, никто не спровоцирует. Вот Чиенне с Декиусом и будет персональное задание — не провоцировать флейтиста.

Личное задание Конана выразилось в неожиданной встрече с четырьмя солдатами Сизамбri. Все они были с мечами. Двое — еще и со щитами. А у одного в дополнение к мечу — еще и длинный кинжал, удачно дополнявший основной клинок. Конан посчитал этого противника наиболее серьезным и решил начать с него.

Боец с двумя клинками был невысоким человеком, обычно побеждавшим за счет скорости или мастерства. Но ему еще никогда не приходилось встречаться с тем, как сочетались у Конана мастерство, скорость и сила удара.

Клинок Киммерийца выбил кинжал из руки противника. У того хватило смелости приблизиться и скорости, чтобы успеть проделать это движение.

Конан получил основательный удар в грудь и почувствовал, как сквозь толстую подкладку впились в тело звенья кольчуги. Его ответный удар разнес на куски шлем противника и изуродовал ему лицо.

Такая эффектная рана была на руку Конану, остававшемуся один на один с тремя противниками. Он успел заметить, как один из них обратился в бегство, увидев кровавую маску вместо лица своего товарища. Но оба оставшихся отступать не собирались. Похоже, им было уже не впервой работать на пару, и оба делали свое дело очень неплохо, так что даже Конану пришлось изрядно попотеть, чтобы разобраться с ними.

Его меч пробил панцирь противника, стоявшего по правую руку, в это же время удар пришелся в пах того, кто был слева, почти приподняв его над землей. В следующий миг клинок Конана, как ветку от дерева, отхватил руку противника чуть ниже локтя.

Кричащий, потерявший руку человек скрылся в темноте, желая провести свои последние минуты среди товарищев по оружию. Конану на глаза снова попался его первый противник, которого боль и потеря крови заставили опуститься на землю. Удар меча, раскололший его шлем вместе с черепом, оказался последней милостью, оказанной одним воином другому.

Конан увидел последнего из четверки уже извивающимся на земле, пронзенным копьем одного из новобранцев дворцовой стражи. Пока Конан оценивал ситуацию, копье вошло еще глубже в тело и повернулось в ране. Дыхание жертвы превратилось в хрип, он попытался было схватить древко копья, но руки безжизненно

упали, все его тело содрогнулось в последний раз и затихло.

— Назад, в строй! — скомандовал Конан своему солдату. — Где ты взял это копье?

— Человек, сражавшийся им до меня, — мертв. И я погибну прежде, чем выпущу его из рук. — Разгоряченный боем, солдат кричал, не разбирая, кто стоит перед ним.

Конан выругался про себя. Если копья опытных бойцов стали попадать в руки новобранцев — значит, его стражники долго не продержатся. А если они дрогнут, то оголится весь правый фланг войска.

Пора было слать гонца к Декиусу. Хватит уже двум армиям бодаться, как баранам на узкой тропе. В сражение втянуты уже все отряды королевы, тогда как у Сизамбri в тылу еще наверняка оставались резервы, которые он мог направить в обход, чтобы ударить с фланга. Лучше было бы поторопиться и опередить его.

Конан крикнул солдату:

— Я встану на твое место, а ты — бегом к Декиусу! Скажешь ему, что...

Слова вдруг застряли у него в горле. Киммериец увидел, как по полю к нему несется Вилла, на которой был надет лишь кожаный пояс с прицепленным к нему кинжалом из мамонтовой кости. Лишь выражение ее лица погасило импульсивное желание Конана перекинуть ее через плечо и унести в безопасное место.

— Конан! Марр сказал, что в тылу у графа — Звездные Братья и верные им воины Поуджой. Он хочет, чтобы мой отец со своими воинами ударил по ним. С помощью его флейт, защищающих от звездной магии, они...

— Кром!

Наступление Тайрина оголит весь правый фланг, и без того трещавший по всем швам. Конечно, такой удар вызовет смятение в тылу войск Сизамбri. Но существовал риск, и довольно большой, что погибнет Тайрин, все верные ему воины, и вполне вероятно, что и Марр.

Из этой катастрофы существовал только один выход: дворцовой страже следовало действовать, поддерживая удар отряда Поуджой. Ударить одновременно с фронта и с фланга. Такой напор может заставить дрогнуть, а то и побежать отряды Сизамбri, стоящие на этом фланге. Хотя, конечно, не обойдется и без жестоких, кровавых контратак, пока чаша весов успеха не склонится явно в пользу королевских войск.

Конан не стал молиться. Для него сейчас существовал только один бог. А он — холодный, угрюмый Кром — был не из тех, кто обращает внимание на жалкое попискивание смертных людей. Он лишь призывал воина исполнить свой долг как можно лучше и достойно встретить любой удар меча или судьбы, пусть даже обрывающий его жизнь.

По крайней мере, одного удара миновать не удастся, даже если Декиус проявит хладнокровие и спокойно попытается разобраться в обстановке. Вообще-то любой командир пришел бы в ярость, видя, как ломаются его планы по вине слишком самостоятельных подчиненных.

Конан вложил меч в ножны и, сложив ладони рупором, побежал вдоль линии обороны стражников, командуя общий сбор.

Граф Сизамбри не имел представления о том, что творится слева от него. Пересеченная местность и туман сделали свое дело. Шум, доносившийся оттуда, означал только одно — атаку королевских войск. И, видимо, серьезную, потому что гонец, посланный выяснить, что там творится, так и не вернулся.

Но никакой натиск не смог бы проломить его оборону и дать врагу возможность прорыва в тыл. Даже если бы какой-то горстке безумцев и удалось это, то Звездные Братья и их воины стали бы тем крепким орешком, об который нападающие обломали бы себе зубы.

Взгляд графа снова обратился вперед. Здесь, в центре боя, туман был не таким густым, и то, что можно было рассмотреть сквозь него, заставляло сердце радостно стучать в груди. Цепи королевских воинов были даже реже, чем граф ожидал.

Декиус был не дурак, он понимал, что нужно усиливать фланги, хотя и оголяя при этом центр.

Похоже, что не дураками и не слабаками были и королевские воины — в основном, дворцовая стража, — погибшие на своих постах. Среди камней и кустов лежало гораздо больше трупов людей Сизамбри, чем стражников. Может быть, ценой своих жизней воины графа Сизамбри смогли все же сломить сопротивление стражников?

Граф тяжело дышал. Боль в грудной клетке, затянутой в вороненую сталь панциря, давала о себе знать. Он прикидывал, сколько человек было у него под рукой. Очень немного. Да, есть еще конные всадники, но поди их собери, разосланных по разным участкам.

А ведь если бы он мог собрать их всех в один кулак и бросить вперед именно здесь, в эту минуту — исход боя был бы предрешен. Сизамбри победил бы — это очевидно, да еще и не будучи многим обязанным Звездным Братьям.

Граф поднял над головой большую булаву в форме железного кулака, которая была его отличительным знаком главнокомандующего. Гонцы вскочили на лошадей, готовые сорваться с места, чтобы передать приказы графа.

Ну, теперь Чиенна увидит, у кого больше военного опыта и таланта, чтобы править этой страной.

У Айбаса не было определенного места в боевом строю, как не было и подразделения, которым ему, как капитану, доверили бы командовать. Он был уверен, что ему по-прежнему не совсем доверяли.

Однако он очень быстро подружился со старостой одной из деревень, из которой он привел целый отряд селян-ополченцев. Сначала Декиус думал держать их во второй линии обороны, но, когда отряд Поуджой стал отходить к правому флангу, капитан-генералу пришлось перестроить свои скучные резервы. Вот поэтому-то Айбас с малообученными новобранцами оказался на острие атаки конницы Сизамбri.

Такого зрелища Айбас не видел давно. Больше полусотни всадников в доспехах словно текли вперед, увлекаемые неведомой силой, как стекают по зеркалу вниз серебряные капельки воды. Воины не держали ровный строй. Им это было не нужно, так как далеко не у всех из них были длинные копья, чтобы превратить такой строй в непреодолимый вал смерти.

Но если копий им и не хватало, то мечей и палиц было предостаточно, поэтому приближались они быстро, безо всякой опаски. Если они встретятся со строем новобранцев на открытом ровном месте, то пройдут сквозь него, как стрела сквозь шелковый платок.

Но их все же можно было остановить, перехватив на небольшом каменистом пригорке, не дав

выстроиться в боевой порядок, и не допустить до открытого места. Спасительный холм, поросший кустарником, находился впереди шагах в ста от Айбаса и его товарищей, в глазах которых уже мелькал ужас. Айбас понял, что никто, кроме него, не сможет взять на себя командование этими людьми и организацию обороны.

Вращая мечом над головой, он издал боевой клич своего рода:

— Вино Победы!

Он вступил в свое сражение. Один против пятидесяти. Он даже не ожидал, что добежит до холма живым, но оказался там, сам не зная как. Не рассчитывал он и на то, что хоть кто-нибудь из рекрутов последует за ним; он боялся даже оглянуться, но, карабкаясь по склону, почувствовал, что он не один.

Он даже не успел запыхаться, оказавшись вдруг среди валунов с полусотней своих солдат. Все они так радовались этому порыву смелости и солидарности, словно уже выиграли сражение. Двое били топорами по шлему упавшего всадника.

— Оставь его! — крикнул Айбас.

Еще в детстве его научили, что добивать упавшего неприятеля — не по-рыцарски. К тому же глупо отвлекаться на уже поверженного и безопасного противника, когда вокруг еще много других, полных сил. Этому Айбас научился позже, у него были очень жестокие учителя.

Его окрик вовремя заставил молодых солдат осмотреться вокруг. Дерзкий, уверенный в себе всадник пришпорил коня, направляясь вверх по склону. Айбас понял, что пришел конец данной ему богами отсрочки и рванулся к приближающемуся врагу.

Тот крутанул палицу изящным жестом, а затем обрушил ее вниз. Лучше бы он этого не делал.

Айбас бросился вперед со скоростью, которую и не ожидал от своего тела, и ухитрился ухватиться за древко опускающейся булавы. В это же время он рубанул мечом по ноге всадника, а затем, ухватившись за него покрепче, резко отпрянул назад.

Если клинок Айбаса лишь высек искры из доспехов, то остальные элементы его атаки удалось на славу. Всадник вылетел из седла, даже не успев удивиться или вскрикнуть. Он упал головой вперед, грохнув о землю металлом шлема. Айбас понял, что произошло, лишь увидев неестественно запрокинутую шею жертвы.

Еще один прыжок — и в руках Айбаса оказались поводья лошади только что погибшего человека. Громкие крики одобрения приветствовали его успех.

А вот коннице графа было вовсе не до смеха. Айбас увидел, что всадники остановились и больше поглядывали назад, чем в направлении противника. Со своего места Айбас мог только

догадываться, что же они увидели там, в тумане, на опушке леса.

Было похоже, что кому-то удалось зайти в тыл Сизамбri и теперь там завязался бой не на жизнь, а на смерть. Секундой позже уши Айбаса сказали ему больше, чем могли увидеть его глаза: из леса донесся раскат колдовского грома, вызванного Марром-Флейтистом.

Этот гром, прокатившись по лесу, ненадолго оглушил Конана. Но он даже не обратил на это внимания. Сейчас ему был нужен только меч и глаза, чтобы направлять его удары. Да еще, наверное, ноги, чтобы добраться до того места, где можно было вступить в настоящую, а не колдовскую рукопашную схватку со Звездными Братьями.

Не то чтобы вокруг не было врагов, готовых сражаться. Как только стражники и воины Пруджой ворвались в тыл отрядов Сизамбri, они столкнулись со всеми теми, кого граф решил пока не вводить в бой. Попадались также и те, кого даже с натяжкой нельзя было назвать солдатами. Большинство из них бежало, что было, безусловно, к лучшему. Конан терпеть не мог превращать бой в избиение беззащитных. Вокруг было достаточно врагов, достойных того, чтобы

скрестить с ним мечи, да и сражение еще нельзя было считать выигранным.

Конан оглянулся назад. Марр-Флейтист бежал вместе с солдатами, не переставая играть на флейтах прямо на бегу. Его глаза были широко открыты, и, Конан мог бы поклясться чем угодно, от них шло голубое свечение.

Колдовской свет, разумеется. А как же иначе человек мог бы бежать столько времени, не переставая играть на своих флейтах. А кроме того, не будь флейтиста рядом, Конан не знал бы, как найти Звездных Братьев.

Звездные Братья тоже были рядом, ближе, чем мог предположить Конан. Он перебрался через заросли молодых ясеней и обнаружил круг, выстроенный из обозных телег, внутри которого кишили воины Поуджой. В самом центре круга стояли два Звездных Брата. Они что-то пели так громко, что Конан услышал их даже сквозь мелодию флейт и шум боя.

Раскатистый боевой клич Конана на миг перекрыл и пение Братьев, и мелодию флейты Марра. Стражники и Поуджой поспешили присоединиться к Конану.

— Стрелки!

Каждый, у кого был лук, казалось, в ту же секунду натянул тетиву и пустил стрелу. Залп оставил на земле пронзенными человек двадцать из Поуджой, не говоря уже об обозных лошадях и мулах. Эта стрельба не считалась бы чем-то

очень удачным в Туране. Но здесь был не Туран, и лучники Конана были достаточно подготовлены, чтобы вести бой, попадая в цель, подобную той, которая находилась перед ними.

Прежде чем Поуджой опомнились, Конан уже бросился вперед. Пока он преодолевал оставшееся расстояние, его подчиненные, вооруженные арбалетами, смогли еще раз взвести тетиву и выстрелить. Часть стрел, конечно, пронзила уже мертвых противников или лошадей. Одна из шальных стрел воткнулась в бедро Звездного Брата. Он перестал петь, вскрикнул и прислонился к своему товарищу.

Звездные заклинания не прекратились, но произносившие их больше не командовали ими. Некоторые из воинов Поуджой, ближайшие к Братьям, в один момент постарели, став седыми или лысыми.

Их товарищи уставились на несчастных, а затем друг на друга. Неистовые заклинания ссыпались одно за другим, производя еще более страшный эффект, чем наступившая в один миг старость.

Конан увидел человека, все внутренности которого, включая сердце и легкие, были вырваны из тела и отброшены в сторону. Другой на глазах Конана покрылся пурпурной чешуей с зелеными пятнами. Его руки и ноги превратились в клешни, способные, однако, держать боевой топор, с которым он направился к Конану.

Киммериец отскочил подальше назад, прежде чем человек-ящерица бросился на него. Конан хотел держать дистанцию между собой и заколдованным человеком. Еще он хотел предоставить стрелкам возможность одного точного выстрела. Меньше всего он хотел, чтобы его люди лицом к лицу столкнулись с этой мерзостью.

Теперь настала очередь обозных лошадей. На некоторых из них тоже стала появляться чешуя; у других выросли крылья, как у летучих мышей, которыми они неистово хлопали и посбивали с ног тех воинов Пруджой, кто еще не превратился во что-либо, лишь отдаленно напоминающее человека.

Некоторые из них сохранили человеческое обличье и со всех ног бросились прочь из адского круга обозных телег, крича во все горло от страха. Ослепшие от ужаса, почти все они влетели прямо в ряды своих соплеменников. Люди Тайрина набросились на них с такой яростью, как будто каждый убитый слуга графа Сизамбри должен был стать еще одним шагом к восстановлению честного имени племени.

Неожиданно звук трескающейся древесины ворвался в общий гул боя. Огромная сосна позади колыца повозок закачалась, наклонилась, а затем и рухнула с таким грохотом, что все остальные звуки, слышные в бою, показались бы просто материнской колыбельной у детской кроватки. Упавшее дерево со слепым безразличием

сокрушило повозки, придавило и изуродовало животных, людей и не-людей.

Стоило эху от падения лесного гиганта затихнуть вдали, как точно так же замолчала и флейта. Конан ощущал острый приступ сомнений, которые он пока что не назвал бы страхом. Вдруг Марр-Флейтист грохнулся на землю у ног Киммерийца, словно упав с высокой стены. В откинутой в сторону руке были зажаты сломанные, разбитые флейты.

Смерть была мгновенной, а уже в следующий миг Конан, понимая, насколько возросла его ответственность за исход битвы, вскочил на ствол упавшей сосны. Почти на всем протяжении ствол был гладким — ни веток, ни сучьев. Конан, как по гладкой дороге, помчался по нему туда, где он успел рассмотреть Звездных Братьев.

Один из них лежал, тихо подергиваясь, в луже крови и лишь слабо вздрогивал, заставляя качаться застрявшую в его ноге стрелу. Его товарищ был все еще на ногах, хотя его лицо приобрело уже пепельный оттенок. Заклинания одно за другим продолжали, пусть не так громко, как раньше, слетать с его губ.

Меч Конана опустился на голову колдуна... Опустился, но отскочил, словно от крепостной стены. Пять раз заносил меч Конан — и все так же безрезультатно.

На шестой раз, повинуясь колдовским заклинаниям, меч не просто отскочил, но и выскочил

из рук. Конан сделал шаг, чтобы вновь взять его, но лишь только он потянулся к рукояти, как острие клинка задымилось. Через мгновение весь меч уже был слишком горяч, чтобы взять его в руки, а оплетка рукоятки, сделанная из акульей кожи, вспыхнула, как бумага.

Конан не стал ждать, пока его меч превратится в лужицу расплавленного железа. Звездный Брат начал выстраивать новое колдовство, а Марра больше не было в живых, чтобы противостоять магии... Киммерийца это не смутило, он готов был сражаться и отдать свою жизнь ради тех, кого он привел сюда как командир.

Поняв, что меч здесь бесполезен, Конан схватил первый попавшийся ему под руку предмет, похожий на оружие. Оглобля обозной телеги? Сойдет. Орудия ею как чудовищной пикой; Конан налетел на колдуна. Оружие прошло сквозь магический барьер, как сквозь масло, и с огромной силой воткнулось под ребра противнику. Даже не охнув, Звездный Брат отлетел на несколько шагов и упал, нелепо растянувшись.

Как бы сильно ни действовали заклинания на железо, они оказались совершенно бессильны против дерева. Перевернув оглоблю тонким концом вперед, Конан снова бросился на врага. Этот удар оказался последним. Оглобля глубоко вошла в грудь колдуна, оставив недоговоренным

последнее заклинание. Кровь хлестала из раны, заливая бороду, разделенную проволочными кольцами на три части. Звездный Брат последний раз взглянул на небо и затих.

Конану пришлось опереться на свое оружие, чтобы не рухнуть на землю. Он воспользовался этой секундой отдыха, чтобы осмотреться вокруг.

Поудожай и стражники обшаривали все уголки тележного кольца и кустарников вокруг него, действием подтверждая, что мертвые противники — люди и не-люди — действительно мертвы. Некоторые связывали пленных веревками и ремнями. Да, после одного такого денька любой самый молодой солдат мог считать себя ветераном.

Тайрин легко вскочил на телегу, отделявшую его от Киммерийца, а затем так же легко спрыгнул с нее уже с ближней к Конану стороны. Очищение честного имени его племени, похоже, омолодило отца Виллы лет на двадцать.

— Марр жив! — закричал он. — Он никогда больше не сможет играть на флейтах, но он жив.

— Хорошо, — уверенно сказал Конан, сам удивляясь своей искренности и уверенности: ведь речь шла о колдуне, который остается в живых, вместо того чтобы умереть.

— Присмотри, чтобы с Марром ничего не случилось, — сказал он. — Сизамбри придет в ярость, узнав, что мы натворили, забравшись к

нему в тыл. Не хотелось бы, чтобы Марр, теперь безоружный, встретился с графом.

Да, хотя новобранцы королевской стражи и могли теперь называть себя настоящими солдатами и ветеранами, — им придется еще изрядно поработать сегодня, чтобы назвать себя победителями.

Граф Сизамбri все больше забирал влево. Один из гонцов вернулся, подтвердив, что левый фланг королевских войск открыт.

Но что творилось там, в тылу? Вроде бы все было по-прежнему: неподвижные деревья, туман. Но что это? Оттуда стали появляться бегущие люди. Одни — одетые как воины Поуджой, другие — его собственные солдаты.

Он увидел, как один из воинов прыгнул с высокого пня на спину спешившегося всадника. Никакие крепкие доспехи, никакая кольчуга не спасли от цепких рук, запрокинувших его голову, и от острого кинжала, удар которого пришелся прямо в незащищенное горло.

— Измена! — прокричал граф. — Поуджой предали нас! Смерть им!

Он рассчитывал, что достаточное количество солдат в его тылу все еще были верны ему и готовы выполнить его приказ.

Сизамбri пришпорил коня. Сам он не был тяжелой ношней, поэтому даже после долгой ночи жеребец резво понес его вперед.

Это быстрое движение привлекло внимание высокого темноволосого человека, незаметно вышедшего из-под покрова леса.

Айбасу пришлось опереться на камень за его спиной, чтобы не упасть. Скоро он не сможет стоять и с помощью этой опоры. На его теле зияли две раны от ударов мечом — неплохо, если учесть, что противник рассчитался за эти раны жизнями пятерых солдат. Одна из этих ран, видимо, скоро отправит его вслед за этими пятерыми.

Перед Айбасом неожиданно, как из-под земли, вырос медведь. Чья же магия — флейтиста или Братьев — вызвала зверей из леса, чтобы принять участие в сражении?

Айбас сел. Он не смог бы убежать от зверя, даже если бы тот был послан вражескими заклинаниями. Впрочем, сидячее положение прояснило чуть-чуть его ослабленный потерей крови мозг. Он понял, что медведь перед ним — это знамя капитан-генерала Декиуса и что держит древко этого знамени не кто иной, как госпожа Райна.

— Лорд Айбас, — позвал его Декиус. — Все будет в порядке. Мы привели людей, чтобы объединить их с вашими бойцами. Наш фланг теперь будет в безопасности. И именно вы дали нам время, чтобы собрать этот отряд и привести его сюда. То, что вы смогли здесь продержаться, — делает честь вашему офицерскому званию, лорд Айбас. Лорд Айбас!

Голос Декиуса звучал вопросительно. Он не на шутку встревожился. Айбас никак не отзывался на свое имя. Вместо своего имени он слышал, как мама зовет его к себе, называя самым первым, данным при рождении именем.

— Не волнуйся, мама, — ответил он. — Не волнуйся. Я уже иду...

Конан прикинул расстояние, отделявшее его от графа Сизамбри. Он учел и то, что местность открытая, и то, сколько лучников находилось на расстоянии видимости.

Общее соотношение было неплохим. Конан сбросил пояс с ножами, но не стал тратить время на то, чтобы снять кольчугу. Ладно, она не слишком тяжела, чтобы замедлить его передвижение.

Он стрелой вылетел из-за деревьев, его длинные ноги пожирали расстояние. Никто из телохранителей графа не успел понять, что прибли-

жается враг, когда он уже ворвался сзади в их строй.

Прыжок! Конан вскочил на круп коня графа, схватившись одной рукой за поводья, а другой — крепко зажав горло графа.

— Скачи прямо к Серебряному Медведю, или я из тебя прямо сейчас дух вышибу, — скомандовал Киммериец.

Сизамбри поднял руки, но в одной из них он держал кинжал. Отбросив поводья, Конан схватил руку, затянутую в кольчугу, и сильно вывернул ее. Граф вскрикнул, и кинжал упал.

Но Киммериец был один среди множества врагов. Безоружный граф мог служить щитом против стрел, но все равно перевес в количестве был столь велик...

Соотношение сил резко изменилось, как только вблизи показался Серебряный Медведь. Конан увидел Райну, ехавшую бок о бок с Декиусом и высоко державшую знамя Серебряного Медведя. Она была красива, как всегда, словно и не участвовала в этой битве. Под знаменем были собраны лучшие бойцы отрядов Чиенны, человек пятьдесят с лишним; верхом и пешие — все держались вместе, готовые к бою в любую минуту.

Вокруг графа было человек двадцать. Через мгновение их осталось десять. Последние десять, побросав оружие, подняли руки и взмолились о пощаде.

— Может быть, вы будете помилованы, но это решит только королева, — сказал Декиус и добавил: — А теперь отойдите от лошадей и — на колени. Слушай, Конан, ты плохо о нас подумал. Неужели ты решил, что мы не найдем трофея, достойного тебя, и польстился на это дермо?

— Ты ничего не понимаешь. Я-то разбираюсь в подарках, которые следует преподносить королевам. Как ты думаешь, это, — он, ухмыляясь, ткнул пальцем в графа, — понравится Чиенне?

Сизамбri прохрипел какую-то похабщину, но Конан поплотнее сжал пальцы, и граф был вынужден заткнуться.

— И не говори. Да, кстати, а чем ты еще занимался с тех пор, когда весь правый фланг во главе с тобой растворился в лесу?

Конан не торопился начинать рассказ, потому что увидел королеву Чиенну, подъехавшую к ним со своими телохранителями. На ней были доспехи и кожаные брюки. Конан подумал, что Пограничное Королевство наконец-то после всего, что было, обрело своего правителя-воина.

Затем он рассказал о том, что произошло в течение дня на его глазах, а когда рассказ уже подходил к концу, появился Тайрин. Он сообщил, что люди Сизамбri начали сдаваться. К тому моменту, когда все они сдали оружие, начался дождь.

Дождь не заставил смолкнуть крики раненых и умирающих. Зато он приглушил тяжелый удар

топора, отделивший голову графа Сизамбri от тела и отбросивший ее в мокрую грязь.

Топор не был поднят рукой Конана. Он считал работу палача ниже своего достоинства, но предпочел промолчать об этом. А когда зашел разговор об этой миссии, он сказал, что, по его мнению, граф должен умереть от руки одного из тех, кого он лично оскорбил, и непременно уроженца этой страны.

Староста одной из деревень, потерявший всю семью, когда Сизамбri сжег его родную деревню, выполнил эту работу спокойно и аккуратно.

Но Конан не посчитал ниже своего достоинства найти тело Айбаса и на руках перенести его в почетные носилки для сложивших головы на службе в королевском войске. Какую память о себе Айбас оставил в тех краях, где он бывал раньше, — этого Конан не знал. Но в той стране, где окончились его странствия, он оставит свое доброе имя благородного рыцаря.

Раннее утро одиннадцатого дня после сражения обещало обернуться подходящим днем для долгого и дальнего путешествия. Неутомимость Конана передалась и его новому коню, тому самому чалому жеребцу, который некогда служил графу Сизамбri. Он несильно, но настойчиво бил копытом землю, время от времени поднимая голову и фыркая, словно говоря Киммерийцу: «Ну, ты наконец закончишь свою болтовню?»

Конан строго посмотрел на своего коня. Пора было и вправду прощаться с Декиусом и Райной, или это животное отправится в дорогу без седока.

— Королева опять говорила о тебе много хорошего вчера вечером, — сказал Декиус.

— Еще бы, — подумав, ответил Конан. Ему было интересно, насколько хорошо осведомлен Декиус о причинах, по которым королева так хорошо отзывалась о Киммерийце. — Я полагаю, это не из-за моего прилежания во время службы капитаном дворцовой стражи?

— Ну уж нет. Боги свидетели, она понимает, что после твоего... скажем, неточного повиновения было бы невозможно оставить тебя на этом

же посту. Она предлагает тебе разделить пост королевского егеря с Марром. Это дает тебе право на апартаменты во дворце...

— В каком дворце? — спросил Конан с притворным удивлением.

Все трое рассмеялись. Даже конь, видимо, оценив юмор, тихонько заржал. В королевстве после смерти Сизамбri был мир. Но мир сам по себе не выстроит нового дворца и не заплатит обещанного верным королевским слугам.

Это было первой причиной, по которой Конан вновь отправлялся в свое путешествие в Немедию. И по этой же причине он не взял в качестве платы почти ничего. Лишь коня, новый меч, хорошие доспехи, чтобы заранее оповестить разбойников на дорогах, что он не будет легкой добычей; еще — немного серебра, только чтобы купить еды себе и лошади по дороге.

— Mapp, похоже, хочет поделиться работой с тобой, — добавила Райна. — После церемонии его помолвки с Виллой мы обещали сообщить тебе о предложении королевы, что, собственно, и сделали. Так какой же ответ мы можем передать ей? — Райна улыбалась, как это бывало раньше, той улыбкой, которая означала, что она заранее знает, что может сказать Конан.

— Скажите, что лишь увидели, как я умчался отсюда куда глаза глядят... нет. Я не хотел бы обидеть ее. Скажите лучше, что я навсегда сохраню в памяти честь, оказанную мне. Я имею

в виду службу при дворе Ее Величества... Ну, и сами там добавьте чего-нибудь поцветистее.

Чтобы поднять немного настроение всех троих, Конан сменил тему разговора:

— Надеюсь, что церемония помолвки прошла удачно. Тайрин вел себя прилично?

— Да, он очень старался, — ответила Райна. — Не знаю, рад ли он тому, что его дочь выйдет замуж за Марра — королевского егеря, а не за Марра-Флейтиста. Но я точно знаю, что пару дней назад Вилла здорово поцарапалась с отцом из-за этого. Она ему заявила, знаешь что? «Хоть Марр и разбил свои флейты и потерял свою магическую силу, но у него осталось все, что нужно, чтобы создать магию в отношениях мужчины и женщины». Я не думаю, что Тайрин после этого смог спокойно пойти спать.

— Доверьте все Вилле. Она сама доберется до сути вещей и проблем, — сказал Конан.

Конечно, колдун на покое и дикая девчонка из горной деревни — весьма странная пара, но Конан встречал и более занятные. Ну, например, воин благородного происхождения Пограничного Королевства и дочь боссонского крестьянина, которой суждено было стать следующей за королевой по значению женщиной королевства.

— Значит, ты твердо решил и не останешься до дня нашей помолвки? — спросил Декиус.

— А ты мне обещаешь, что все это время королева не посвятит поиску новых способов удержать меня здесь?

— Да я уж лучше поспорю на то, что долечу до замка Дерби на своих руках, как на крыльях, — ответил Декиус.

— Мудрое решение, — сказал Конан и добавил: — Я приеду на помолвку королевы, если услышу о ней заранее, чтобы успеть доехать. Вот за это я ручаюсь. А еще я бы посоветовал вам начать охотиться за соответствующей кандидатурой на роль мужа нашей королевы.

— А то как же, — успокоил его Декиус. — Нам понадобится человек, смелость и ум которого не подлежат сомнению. Все-таки ему придется быть рядом с королевой. Да, еще желательно, чтобы он был выше ростом и с длинными черными волосами.

Конан просто открыл рот от изумления. Лицо Декиуса представляло собой маску — маску человека, сдерживающего в себе столько смеха, что, начни он смеяться — рисковал бы задохнуться от хохота. Райна посмотрела на своего суженого, и ее лицо вспыхнуло румянцем.

А затем все трое выпустили наружу накопившийся смех, заставив скалы отражать его громким эхом. Эхо еще не успело затихнуть, а Конан уже пришпорил коня и понесся вниз по склону холма. На равнине он отпустил застоявшегося скакуна в свободный галоп, и, когда обернулся, чтобы посмотреть назад, Декиус и Райна уже скрылись из виду.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
Глава первая	22
Глава вторая	36
Глава третья	53
Глава четвертая	78
Глава пятая	103
Глава шестая	116
Глава седьмая	136
Глава восьмая	154
Глава девятая	176
Глава десятая	194
Глава одиннадцатая	214
Глава двенадцатая	243
Глава тринадцатая	259
Глава четырнадцатая	284
Глава пятнадцатая	306
Глава шестнадцатая	329
Глава семнадцатая	345
Глава восемнадцатая	371
Глава девятнадцатая	384
Глава двадцатая	408

Г85

Грин Р.
Конан против Звездного Братства: Роман/
Пер. с англ. В. Правосудова. — СПб.: Азбука,
1995. — 416 с.

ISBN 5-300-00086-6

В далеком северном пределе Хайборийского мира снова поднимает голову зло, там оживают древние чудовища, полыхает война, появляются таинственные чародеи из враждебного всему живому Звездного Братства. Никто не отважился бросить вызов этому злу, кроме варвара по имени Конан.



По вопросам
оптовых закупок
этой и других книг
из сериала
о варваре по имени

КОНАН

обращайтесь по телефону:
(812) 291-29-26
или по адресу:
СПб., ул. Гастелло, 9.
АОЗТ "МУХОМОР"

Не пропустите следующие выпуски сериала о Конане,
которые выходят в ближайшее время:

Роланд Грин "Конан против Звёздного Братства"

Леонард Карпентер "Конан на дороге войны"

Леонард Карпентер "Конан и осквернители праха"



Литературно-художественное
издание

Роланд Грин

КОНАН
ПРОТИВ ЗВЕЗДНОГО БРАТСТВА

*Перевод с английского
В. Правосудова*

Руководитель проекта
Геннадий Белов

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

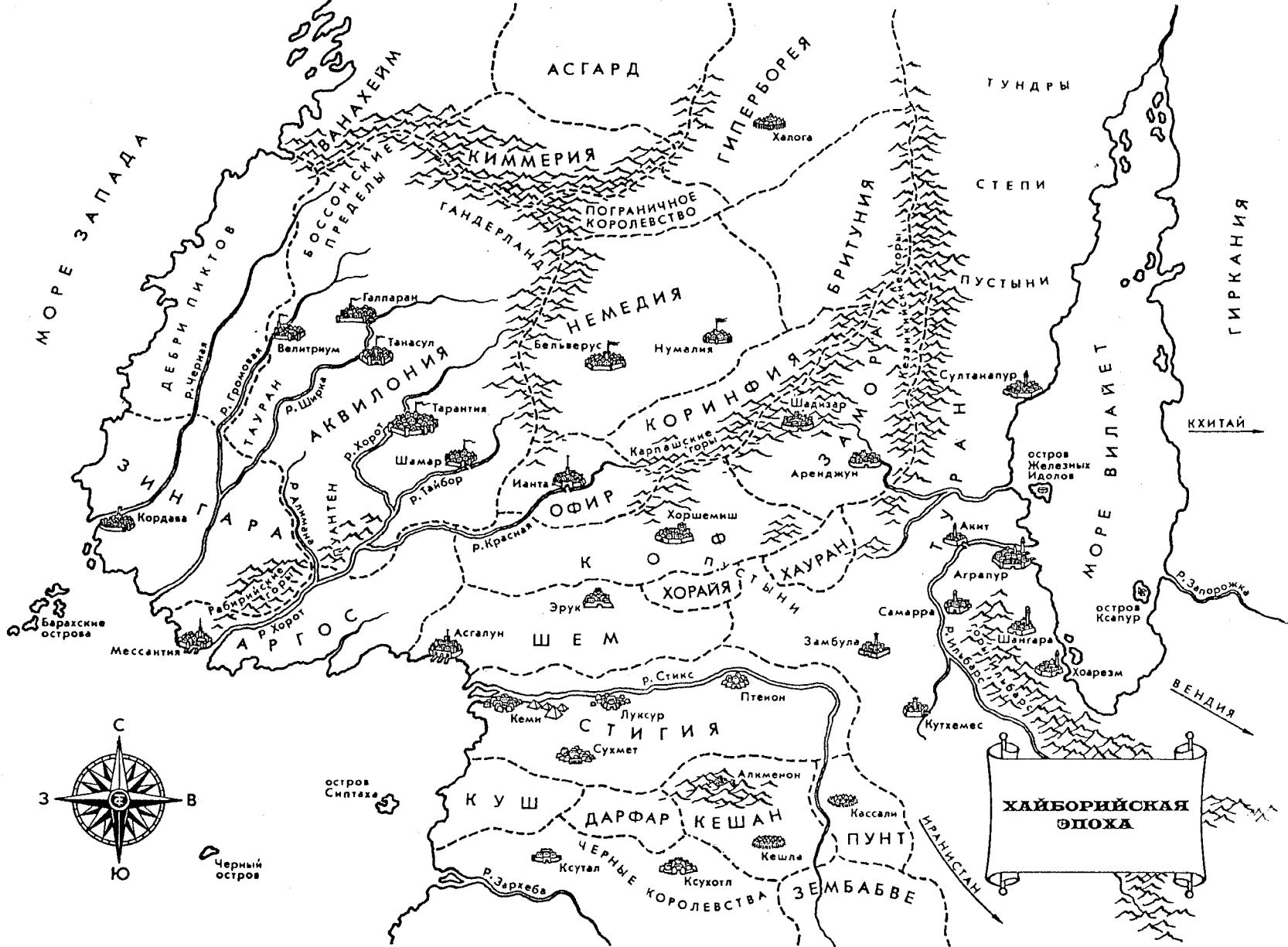
Корректоры
Татьяна Виноградова
Елена Шнитникова

Верстка
Дмитрий Положенцев

Подписано в печать с оригинал-макета 01.06.95.
Формат издания 70×100¹/₃₂. Печать высокая. Гарнитура Таймс.
Тираж 25 000. Усл. печ. л. 16,8. Изд. № 86. Заказ № 1221.

Издательство «Азбука».
198147, Санкт-Петербург, Бронницкая ул., д. 17.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.





Поначалу Конан хотел лишь разведать
безопасную дорогу через Пограничное Королевство,
далекую северную землю,
где нашли приют изгои всего хайборийского мира.

Но не бандиты и убийцы заставили Конана
задержаться в этой неприветливой земле.

Киммериец встретился с Райной,
женщиной-воином, столь же привлекательной,
сколь и опасной. Райна оказалась достойной
возлюбленной Конану, но счастье их длилось
недолго. Чародеи таинственного Звездного Братства
повергли в ужас все Королевство, вызвав к жизни
злобных чудовищ минувших эпох.

Те, кто имел власть над самим Временем,
просто не могли предполагать, что их силе
может противостоять один-единственный человек.

КОНАН

ПРОТИВ ЗВЕЗДНОГО БРАТСТВА

CONAN – зарегистрированная торговая марка Conan Properties, Inc.
Использована по лицензии.